

ЛИТЕРАТУРНАЯ

10.335
1965

ГРУЗИЯ

2

1965

В ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ КОМПАРТИИ ГРУЗИИ

ОБ ОЗНАМЕНОВАНИИ 800-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ГРУЗИНСКОГО
ПОЭТА И МЫСЛИТЕЛЯ ШОТА РУСТАВЕЛИ

Состоялось заседание Президиума ЦК КП Грузии. Был заслушан доклад первого секретаря ЦК КП Грузии товарища В. П. Мжаванадзе об ознаменовании 800-летия со дня рождения великого грузинского поэта и мыслителя Шота Руставели.

ЦК КП Грузии принял решение в сентябре 1966 года провести юбилейные торжества, посвященные 800-летию со дня рождения Шота Руставели.

Решением ЦК КП Грузии создан правительственный юбилейный комитет, возглавляемый председателем Совета Министров Грузинской ССР Джавахишвили Г. Д.

ЦК КП Грузии поручил комитету разработать и представить план мероприятий по проведению юбилейных торжеств.

10.335
1965/2

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ ДЕВЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

77.055-

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Палестина, Палестина... Из цикла «По следам Руставели». Стихи. Перевод с грузинского А. Межирова	3
ИАКИНТЭ ЛИСАШВИЛИ. Страх и любовь. Рассказ. Перевод с грузинского Н. Карашвили	8
РЕВАЗ АСАЕВ. Пять минут. Горы. Стихи. Перевод с осетинского А. Давыдова	12
СЕРГО КЛДИАШВИЛИ. Одиночество. Перевод с грузинского К. Коринтели. Продолжение	13
АЛИО АДАМИА. О встречи новые и старые! Зову я первого поэта... Каждый день смотрю на Кодиани... Над горами ветры бродят... Из книги лирики. Стихи. Перевод с грузинского А. Глезера	33
ВАНО УРДЖУМЕЛАШВИЛИ. Мяч и поле. Повесть. Перевод с грузинского М. Рывкина. Окончание	35

ПОЛВЕКА ОКТЯБРЯ

Город новостроек	59
ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Поэзия и революция. Окончание	62

КРИТИКА

СВЕТЛАНА КОШУТ. Бессмертные корни и буйные ветви	67
РОСТОМ БЕЖАНИШВИЛИ. Эстетический мир новелл Нико Лордкипанидзе	72

См. на обороте.

2

ФЕВРАЛЬ

1965

655. 658. 6560

ОЧЕРКИ

МИХАИЛ ДАВИТАШВИЛИ. Дары нашей республики 76
ЛЕОНИД РОСТОВЦЕВ. О Москве и москвичах 82

СТРАНИЦЫ МИНУВШЕГО

Записи на память 86

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Натанеби — Вешенская 68

«Сабчота Сакартвело» в 1965 94

ХРОНИКА 94

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Адрес редакции: Тбилиси, 7. Улица Ленина, 5, телефон 3-44-08

ПАЛЕСТИНА, ПАЛЕСТИНА...

Из цикла „По следам Руставели“

ТЫ ЗДЕСЬ...

Здесь...
И ворот монастыря
Коснулась трепетно десница —
Рука дрожащая моя, —
И медленно молчанье длится...
И откликаются
В ответ
На робкое прикосновение
Колокола минувших лет,
Молитвенное песнопенье.

А за оградой шуршит
Сухое что-то...
Из-за двери,
Ушитый камнем,
Смотрит скит, —
Темно и холодно в пещере.

Ты здесь...
В погоне за тобой
Шла жизнь,
Ширяла непогода
Крылом над жизнью и судьбой.
И вот — порог.
Стою у входа.
А за порогом темный скит.
Конец скитаний — и начало. —
Где мне исполнить предстоит
Все, что Отчизна завешала.

Здесь
Твой последний след исеяк,
Прервался на шербатых плитах,
И отзвучал последний шаг,
Последний вздох,
Последний выдох.
И вот,
Один из сыновей,
Которых у Отчизны много, —
Пыль, прах и тлен земли твоей, —
Стоит у твоего порога.

Где, где
я только не искал
Тебя —
и в Самцхе и Месхети,
В теснинах и на гребнях скал,
В ночах кромешных и при свете.

Шел по пятам,
За пядью пядь, —
И троп тобой пройденных
узел
Наощупь тщился развязать,
Глаза от напряженья узил.

Но узел выпадал из рук, —
И как я только ни старался,
Твой след
У самой Мтквари вдруг,
У Тмогви самого стирался
И становился вновь свежей,
Чтоб снова стать неуловимым, —
У пограничных рубежей
Сойти на нет, истаять дымом.

Однажды
На короткий миг,
В просторах Инда и Пенджаба,
Твой голос явственно возник,
Моих ушей коснулся слабо.
Вдали —
И все-таки вблизи
От края отчего,
Как чудо,
На миг
Струна твоей стези
Вдруг прозвучала ниоткуда.
И, напрягая слух,
По всем
Дорогам и путям Востока
Я шел.
Но и Восток был нем,
Но и Восток молчал до срока.

Где только не был я,
В каком
Краю земли —
одним-единым
Стремленьем яростным влеком
И по горам и по долинам, —
Одну картину,
Неспроста,
Писал,
Как смутный сон,
В смятении, —
И сам же соскребал с холста
Полутона и полутени.

И шел сквозь этот смутный сон,
 Всем существом и жизнью целой
 Неотвратимо устремлен
 Вслед за твоею тенью белой.
 Ты здесь...
 На этом камне стих
 Твой шаг последний, —
 В эти плиты
 Твои следы незримо влиты
 И слезы из очей твоих.

Сюда —
 К тебе —
 Сквозь дни и ночи —
 Я шел, чтоб долг исполнить отчий,
 Лежащий на моих плечах,
 Чтобы упасть на камни эти
 Здесь,
 Где погаснул твой очаг, —
 Я — горе месхов,
 Зов Месхети.

КТО ЗНАЕТ, КАК ВАРДЗИЯ ЖДЕТ..

Кто знает, кто ведает,
 как
 Ждет Вардзия, что ему помнится,
 Какими он думами полнится
 О канувших в вечность веках...
 Кто знает, что вечность —
 не в счет...
 Кто знает, как Самцхе седая
 Томится, вестей ожидая...
 Кто знает, как Вардзия ждет...
 Кто знает, как Тмогви стена
 Ждет вести заветной —
 и в небо

Хвалу громогласную
 немо
 С мольбой устремляет она...
 Кто ведает, как в этот миг,
 Не зная призванья другого,
 Хертвиси
 известья благого
 Из уст ожидает моих...

Как ласточки ждут этой вести,
 Над Мтквари замедлив полет,
 Ждут грады Месхети и веси, —
 Кто знает, как Вардзия ждет!

ГОЛОС У СТЕН КРЕСТНОГО МОНАСТЫРЯ

Зачем
 богоотступничество
 мне
 В вину вменяют
 И грозят расплатой,
 Когда на свете
 о моей вине
 Ты ведаешь один,
 Мой Бог распятый?
 Расселин горных
 Образ неземной,
 Поверженных во прахе — утешитель,
 Обиженных — укромная обитель,
 Страды великой
 Незакатный зной.
 Ты —
 Свет во тьме,
 Пролитый щедрой чашей
 С небес на землю...
 Там и здесь — один —
 Ты —
 Верой обретенная крепчайшей
 Причина высочайшая причин.

От колыбели и до дней последних,
 И, перейдя последнюю межу,
 Я — твоего завета исповедник,
 Всем существом тебе принадлежу.

Все, что во мне созрело —
 Слово, Дело, —
 Все, что зачахло,
 Каждое зерно, —
 Тобой,
 Неотвратимо и всецело
 В меня однажды было внедрено.

Благодаря твоей всевышней власти,
 Аз есмь не зверь...

не зверь...
 но Человек...

В дороге долгой
 Ододел напасти
 И заблуждений горестных избег.

Учение твое — превыше правил...
 Ты,
 наставляя жить не по злобе,
 Спас от греха, на правый путь
 направил
 Небесным откровеньем:
 «Бог в тебе»...

И если в чем-то я ошибся все же, —
 О прегрешеньях суетных моих
 Ты, Вездесущий, узнавал не позже,
 Всеведующий,
 ведал в тот же миг.

Не знаю, похулишь или похвалишь, —
 Лишь твоему подсуден я суду,
 Судья Всевышний мой, —
 И от тебя лишь
 Великодушья и прощенья жду.

Мой разум и сознание
 Высшим даром
 Я почитал, не ведая вины,
 Ибо они
 Из всех существ
 Недаром
 Лишь человеку только и даны.

Ты поклоненья требовал слепого,
Коленопреклоненья одного, —
Но только мысли, воплощенной
в Слово,
Я поклонялся, веря в естество.

И если в замысле твоём высоком
Я человеком был,
И если ты
Однажды взвесил совершенным оком
Мои несовершенные черты;
И если ты
Печаль и радость —
Разом —
Дал мне вкусить на праведном
пути, —

То я желал
Раскрепощенный разум,
Освобожденье мысли
Обрести.

Нежней молитвы и мощней хорала
Вошло желанье это в бытие,

ГОЛОС В КРЕСТНОМ МОНАСТЫРЕ

Я исчез...
исчез я...
или
Из густой, дорожной пыли
Днесь
Перед концом пути
Здесь
Возникнул во плоти...

Попрана душа моя,
Плоть поглощена могилой,
Или из небытия
Возродилась с новой силой?
Свет ли — на пути моем,
Или на дороге — тени?
Это

взлет
или паденье?

Это
спуск или подъем?
Плачу я или пою?
Волен,
или под охраной
На земле обетованной
Коротая жизнь мою?..

Даль открыта с перевала,
Застилает очи мгла?..
Роза дикая увяла,
Краше прежней расцвела?
Отрешился от земного,
Или
Все припомню снова,
Наяву, а не во сне,
Знойным впиваюсь летом?
Или не от чего мне
Отречься в мире этом?..

Разве я растратил пыл
Веры и молитвы,
Или,

Избави Бог, чтоб жизнь меня карала
За это вот желание мое!

Но если ты желанье это все же
Сочтешь за грех, помыслив о плохом,
То где тогда, не ведаю, о Боже,
Граница меж грехом и не грехом?!

Не осуждай меня..
Из дальней дали,
Недугами согбен, полуживой,
Пришел к тебе, поникнув головой,
Колени преклонив,
Проситель твой
От имени желанья и печали.

Зачем богоотступничество
мне

В вину вменяю
И грозят расплатой,
Когда на свете
о моей вине
Ты ведаешь один,
Мой Бог распяты?!

Повинуясь чуждой силе,
Твой Закон переступил?

В этом ли моя беда?
Что же мне в вину вменялось?
Или то,
Что иногда
Мысль узде не подчинялась?

Но не твой ли щедрый дар,
Что вознес меня высоко, —
Сердца пламенного жар,
Мысли пристальное око?!
Или сам я не постиг
Истины, —
И, может статься,
Ты совсем в грехах моих
Не находишь святотатства?
И тебе,
Учитель мой,
Всеблагой и справедливый,
Слишком робкими порой
Кажутся мои порывы...

Робость...
Вот вина моя
Перед Богом и законом, —
И раскаиваюсь я
В прегрешенье
Несовершенном.
Жизнь моя
иначе шла,
Иначе
звучало Слово, —
Я —
Другого ремесла
И призвания иного...

Что досталось мне в удел?
Разве был я слишком жаден, —
Разве
право

заимел,
Или голос
был мне даден?
Разве правил мной Ваал,
Искушал и беспокоил?
Разве
я повелевал
Или цитадели строил,
Или рушил города?..
Я,
Не венчанный короной,
Только мыслью
был всегда,
Только мыслию бессонной...

Просто был я сам собой, —
Думая о человеке,
Человеческой судьбой
Не повелевал вовеки.

В этом видел я свои
Озаренья и ненастья.
Был я данником любви
И рабом единовластья.

Если в этом весь мой грех,
Если в этом грех мой тяжкий, —
Покарай меня за всех —
Я не требую пощады.

ГОЛОС В ОЛИВКОВОМ САДУ

В том признаюсь,
что на свете
превыше всего
Родину ставил, —
и ежели грех мой таится
Именно в этом, —
готов отвечать
за него,
Пусть покарает меня
справедливая
божья
десница.

Ибо светило господне
считал я всегда
Солнцем Отчизны,
ее достоянием
и светом.

Лился ли дождь
или снег покрывал города, —
Я прозревал
достоянье
Отечества
в этом.

О Палестина!
Я верил в тебя...
Но молясь
Животворящими душа
словами твоими,

На исходе
дней
и сил
Я пришел под эти стены,
Сердце пред тобой открыл,
Утомленный и согбенный.

На краю могилы став,
Твоего ответа жажду:
Где был прав я,
где не прав?

Или был не прав я
Дважды?

У могилы на краю
Только правде соревную, —
Укажи мне
на мою
Радость и печаль земную...

Я прошел сквозь рубежи
Пораженья и победы.
Где

весна моя? —
Скажи...

Где

зима? —

Ответь, поведай!

Я пришел к тебе с мольбой
Всех времен и поколений.
Пантократор!
Пред тобой
Опускаюсь
На колени.

С Грузией милой
век
не утрачивал связь. —
Прежде всего
я молился
Отчизны во имя.

Слово Отчизны
мне слышалось в слове любом,
Небо грузинское
чувствовал отчим пределом, —
Ибо
под небом Отечества,
даже рабом,

Был бы и в горе
я счастлив
душою и телом.

О Палестина!
По вехам грузинских дорог
Шел я к тебе,
За Отчизну молясь неустанно, —
Ибо
вне Родины
верить в бессмертье не мог,
На стороне
не искал
патриаршего сана.

Если достоин я
гор и ущелий родных,

То потому, что
и сердце
и честь
и дыханье,
Как на алтарь,
я пожертвовал только на них,
Схиму и пост в Палестине
предвидя заране.

Все, что, Творец,
мне однажды тобою дано,
В плоть внедрено,
врито в кровь
через дни и сквозь ночи,
Все, что потеряно,
прожито,
обретено, —
Все безраздельно
принес я
на жертвенник отчий.

И потому,
на исходе последних минут,
В дальнем краю,
в палестинских моих палестинах,
Слезы мои
на грузинскую землю
текут,

Песни мои
пребывают
в горах
и в теснинах.

И потому,
пред тобой преклоняя главу,
Родину вижу,
смотрю на родимые лица,
В монастыре палестинском
дышу и живу
Лишь для того,
чтоб за счастье Отчизны молиться.

ГОЛОС У КОЛОКОЛЬНИ

Последние страницы перелистываю
В заветной книге...
Верю и молю:
Откликнись, Боже,
На мольбу мою,
Услышь, Творец,
Мою молитву истовую.

Молю, —
Не закрывай
Морских ворот
Земли грузинской...
Исхожу мольбою, —
Не отрывай
Мой праведный народ
От мира, просвещенного тобою.

Творя молитву, я пришел сюда,
Мне пост не труден и не в тягость
схима.
Так почему кровавая страда,
Гнев неба, — близость страшного
суда
Маячит предо мной неотвратимо...

О, почему плывет
с восхода
мгла
И чудится, что край родимый болен,
И горестно гудят колокола,

Скорбящий глас картлийских
колоколен.
Зачем
в ночи
мерещится опять,
Сквозь мглу густую сновиденья рая,
Меч,
воткнутый в скалу
по рукоять,
И яростные слышатся стенанья.
И низко
над руиной крепостной
Кружится ворон сытый и надменный,
И Картли
тенью
следует за мной,
Отторгнута от Бога и вселенной.

Свечу в грузинском доме не гаси,
Не обрекай Отчизну на бесславье,
От рабской доли, Боже, упаси,
От поруганья, Господи, избави!

Не закрывай
Морских ее ворот,
Не дай
Вольнолюбивой —
Стать рабою.
Не отрывай
Мой праведный народ
От мира, просвещенного тобою.

Перевод с грузинского А. Межирова

Страх и любовь

Рассказ

Перевод с грузинского Н. Карашвили

Прозрачный утренний туман окутал высокогорный курорт Бахмаро. Но вот из-за гребня выглянули первые лучи солнца. Молочная завеса вспыхнула, и сразу осветилось все вокруг: горы, зеленая долина, лес, ущелья. Яркими факелами запылали в небе вершины гор.

...На балконе показались двое — стройная молодая женщина с голубыми глазами и статный широкоплечий мужчина. Это были молодожены. Они поднялись сюда, в это дачное местечко, только вчера. А сейчас, весело разговаривая о чем-то, готовились в дальний поход. Наконец сборы были закончены, и оба, со смехом сбежав по лестнице во двор, вышли на дорогу.

И муж и жена с детства привыкли к горам. Влюбленные в покрытые лесами крутые склоны, они давно увлекались горным туризмом и не раз участвовали в многодневных походах. Горы манили их, каждый раз открывая перед ними, только вступающими в жизнь, новые страницы захватывающей книги природы.

Вот и сейчас, быстро вскарабкавшись по мшистому склону горы, они вместе с узенькой тропкой затерялись в лесной чаще.

Согретые утренним солнцем деревья роняли на землю прозрачные, как слеза, росинки. Иногда прохладные капли падали путникам на лицо, на шею. И тогда они громко и весело смеялись. Где-то далеко-далеко лес повторял их смех. Они прислушивались к нему и шли дальше, словно преследуя собственное эхо.

— У меня такое ощущение, Гиви, будто у нас свадебное путешествие в чудесную лесную сказку. И нет конца ни лесу, ни сказке... И мы идем и идем с тобой рядом...

— Да, хорошо! — мечтательно произнес Гиви. — Но, к сожалению, Лали, всему есть конец. И мы с тобой когда-нибудь подойдем к нему.

— Не говори так. Я и думать не хочу об этом.

Гиви остановился.

— Ты права, милая, — сказал он. — Только тот может по-настоящему наслаждаться жизнью, кто поборол в себе страх перед смертью. К тому же нам это грозит не так уж скоро, — улыбаясь закончил он.

Лали засмеялась. Эхо сейчас же откликнулось ей.

Как бы следуя его зову, они шли еле заметными тропами. Прислушивались к журчанию затерявшейся где-то в тенистом овраге речушки, к влажному дыханию водопадов, подчас недоумевая, откуда идут эти колдовские звуки.

Зачарованные голосами природы, они забирались все глубже в чащу, не замечая, что давно уже стерлись неверные лесные тропинки.

— Посмотри, Гиви, какая красота — лес и водопад... и ты... Ты для меня — весь мир...

— Я люблю тебя, Лали. Не знаю, как я жил без твоих глаз, без твоей улыбки, без смеха твоего. Теперь мне кажется, что я родился только для того, чтобы встретить тебя.

— И мне так кажется. Только с тобой поняла я, что такое счастье.

— Помнишь, Лали, тот день, когда мы закончили университет? Вместо того, чтобы радоваться, ты вдруг начала плакать. И мне что-то сдавило грудь. Тогда я понял, что не смогу быть без тебя.

— Я боялась, что придется расстаться с тобой навсегда, — печально сказала Лали.

— Пойдем, родная. Перейдем через вон ту гору и отдохнем...

Они поднялись на вершину и присели на большом камне, любуясь дикой красотой горного пейзажа. Кругом зеленели густо поросшие лесом горы. Молодым людям казалось, что они совсем одни на свете, и все вокруг создано только для них. Птицы пели им хвалебные гимны, а парящие в небесной синеве орлы охраняли их. Сами же они словно затерялись в этом солнечном краю. И время будто остановилось для них...

Солнце уже клонилось к западу, когда они очнулись. Далеко внизу перед ними таинственно поблескивало море...

— Пойдем, Лали!

Некоторое время они шли молча, взявшись за руки и наслаждаясь близостью друг друга.

— Вот здесь мы и отдохнем. Хорошо? — сказал Гиви, сбрасывая рюкзак в тени огромного тиса. — Помоги мне собрать шишек и хворосту, разожжем костер.

Вскоре на месте их стоянки выросла целая гора хвороста и шишек.

Разожгли костер. Гиви смастерил из кизилового прутика вертел и стал нанизывать на него кусочки мяса.

— Как вкусно пахнет! — воскликнула Лали, когда шашлык был почти готов. — Скорее, терпения нет.

Только сейчас они почувствовали, что сильно проголодались. И с каким аппетитом ели они этот ароматный шашлык!..

Где-то под ними, на дне ущелья, раздавался оглушительный грохот водопада. Они подошли к краю обрыва и замерли в молчании, прислушиваясь к этому могучему дыханию природы.

Внезапно Лали почувствовала сильный удар в плечо, вскрикнула и упала на землю. Гиви быстро обернулся. Перед ним, поднявшись на задние лапы, стоял огромный медведь. Он был явно разгневан, встретив в своих владениях неожиданных гостей.

Со злобным рычанием медведь двинулся на Гиви. Застигнутый врасплох безоружный Гиви понимал, что силы были слишком неравны. Зверь наседал все упорнее, но Гиви проворно увертывался от расвирепевшего медведя, уводя его подальше от Лали, к краю обрыва. И все же медведю удалось нанести ему несколько ран.

Но Гиви не чувствовал боли. Его мозг работал с предельной быстротой и четкостью. Теперь они находились на самом краю обрыва. Гиви чувствовал, как под его ногами крошится и оседает скалистая кромка. На какое-то мгновение он замер на месте, чуть подавшись вперед, наклонив голову и раскинув руки. Это был вызов. Медведь бросился к нему. В тот же миг Гиви метнулся в сторону и упал на землю... На том месте, где секунду назад он стоял, легким дымком курилась пыль...

...Когда Лали пришла в себя, Гиви лежал ничком, без движения, как-то неловко подвернув под себя руку.

— Гиви! — бросилась она к нему и перевернула его на спину. — Гиви, что с тобой?

Гиви дышал с трудом. Лицо и руки его были исцарапаны, разорванный пиджак набух от крови.

Ужас охватил Лали.

— Гиви! — помертвевшими губами позвала она.

Гиви не шелохнулся. С минуту Лали беспомощно смотрела на странно обмякшее тело мужа. Потом, глотая слезы, перевернула его на бок, осторожно стянула пиджак и обмыла раны.

Ссадина на боку сильно кровоточила. Лали наложила на рану чистый платок и, разорвав рубашку, перевязала грудь мужа.

Темнело. Туман медленно опускался на горы. Замолкли голоса лесных птиц. И только страх, холодный и липкий, змеёй выползал из-под кустов, топтался за каждым деревом, хрустя сухими ветками и прошлогодней хвоей.

Все, что недавно так радовало Лали, враждебно надвигалось на нее со всех сторон.

Она закричала, закричала пронзительно и отчаянно:

— Помогите, помогите!..

Но только эхо изменившимся голосом жутко ответило ей.

В темноте казалось, что водопад приблизился и с грохотом рушит все вокруг. «Что теперь с нами будет? — в отчаянии думала Лали, съевшись от страха. — Как помочь Гиви? Ведь ночью и звери напасть могут? Неужели мы должны так бессмысленно погибнуть? Нет, нет! Надо что-то придумать. Только не страшиться ни ночи, ни зверей, ни этого жуткого одиночества»... Она заставила себя встать. «Звери боятся огня, — вспомнила она. — Нужно сейчас же разжечь костер».

В теплой еще золе тлели красные угольки. Она раздула пламя, подбросила хворосту.

Ночь завладевала лесом. Ущелье до краев наполнилось туманом. Лали показалось, что это прибывает вода, и на ее зыбких волнах, оскалившись, покачивается огромная туша медведя.

Мурашки забегали по ее телу. Но она тут же взяла себя в руки. «Какая чушь! Так и сойти с ума недолго. Нельзя поддаваться страху. Ни в коем случае», — уговаривала она себя.

Лали снова села рядом с Гиви, смочила ему лицо водой, несколько капель влила в рот.

Гиви пошевелил губами, тихо застонал и снова умолк. «Спит, — подумала она. — Он потерял много крови и ослаб...»

Вокруг, не смея приблизиться к костру, хозяйничала ночь. Долго ли сможет удержать огонь рыскающих по лесу хищников? Кто знает, сколько страшных зверей здесь под покровом темноты. А что если кто-нибудь из них захочет напасть на них, беспомощных и безоружных?!

Ужас сковал Лали. Дикие картины, одна страшнее другой, мелькали в ее взбудораженном сознании.

Она заставила себя подняться, негнушима, словно одеревенелыми руками запалила от костра несколько длинных смолистых щепок и воткнула их в землю.

Обессиленная от невероятного напряжения, она не могла больше ни думать, ни видеть, ни слышать. Единственное, что она чувствовала, к чему чутко прислушивалась, было дыхание дорогого ей человека.

— Гиви, Гиви! — осторожно касаясь его плеча, прошептала она.

Гиви шевельнулся и застонал. Лали прислушалась. Теперь он дышал гораздо спокойнее. Лали утомленно закрыла глаза. И сразу же поползли, обступили ее со всех сторон загадочные лесные шорохи. На-

стороженный слух ловил малейшие звуки, а воображение обладало их в причудливые формы.

Явственный хруст веток заставил ее вскочить с места; словно отделившись от ели, прямо на нее во весь рост шел громадный медведь. Пламя костра освещало разинутую пасть и отражалось в его глазах. Лали дико закричала и в ужасе закрыла лицо руками...

...Мирно потрескивали лучины. Лали медленно открыла глаза: страшного видения не было. Что-то больно сжало ей грудь, колючим комком застряло в горле. «Наверное, я схожу с ума. Что со мной? Какие-то ужасы мерещатся. Когда же кончится эта страшная ночь? А тут еще из-за этого проклятого дерева и неба не видно — навалилось и давит. Хоть бы уж рассвело скорее!» — с тоской подумала Лали.

Она снова прилегла на землю.

«Как страшно быть одной. Если ты откроешь глаза, я совсем не буду бояться. Мне ничего больше не нужно в жизни», — шепотом умоляла она Гиви, прижимаясь щекой к его груди.

...Серый, незаметно подкравшийся свет медленно растекался по земле.

— Господи, неужели рассветает! — с надеждой воскликнула Лали и привстала. Стоя на коленях, она склонилась над Гиви, осторожно коснулась его лица.

Гиви шевельнулся. Веки его дрогнули и медленно раскрылись.

— Гиви, Гиви! Дорогой мой, наконец-то!

— Где мы, Лали?

Вместо ответа Лали прижалась к нему, обхватила его руками и зарыдала.

С волнением слушал Гиви рассказ жены о страшной ночи.

— Это ужасно, Лали. Как ты смогла одна пережить такую ночь!

— Почему — одна? Ты был рядом и твое дыхание придавало мне силы.

Горячая волна захлестнула Гиви. Он порывисто прижал Лали к груди... Долго сидели они так.

Наконец Гиви заставил себя подняться.

— Пойдем, Лали!

Медленно двинулись они в обратный путь.

Вновь, как и вчера, пробудившаяся от сна природа очаровывала их своей первозданной красотой.

— А лес, оказывается, так же страшен, как и прекрасен... — задумчиво сказал Гиви.

— Но мы вместе, и нам ничего не страшно.

— Да, Лали, ты права. Это наша любовь спасла нас.

...Полуденные лучи солнца заглядывали в лесную чащу, разбрызгивая золото лучей.

Вскоре послышались голоса дачников, отдыхающих в Бахмаро.

— Ну вот мы и пришли, Гиви! — радостно воскликнула Лали.

Зеленая горная долина лежала перед ними.

ПЯТЬ МИНУТ

В грудь партии сердце вложил Ильич
Перед тем, как навек уснуть.
Мы молча смотрели на светлый лик,
Не в силах даже вздохнуть.

Пять долгих минут страна не жила—
Только заводов гуд.
Но мысли вождя воплотив в дела,
Наверстали мы Пять минут.

ГОРЫ

Окружили старое село
Горы, что горбаты как верблюды.
Солнце над селеньем провело
Золотые пряди, словно чудо.

Быстрая и хитрая река
Здесь утесы плетью исхлестала.
Злилась и кричала как пурга
И заснуть мне ночью не давала.

Бьет по камням вспененный кулак.
А в реку кинжалом добрым в ножны
Входит остроносая скала,
Разрезая волн живую кожу.

Расскажи мне, башня, расскажи,
Как давно ты на скале застыла.
Царциата гибли здесь в глуши —
Отвечай мне: как все это было?

Льет напиток сказочный река...
Едыс¹ эту воду не жалеет.
Не отпустит он ее врагам,
А друзей попотчевать сумеет.

Бегизовы наши за столом
Гостю семь рогов за круг вручают.
Красным, нет, пурпуровым вином
Роги золотистые играют.

«ТУ» над нами каждый день летит,
Разрывая облачные гряды.
Горы, что поднялись на пути,
Для него как детские ограды.

И как будто подражая «ТУ»,
Над селом орел круги гоняет.
А внизу, в нетронутом лесу,
Кто-то с мишкой груши собирает.

Перевод с осетинского А. Д а в ы д о в а.

¹ Едыс — село в горах.

Одиночество

Перевод с грузинского К. Коринтели

Однако ребята уже не могли лежать спокойно. Начали толкать друг друга ногами и, расшалившись, затеяли веселую возню. Время от времени они поглядывали на окно. Нет, еще не рассвело, к стеклам липнет все то же серое бельмо, совсем как у бабушки на одном глазу... Утро будто позабыло, что это к его встрече вчера варили, жарили, пекли...

Како беспокойно заворочался в постели, потом открыл глаза, кинул взгляд на младших братьев. Это придало ребятишкам смелости, они живо соскочили с постели, подбежали к Како и нырнули к нему под одеяло.

— Ну, как вы тут поживаете, бесенята? — спросил Како детей, ласково взъерошив им волосы.

Илья и Севарион, боясь громко смеяться, фыркали, хихикали в одеяло.

— Ладно, ладно уж, — улыбнулся Како, обнимая обоих за плечи. — Что ж вы, вставать не собираетесь? Слышанное ли дело так долго валяться в день Нового года!

Илья, указав на дверь в смежную комнату, приложил палец к губам. Все трое засмеялись.

— А у тебя крепкие мускулы, — сказал Како Севариону, щупая его руку, — молодец!

— У меня тоже крепкие, вот тронь! — протянул ему руку Илья.

— Ух, да это ж камень, а не мускулы, — с наигранным изумлением воскликнул Како, чтобы доставить удовольствие братишке. — Здорово! Ты, верно, бычка одним ударом свалишь!

— Свалю! — просиял Илья.

— Вот расхвастался! — возмутился Севарион. — Намедни его наш козел чуть-чуть боданул, а он так и врезался в плетень! Перепугался насмерть! Если б не бабушка, — она над ним молитву прочла, — наверно, и не очухался бы.

— Врешь, вовсе я и не испугался! — стал оправдываться Илья. — Я этого козла потом так налупил, что...

— Да он на привязи был, а то ты бы к нему и подойти не посмел! — не давал ему потачки Севарион. — С того дня наш Илья как завидит козла, бежит от него, что есть духу.

— Козла, милый ты мой, и я испугаюсь, — заступился Како за Илью. — Если где увижу, тоже бегу, ближе чем на ружейный выстрел и не подхожу. Козел, знаешь, если разозлится, держись только.

Из смежной комнаты донесся кашель. Севарион мигом выскочил из-под одеяла, оделся и скользнул в дверь. Он рассчитывал застать стар-

ших на ногах, но они, оказывается, еще спали. На широкой, длинной — во всю стену — тахте с одного края лежали отец и мать, с другого — бабушка и Маквала. В комнату сквозь маленькое оконце вверху едва проникал свет, но в полутьме все же было заметно, что здесь все прибрано: в углу расставлены начищенные медные котлы, пол чисто подметен, на столе разложена всякая снедь.

Севарион на цыпочках прошел через комнату и, когда взялся за ручку двери, в ноги ему шарахнулось что-то мягкое, теплое, мохнатое. Это была Царба. В холодные зимние ночи ее обычно впускали в дом. А вчера ради Како ей и войлок перед камином постелили. Како до сих пор очень любил четвероногого друга своего детства. Как-то раз он попросил родителей не обижать собаку и смотреть за ней, пока она будет жива. Разумеется, просьба старшего сына выполнялась свято. А Царба, словно чувствуя, кто ее защитник, каждый раз, когда приезжал Како, уверенно входила в дом в любое время и укладывалась спать перед камином.

Севарион отворил дверь и вместе с Царбой вышел. Опять валил снег. Непроглядно-серое небо низко нависло над землей. Двор и лог за ним, густо запорошенные снегом, превратились в сплошное белое поле. Снег толстым слоем лежал на разлапистых ветвях деревьев. Прилетели стайкой воробьи, сели на ветку, и от легкого колыхания на землю бесшумно посыпалась снежная пыль. Вспугнутые воробьи тотчас перелетели на другое дерево, но и там посыпался снег, и птицы, растерявшись, с чириканьем стали кружить над деревьями.

Севарион провалился по колено в белую нетронутую целину, скатал большой ком снега, швырнул его, побежал. Весь он мгновенно вывалялся в снегу.

Далеко, в глубине села, пропел петух. Его клич подхватил второй, и вот уже по всем дворам зазвучала голосистая перекличка первых вестников утра.

Где-то грянул ружейный выстрел. Севарион не разобрал, в какой стороне стреляли. Он прислушался, озираясь, ожидая второго выстрела. Раскинувшееся по склону горы село окутывал туман. Тишина стояла над миром, плотная белая тишина...

Вдруг Севарион заметил серый столб дыма над крышей их дома. И в воздухе запахло сажей... Ну, раз идет дым, значит, старшие проснулись и встали...

Мальчик повернул к дому. В своем углу под навесом его встретила Царба. Она уже долго терпеливо дожидалась его, чтобы вместе вернуться в теплую комнату.

Севарион все-таки осторожно приоткрыл дверь и заглянул, — а вдруг еще спят, — но увидев, что все на ногах, смело вошел. Гаянэ подкладывала в камин щепки, чтобы дрова быстрее разгорались. Мариам наряжала Маквалу в праздничное платье.

Увидев, что кто-то вошел, Мариам стремительно поднялась со стула. В сумраке комнаты она не сразу различила вошедшего и взволнованно окликнула внука:

— Кто там? Кто это?

— Я это, я, ну что... — недовольно буркнул мальчик. Весь он, с головы до ног, был в снегу, и испугавшись, что бабушка сейчас его разругает, первым перешел в наступление.

— Кто «я»? Севарион, что ли?

— Ох, отстань пожалуйста! — уже грубо отозвался Севарион, отряхивая с одежды снег.

Мариам резко отстранила Маквалу, подбежала к внуку, порывисто обняла его, прижала к груди.

— Пошли тебе господь радость, мой мальчик! — Она целовала его мокрую одежду, лицо... — Ну кто, какой меквле был бы лучше тебя! Дай бог тебе тысячу лет провести в веселии и счастье, сокол мой, радость моя!

Гаянэ рассмеялась:

— Какой же это меквле, мама! Где слыхано, чтобы член семьи был меквле?

— Почему, Гаянэ? — смутилась Мариам. — Меквле это тот, кто первым войдет в дом. Член семьи! Как раз член семьи и принесет счастье, а как же!

— Ну, поднесите теперь этому меквле полный рог вина, пусть осушит, — с улыбкой пробубнил Ананиа.

В большой комнате собралась вся семья. Како, словно гость, сидел перед камином в коричневой бархатной куртке. Гаянэ, будто Како и впрямь был посторонним, извинялась перед ним:

— Пусть умрет твоя проклятая мать, столько времени заставляю тебя голодным сидеть! Сейчас, свет моих очей, сию секунду накрою на стол!

Ананиа подсел поближе к сыну. Ему хотелось завязать беседу, но беседа почему-то не получалась, и он лишь похлопывал Како по плечу.

Ананиа гордился тем, что у него трое сыновей, он считал это честью для семьи. Ведь они, сыновья, продолжатели его дела, его жизни. Когда не станет Ананиа, сыновья должны охранять честь и достоинство его рода и завещать то же своим потомкам.

Все, что делал Ананиа, он делал с расчетом на будущее, на тех, кто придет после него. В новом, отстроенном им доме, балки и опорные столбы из толстых бревен были рассчитаны, казалось, на столетия, давильня, тахта, полки для посуды — все, на что падал взгляд, поражало своей добротностью, прочностью... Все это должно было служить сперва его сыновьям, а потом тем, кто продолжит длинный путь рода Арбеладзе — внукам, правнукам, праправнукам, которые должны жить счастливо и безбедно на земле предков.

А пока что это будущее воплощали для Ананиа трое его сыновей. Скупой на слова, сдержанный в проявлении своих чувств, он никогда не выражал той любви, которую питал к детям, и той радости, которую они ему доставляли. Внешне он казался холодным, он вообще был неласков, подчас и суров. Иногда, пересиливая себя, он старался приласкать детей, но сам чувствовал, как неловко это у него получается. Чувствовал, что не звучит тепло его слово, не ласкает рука. Сколько раз, бывало, он трепал по щеке Илью или Севарнона — и дети с плачем убегали от отца.

— Чего ты пристал к мальчику, чем он тебе не угодил? Силу свою на нем испытываешь, что ли? — налетала на мужа Гаянэ.

— Ну, ладно, ладно, не ворчи. Нечаянно ведь я, ну что с того... — оправдывался Ананиа, хотя сам толком и не понимал, почему разревелся ребенок и зачем рассвирепела жена.

Он не умел занять детей, не мог найти с ними общего языка. Если кое-как удавалось ему ввязаться в игру, он сам чувствовал, что детям скучно с ним играть, и в конце концов игра расстраивалась. Только в одном дети не чурались отца — это когда под вечер Ананиа звал их петь. На первых порах они, правда, робели, но постепенно прониклись сознанием, что пение — это нечто обязательное, вроде как обеденная трапеза. Отец в эти минуты менялся, не смущал их неуклюжей лаской, и между ними царило полное согласие.

Самой способной в пении оказалась Маквала. Ананиа поначалу и

не требовал, чтобы девочка пела, но она сама подбегала к тахте, когда отец и братья усаживались петь, и подхватывала мелодию своим тонким чистым голоском.

Девочка чувствовала, что отец отдавал предпочтение сыновьям, но считала это вполне естественным и закономерным... В семье у сына свое место, у дочери свое. Так заведено испокон веку. Но кроме того, было еще одно обстоятельство, из-за которого братья имели перед ней преимущество. И она знала это. Маквала была горбатая. Однажды, — тогда ей было три года, — она забралась на дерево алычи. Вдруг ветка, на которой она сидела, обломалась, Маквала слетела на землю и больно ушибла спину. Тогда никто и не задумался, какой печальный результат повлечет это падение. Ведь сколько детей, да и взрослых так же падали, и никто ни в жизнь не вспоминал потом об этом...

Шло время. У ребенка постепенно начал расти горб, который с годами становился все заметнее. Девочка видела свое уродство, и в ее золотисто-карих глазах все чаще проглядывала печаль. По натуре резвая, веселая, она любила играть с подругами и всегда бывала первой заводилой всевозможных игр, но стоило ей оказаться среди взрослых или же с кем-то посторонним, как она становилась молчаливой, даже угрюмой — словно стыдилась, что она не такая, как все.

Вначале, когда у ребенка стал расти горб, мать тяжело переживала увечье дочери. Не однажды глаза Гаянэ наполнялись слезами, не однажды она плакала, с причитанием прижимая к груди Маквалу. А девочка, словно великую милость, принимала ласку матери и, замирая в ее объятиях, с благодарностью глядела на нее. Но человек привыкает ко всему. И с годами Гаянэ привыкла к несчастью дочери. В конце концов то, что девочка росла калекой, стало восприниматься ею лишь как позор для всей семьи.

Более равнодушным к этому был отец. Когда однажды Гаянэ со вздохом сказала ему: «Если уж ей на роду было написано с горбом ходить, лучше бы тогда же умерла!», — Анания хладнокровно возразил: «Ничего, замуж она не выйдет и останется в доме... У хозяйки ведь работы всегда непочатый край, вот и будет тебе верная помощница...»

Покровительницей Маквалы стала бабушка. Мариам взяла на себя все заботы о ребенке. Она и ласкала ее, и сердилась на нее. Для Маквалы у бабушки всегда находилось румяное яблоко или плоды унаби, ласковое слово или интересная сказка. Но все же девочка тосковала по материнской ласке, и когда она устаивалась такого счастья, тотчас убегала от бабушки, чтобы забраться на колени к Гаянэ и прикинуться к ее груди. Одежда и руки матери пахли луком-пореем, травой омбало, порой — дымом, и эти запахи казались Маквале самыми что ни на есть благоухающими ароматами.

Из братьев девочка больше всех любила Како. Он всегда был внимателен к ней и ни разу еще не приезжал с шахты без того, чтобы не привезти сестре какой-нибудь подарок. Все его подарки — будь то яркая лента, маленькая кукла, зеркальце или косынка — Маквала хранила в деревянной шкатулке. Она изредка отпирала эту шкатулку, торжественно извлекала из нее вещи, чтобы полюбоваться и, как она говорила, «проветрить» их. К Како все в семье относились с особой любовью и почетом, вероятно, еще и потому Маквала особенно любила его. Даже у отца, этого хмурого, не улыбочивого человека, теплели глаза и светлело лицо, когда он глядел на старшего сына. Больше того — отец, казалось, робеет перед Како.

Да, Маквала не ошибалась в этом. Действительно, Како — первенец,

старший сын, с той поры, как начал работать на шахте, стал и вовсе, как говорится, светом в окошке: он ведь оказывал очень чувствительную помощь семье.

Ананиа гордился старшим сыном. Како был надеждой и опорой семьи, но все же в глубине души отец не мог не сознаться, что младшие дети ему ближе. И это было понятно. Севарион и Илья росли на глазах у отца, с минуты их рождения каждый день его жизни был полон тех радостей и огорчений, которые они ему доставляли. Ведь Ананиа не видел, как сделал свои первые шаги Како, не слышал, как он выговорил первое слово. Вернувшись с войны, он застал Како уже подростком. Конечно, отец очень любил первенца, но любовь эта была немного остужена долгой разлукой. Подлинное тепло и радость семейного очага Ананиа ощутил лишь тогда, когда родился второй сын, а вслед за ним и третий, самый младший.

Наконец, Гаянэ закончила все приготовления к праздничному завтраку, и семья уселась за стол. Огонь в камине ярко разгорелся. Охваченные пламенем сухие дрова весело потрескивали и разбрасывали искры. Севарион и Илья, выряженные в новенькие блузы, ели с большой осторожностью, чтобы не насадить пятна. Аккуратно причесанные волосы Маквалы перехватывал пышный бант; новое пестрое платье, видимо, очень ей нравилось, она то и дело поправляла на нем складочки и встряхивала с подола крошки чади. Како усадил сестру рядом с собой. Девочка была безгранично рада и довольна, что сидит, такая нарядная, за праздничной трапезой рядом со старшим братом. Она держалась так чинно и солидно, что выглядела намного старше своих лет.

Ананиа благословил приход Нового года и поздравил всех с праздником. Дети, вслед за взрослыми, подняли стаканы с вином и чокнулись. Мариам с благоговением возвела очи горе, воззвала к господу богу и до дна осушила свой стакан. Некоторое время все молча и деловито занимались едой, в изобилии разложенной на столе. Но когда Ананиа вторично разлил вино по стаканам, не обойдя и детей, Гаянэ нарушила молчание:

— Ну, ты, видно, спить их собрался! — со смехом сказала она мужу. — Им и так бог разума не дал, а ты их совсем с ума сведешь!

— Новый год, мама, сегодня и им можно, в прок пойдет, — вступился за младших Како.

— Конечно, конечно, милый, пусть пьют! А ну, богатыри, покажите, на что вы годны! — подзадорила Гаянэ ребят, не смея перечить Како.

Однако она не дала мальчикам засиживаться за столом. Едва они успели насытиться, она спровадила их под предлогом, что они беспокоят Како.

— Ну, теперь оденьтесь потеплее и бегите во двор, поиграйте в снежки!

Маквала, чувствуя поддержку Како, не пошла с братьями, она продолжала так же чинно сидеть за столом и молча слушала беседу взрослых.

Когда Ананиа поставил второй кувшин вина, Како, желая доставить отцу удовольствие, сказал:

— Что правда, то правда, — вино у тебя отличное!.. Еще есть или это все?

Ананиа медлил с ответом. Вмешалась Гаянэ:

— Один кевври всего, пять чапи¹, мой мальчик, — сказала она. — Специально для тебя храним, никто другой и не касается. Вот только

¹ Кевври — кувшин для вина. Чапи — старинная грузинская мера жидкости, равная 16 литрам.

почаще радуи нас своим приездом, а уж об этом не беспокойся, вино для тебя всегда найдется.

Како обнял мать и улыбнулся.

— Откуда, мама, а?

— Это не твоя забота, сынок, вина у тебя будет в достатке.

— Каким же образом? — засмеялся Како.

— Уж я знаю, каким, это мое дело!

Ананиа покосился на жену, хотел было что-то сказать, но смолчал.

— Еще лучше этого вино будет, так и знай. Вот, сыночек, как оно...

Ты только почаще к нам наезжай, а в остальном положишься на меня.

Ананиа не шелохнулся, будто и не слышал настойчивых заверений Гаянэ. Воцарилось минутное молчание, потом заговорил Како:

— Нужно сажать новую лозу, отец, иначе нельзя. В дом гости приходят, друзья, приятели... Без вина никак тебе невозможно.

Ананиа и на этот раз долго молчал, наконец вымолвил:

— Оно верно, без вина нельзя... однако ж...

Гаянэ громко вздохнула:

— Эх, я и глядеть не хочу на наш виноградник. Хотя бы вовсе его не видеть, да на грех он как раз к дому прилеплен, как тут не видеть! Хочешь не хочешь, в глаза лезет. Ох, чтоб им бог отравил жизнь так, как они мне отравили... И кому понадобился этот крохотный клочок земли?

— Дорогу ведь будут прокладывать, мама, а наш виноградник мешает, — попытался успокоить мать Како. — Кругом, по ущелью, далеко будет очень, что ж тут поделаешь...

Гаянэ опять вздохнула.

— А какой ухоженный, сколько трудов, сколько забот он нам стоил... Каждая лоза мне дороже глаз была. Года два-три все равно еще не будут строить эту дорогу, оставили бы пока... Ведь испортят, затопчут...

— Как это испортят? — удивился Како. — Почему испортят?

— А кто ухаживать будет? Никто! Вон, давеча скот туда забрел... Хоть бы уже все пообъели, подумала я, чтоб не видеть мне, не портить кровь, но нет, сердце не выдержало, послала детей, чтоб выгнали...

Ананиа резко откинулся на спинку стула.

— Ну, полно, полно тебе... — на полуслове прервал он жену. — Это теперь нас не касается. Будут ухаживать, а как же иначе... Нечего тебе зря языком трепать!

Вдруг дверь распахнулась, и в комнату вошел мужчина, с ног до головы запорошенный снегом. Он был высок и сутул. Казалось, снег тяжелым грузом давит ему на плечи и мешает ходить. Голову и лицо укутывал башлык, из-под которого видны были лишь лишь глаза и нос.

— Многие лета, многие... — глухо прозвучал голос вошедшего. Голос его тоже был какой-то снежный, мокрый.

Мариам в это время шла зачем-то в угол, где хранились разные припасы, но, увидев гостя, остановилась на полдороге. В тишине комнаты раздался глубокий вздох вошедшего. Все напряженно вглядывались в него, пытаясь узнать, кто же это. Наконец он снял башлык, и удивленная Мариам воскликнула:

— Ефрем, что ли? Неужто Ефрем?

— Многие лета... В веселии и достатке со всеми вашими близкими и доброжелателями... — ронял Ефрем.

— Да, но... Как это ты пришел? Решился-таки, а? — засыпала его вопросами Мариам.

— Чтоб тебе провалиться, старый черт, перепугал-то как! — ти-

хонько проговорила Гаянэ, но тем не менее поднялась навстречу Ефрему.

Мариам засуетилась, выхватила у него из рук башлык, палку, подала стул, предварительно обмахнув его тряпкой, — хоть стул был совершенно чистый, — пригласила к столу.

— Вот, батоно¹, сюда, пожалуйста, поближе к огню... присаживайся, окажи честь...

С приходом Ефрема она прямо-таки воскресла. Поспешно поднесла ему полную тарелку мяса и стакан вина, в камин подбросила большие поленья — пусть станет теплее!

— Со всеми близкими... Помогите им, господи, и ты, богородица, не оставьте своей милостью... так счастливо, в радости... большой снег пошел, большой... Многие лета в такой радости... — путанно благословлял меквле. Он оглядел своим единственным глазом стол, залпом осушил стакан вина и принялся за мясо.

— Как же ты пришел? Каким чудом? — не могла опомниться от радости Мариам.

— Пришел вот... — прожевывая мясо, заговорил Ефрем. — Пришел... нельзя было не прийти...

Он хотел сказать еще что-то, но забыл, что, и снова прошамкал:

— И вот я пришел...

Мариам совершенно преобразилась. Даже замечание невестке сделала. Если Анания запаздывал подливать Ефрему вино, сама наполняла ему стакан.

— Кушай, сударь мой, кушай... Вот этот кусочек, мягкий, жирный... Любой бери, какой тебе понравится, какой приятнее...

Ефрем не заставлял себя просить. Что бы ни предлагала ему хозяйка, он, не медля, отправлял в рот.

Гаянэ что-то тихо, с укором, сказала свекрови.

— Обожди, милая, — обрезала ее та. — Я лучше знаю, что делать и как себя вести!

Мариам придавала особое значение приходу Ефрема... Яснее ясного, сам всевышний ниспослал ему силы и направил к ним в дом, чтоб волей божьей даровать счастье ее семье... Разве одолел бы Ефрем длинный путь от своего дома до дома Мариам? Этот самый Ефрем, который вчера так бессильно лежал в постели? Что и говорить, здесь замешана рука providения...

Да, Мариам была уверена, что приход Ефрема свершился по воле господина... Теперь ведь совершенно очевидно, как правильно она поступила, навестив его вчера... Не больному, а судьбе напомнила она о себе. Пусть теперь кто-нибудь осмелится упрекнуть ее за то, что вчера она всполошила своих домочадцев... Нет, уж, извините, никто не осмелится!..

Ефрем, накушавшись вволю, осушил последний стакан, потом придвинул свой стул к камину и уселся перед огнем. Мариам села подле. Спросила о Сидонии, вспомнила минувшие встречи Нового года, словом, всячески пыталась завязать беседу, но заметив, что гость уже не слушает ее, а дремлет, тотчас расстелила толстый мягкий войлок в углу длинной тахты, помогла Ефрему подняться со стула и уложила его, укрыв старой, еще времен Датиа, буркой.

— Не забыл тебя твой испытанный меквле, — ласково обнимая бабушку, пошутил Како.

— Воля божья на то была, потому и не забыл. — В голосе Мариам

¹ Б а т о н о — почтительное обращение.

прозвучала твердая уверенность и удовлетворенность. — Так пожелал господь — чтобы все мы в радости и веселии провели этот год. Благословенна справедливость господя, он не оставит милостью верных рабсв своих!

«Верной рабой», конечно, была она, Мариам. Этими словами она давала понять невестке всю бестактность и неразумность ее вчерашнего поведения и потому, говоря с внуком, многозначительно поглядела на Гаянэ.

Гаянэ поняла намеки старушки и проговорила со сдержанной усмешкой:

— Да, мама, но меквле-то двое было!

— Как это двое? — искренне удивилась Мариам. — А кто приходил до Ефрема?

— Севарион, батано... Забыла разве?

— Такой малыш не в счет! — решительно возразила свекровь. — Притом, ты ведь сама сказала утром, что член семьи не может быть меквле!

— Да я-то сказала, но ты сейчас же заставила меня замолчать, заявила, что, кто первый входит в дом, он и есть меквле. Разве не так было? Ну и вот...

— Член семьи не может быть меквле! — не дала ей договорить Мариам. — Ты первая сказала, что нельзя. А теперь вот бог послал нам настоящего меквле.

— Пусть и первый будет меквле и второй, лишь бы вы не ссорились! — расхохотался Како.

— Конечно, лучше пусть так будет, — поддержал Анания. — И один и другой!

Анания тоже верил, что у Ефрема счастливая нога, и в глубине души желал, чтобы именно он был меквле.

Мариам некоторое время сидела молча. Гаянэ поняла, что старушка обижена, и ласково сказала ей:

— Да ведь мы шутим, мама, разве кто сомневается, что ты права! Просто в такой день и посмеяться не грех.

К полудню пришли соседи, и тихий дом сразу огласился веселыми шутками, возгласами, смехом. Мариам, увидев среди гостей Гигу, на других уж и внимания не обратила.

— Пошли тебе судьба здоровья и счастья, сын мой, ты никогда не забываешь меня в этот день! — прослезившись от радости, говорила растроганная Мариам. — Когда я гляжу на тебя, мне так и кажется, будто мой Иорам тоже здесь. Эх, будь он сейчас рядом со мной, на свете никого счастливее меня не было б! Но на все воля божья, знать, так ему было на роду написано. Что ж, мне хоть и то утешение, что ты здоров и счастлив. Ведь я тебя грудью своей кормила, помню, в одной руке Иорама держала, в другой — тебя...

— Да, тетя, да... — говорил Гига, глядя своей большой сильной рукой морщинистую руку Мариам. Он любил эту добрую женщину, мать своего друга, и ему хотелось сказать ей что-нибудь ласковое, но Гиге, как и Анания, не с руки была ласка. К тому же сейчас он чувствовал себя таким усталым... Он не пошел вчера домой, ночевал у Минаго. Долго не мог уснуть, взбудораженный неожиданным появлением Элисо. А с утра, разбитый после беспокойно проведенной ночи, вместе с Минаго принимал его гостей и сидел за новогодней трапезой.

Ангиа и Минаго были сильно навеселе. Ангиа, всегда чрезвычайно почтительный, вежливый в обращении, любитель спокойной, неторопливой беседы, во хмелю совершенно преображался, становился молча-

ливый и хмурый. Вот и сейчас он мрачно поглядывал на окружающих, сверкая черными глазами из-под густых бровей, и если раскрывал рот, так лишь для того, чтобы поспорить с кем-нибудь. А на Минаго вино действовало совсем иначе — он делался необычайно ласковым. И сегодня, как обычно в таком состоянии, он приставал ко всем с поцелуями и объятиями. Его одолевали приступы веселого смеха. Почему он смеялся, он и сам не знал. Особенно развеселило его зрелище спящего на тахте Ефрема.

— Великий боже! — всей пятерней крестился Минаго. — Этот человек все еще ходит по земле!

Он приподнял бурку, окликнул Ефрема, подергал его за плечо, но Ефрем спал безмятежным глубоким сном и ничего не слышал. Временами он похрапывал, щеки его раздувались, и только по этому можно было заключить, что он жив.

— Эх, проклятая старость... — Минаго укрыл Ефрема буркой, поправил ему мутаку под головой. — Ведь какой богатырь был, а? В засуху, когда земля словно камень твердела, пройдет он, бывало, а следы его так и врезаются... Да, помню, помню... Эге-е, значит, и мы так же постареем? Это и есть наш конец? Хи-хи!

— А чего тебе печалиться, — пробурчал Ангиа, — ты каков есть сейчас, таким и останешься, куда тебе дальше-то стариться!

Минаго от неожиданности аж рот разинул.

— Постой, постой... Совсем ты обнаглел, совесть потерял, — проговорил он наконец.

Ангиа спокойно поглядел на него и повторил:

— Говорю, не о чем тебе больше волноваться...

Минаго ошетинился, нахохлился, выкатил глаза и угрожающе придвинулся к Ангиа, но вдруг расхохотался.

— Ну, конечно, батона, конечно! Клянусь богом, это верно! Куда еще мне стареть!

Следом за Ангиа, Минаго и Гигой пришел Ивлианэ Бубашвили, а потом еще двое соседей. Оба были изрядно пьяны. Они даже не сознавали, где находятся. Но соображения на то, чтобы произнести новогоднюю здравицу, у них хватило, и, выпив по стакану вина, они поспешили в следующий дом, покачиваясь и поддерживая друг друга под руки. Ивлианэ остался и присоединился к компании.

Дети, наигравшись вволю, вернулись в дом и тихо сидели на тахте, наблюдая за взрослыми. Из гостей им больше всех нравился Ангиа. Нравилось, как он язвил и подзуживал других, а особенно интересно было, когда он за Минаго принимался. Тот сразу вспыхивал, вытягивал шею, лицо у него тоже как-то вытягивалось, краснело, становилось злым, а потом гнев его совершенно внезапно проходил и он раздражался громким смехом. Смеялся он удивительно — все его тело сотрясало, он размахивал руками, притопывал ногами, и глядеть на него детям было страшно забавно.

Пир был в разгаре, когда Ефрем вдруг проснулся. Он уставился полусонным взглядом на сидящих за столом и собрался было встать, подойти к ним, но Гаянэ опередила его, поспешно поднесла мясо и вино. Ефрем, получив то, что ему хотелось, уже и не глядел на гостей. Ел он медленно, старательно прожевывая каждый кусочек, и изредка бормотал что-то себе под нос. По всему видно было, что он весьма доволен и отнюдь не думает покидать теплый уютный дом.

Гаянэ что-то сказала свекрови.

— Правильно, дочка, правильно! Конечно, так лучше, — согласилась Мариам.

Она вытащила откуда-то плетенную из вишневой коры корзинку, в которой летом дети, идя на пастьбу, носили с собой завтрак, сложила в нее куски мяса, бутылку вина и подошла к Ефрему.

— Сейчас дни короткие, того и гляди стемнеет... — почтительно обратилась она к нему и протянула корзину. — Вот я сюда уложила кое-что для Сидонии. Правда, она достойна лучшего подарка, но, зная ее доброе сердце, я думаю, она не осудит меня.

Ефрем корзину взял, но не понял, что сие означает.

— И луны сегодня не будет... Боюсь, трудно тебе придется в дороге, снег ведь... — Мариам, видя, что намеки ее не имеют успеха, заговорила прямо: — Так вот, сударь мой, лучше тебе сейчас отправляться домой...

Она помогла Ефрему встать, сунула ему в руки палку, укутала башлыком голову, повела к дверям. Ефрем пробурчал что-то протестующее, но Мариам не обратила на это внимания. Она вывела драгоценного меквле на балкон, проводила его до калитки, и Ефрем зашагал по дороге.

Когда Мариам вернулась в комнату, Гига и Како тихо беседовали, сидя на тахте, Ивлианэ и Минаго о чем-то спорили, а Ангиа, по обыкновению, подливал масла в огонь.

Мариам нисколько не беспокоил их спор... Ясное дело, мужчины должны захмелеть и... — опять-таки ясное дело, — должны поспорить, что ж с того... Слыхано разве, чтоб праздничная трапеза проходила в трезвости и молчании!

Да, так вот, сначала Мариам сочла громкий разговор делом обычным, но уловив, что спорят об Ананиа, а тот сидит нахмурившись и молчит, она насторожилась и прислушалась к спорящим.

— Что же он выиграл, когда на общем собрании вместе со всеми кричал — да, мол, хотим, мол, — и руки кверху задирает? — своим зычным голосом вопрошал Ивлианэ. — Вот и сидите теперь, так вам и надо!

— Ничего не поделаешь! Мы же не могли мир вспять повернуть? — сквозь зубы процедил Ангиа.

— Как же вы все так сдурели? — не унимался Ивлианэ. — На быка ярмо надеваешь — и тот покориться не хочет, себя отстаивает, а вас какой бес попутал? Аль языки проглотили?

— Язык у меня на своем месте, и я им почем зря не треплю, как ты! — невозмутимо отозвался Минаго.

— Да если б его у тебя и вовсе в глотке не было, оно лучше было б! От тебя все равно ничего путного не услышишь, — вскипел Ангиа.

Дети так и прыснули от восторга. Ананиа грозно взглянул на них. Испугавшись отца, они притихли и один за другим скользнули в соседнюю комнату.

Минаго взъерепенился.

— Чего вы ко мне-то пристали, я при чем? — Повернулся туда, сюда и, не рискуя обратиться к Ангиа, набросился на Ивлианэ: — Ты во всем виноват! Что ты привязался, ты, богом проклятый! Взбаламутил всех! С Ананиа ничего у тебя не вышло, теперь ко мне пристал? Со мной у тебя тоже не пройдут эти штучки, так и знай!

— Не тявкай и не рыпайся попусту! — не остался в долгу и Ивлианэ. — Я-то хорошо знаю, чего ты стоишь. И ты, и они. Что зря петушишься? Разве я не знаю, чего вы все с ума сходите, не знаю, что к чему? Но вы ни на что не годны — и ты, и Ананиа! Все вы, как бараны — бессловесные!

— Почему, батано, ты нас обижаешь? У моего сына над головой не каплет! — оскорбилась Мариам.

— Голодранец несчастный! — Ивлианэ, войдя в раж, уже ни с кем не считался. — Значит, он виноградник для того разводил, чтоб теперь коллективу преподнести? Может, еще спасибо сказал, что отняли, а?

— А что он мог сделать? — вступилась за мужа Гаянэ. — Что он мог?

— Что мог... Да я бы изрубил там все, вот что бы я сделал! — опять взревел Ивлианэ. — На червяка наступишь, и тот извивается, борется! Хоть соседям слово бы сказал, чтоб душу отвести!

Ангиа махнул рукой.

— Нашел дурака!

Это было сказано, как бы в поддержку Ананиа, но произвело обратный эффект. Ананиа вскинулся, хотел было возразить, поспорить, но только рукой махнул.

— Вот, вот, гляди, он и сейчас ровно воды в рот набрал! — засмеялся Минаго. — Из него слово клещами не вырвешь!

Смех Минаго задел Ананиа еще больше, чем слова Ангиа. Ему и без того было тяжело носить в себе эту боль и скрывать ее от всех, а они еще смеются — почему, мол, он молчит.

И вдруг, неожиданно для всех, Ананиа со всей силой хватил об стол кулаком, поднялся и заорал на Минаго:

— Отстань от меня, черт тебя дери! Я никого не спрашиваю, как мне поступать!

Гаянэ подскочила к мужу, повисла у него на руке:

— Чтob ты мой гроб увидел! Прежде убей меня, убей своей рукой, а потом на гостей кричи!

— Отойти, женщина! Не так я пьян, чтобы не соображать, что к чему! — Ананиа сбросил руки жены и отошел от стола.

Гига и Како, опасаясь, что перепалка выпивших мужчин добром не кончится, бросились их успокаивать. Мариам не осмелилась подойти к сыну и наблюдала издали. Она никогда не видела Ананиа таким разъяренным.

Кое-как все утихомирились. Гости посидели немного молча, потом один за другим стали подниматься из-за стола. Настроение у всех безнадежно испортилось. Како осторожно упрекнул отца за несдержанность, даже пристыдил. Ананиа, словно только и ждал, чтобы извиниться за недостойное для хозяина поведение, не дал Како договорить, подошел к гостям и сказал:

— Прошу прощения... Видит бог, я не хотел этого, но... У всех прощу прощения...

Он говорил это, но чувствовалось, что гнев его еще не утих.

Гаянэ поддержала мужа.

— Да, да, мы очень извиняемся... Садитесь, пожалуйста, сегодня ведь такой день... Прошу...

Она извинялась в отдельности перед каждым, усиленно приглашала к столу, но уже никто не садился. Гости поговорили еще немного, стоя на ногах, — вполголоса, потом громче, под конец даже будто развеселились, но едва лишь Гига обмолвился, что ему пора домой, все, распрощавшись с хозяевами, разошлись.

В доме Арбеладзе воцарилась напряженная тишина. Гаянэ постаралась совершенно ступешаться и бесшумно скользила по комнате, чтобы не раздражать мужа. Она жестом попросила Мариам помочь ей убрать со стола, и обе женщины занялись своим делом, лишь изредка

понимающе подмигивая друг другу. Обе не решались произнести ни слова, даже шепотом, и вели своеобразный диалог глазами.

Анания, оставшись в кругу своей семьи, сразу сник, сел в угол и погрузился в неподвижное молчание. Какой-то холод ощущал он во всем теле. Холод и пустота были в сердце. Он был немного пьян, сильно взволнован, и боль, дотоле скрываемаемая от всех и от себя, сейчас яростно грызла его.

Ивлианэ и Минаго разбередили рану. Он был сердит на них, на самого себя... Ведь сколько времени он таил в себе эту боль, никому не признавался, не открывался в том, что его гложет, и теперь вдруг они вынудили его открыться... Может, он не обратил бы внимания на этого болтливового старика Ангиа, но уж насмешки его он не мог выдержать... Казалось, этот человек руками разворошил его сердце и вытащил на свет то, что болело больше всего... Анания хотел как-нибудь забыть, не думать об этом, но чем больше он старался, тем навязчивее лезли в голову мысли о будущем его семьи, и это будущее было непонятным, противоречивым и таинственным.

Давно уже в комнате все было прибрано, уже погас огонь в камине, постели были постланы, а он сидел и упрямо глядел в земляной пол.

— Устал, отец? — положив ему руку на плечо, ласково спросил Како. — Уже поздно. Давай-ка спать, а?

Анания, не поднимая головы, встал и грозной своей поступью последовал за сыном.

* * *

«Выгоню из дому!» — с этой мыслью приближался Гига к своему дому.

Наверно, Элисо сидит сейчас перед камином и развлекает Дэсико разговорами... Уж она всегда найдет о чем поговорить, что рассказать, — если захочет... Даже самую незначительную историю так преподнесет, что, кажется, сидел бы и слушал ее без конца... Да, на это она мастерица, сладкими речами приворожит к себе кого угодно. Но на этот раз — хватит, довольно, она его не проведет... Что было — было и прошло, теперь он хорошо знает ей цену... Нет, конечно, нечего принимать ее за гостью, она не имела никакого права приходить в его дом после того, что произошло. Так беззастенчиво, нахально нагрязнуть к человеку, которого ты безмерно оскорбила и принизила? Нет уж, извините, пожалуйста, его дом не караван-сарай, куда любой может войти и переночевать... Как же, станет он посмешищем всей деревни ради того, что кому-то взбрело в голову на праздник повеселиться!.. Как только он перешагнет свой порог, заявит ей, чтоб убиралась на все четыре стороны... Какое ему дело до того, что ночь на дворе!

Он решительно распахнул дверь, но дома его никто не встретил. В комнате было темно, в камине, посыпанные золой, тлели угольки. Это было так неожиданно, что Гига застыл на месте... Видимо, Элисо осознала всю неловкость своего вторжения в его дом... Что ж, хорошо, что она опередила его, иначе...

Он зажег лампу, подложил в камин щепки, поленья, развел огонь. Бессонная ночь и выпитое вино дали о себе знать — тепло вмиг разморило его. Он расслаб, размяк, на душе стало как-то муторно, мысли стали тяжелыми. Он сидел перед камином и глядел на алые языки пламени. Не хотелось думать об Элисо, но почему-то в пламени возникло

ее лицо, он слышал ее голос, и в памяти оживали дни, прожитые вместе с ней.

— Ни ты, ни твоя сестра не умеете жить, — сказала однажды Элисо.

Она сказала это в первый же день приезда, когда осмотрела дом и двор Гиги. И очень скоро доказала, что имела право так говорить.

Элисо с самого же начала решительно взялась за хозяйство и делала только то, что сама считала нужным. Гига опасался, что женщина, привыкшая к совершенно иному образу жизни, к иным порядкам, не приживется здесь, в деревне. Он боялся, что она выбросит из дому все старое, но умная и практичная хозяйка поступила иначе. Она начала с того, что стала приводить в порядок все, что было в доме. Отмывала, скоблила, скребла, потом попросила сельского плотника пройтись рубанком по столу, выкрасила розовой краской древний, почерневший от времени и от копоти шкаф, втиснутый в темный угол, и от этого не только шкаф приобрел благообразный и приятный вид, но посветлел и ожил весь угол. Потом она переставила кровати, отчего комната стала казаться намного шире и просторнее. А уж когда Элисо побелила известкой камин, придвинула к нему тахту и застелила ее старым ковром, комнату нельзя было узнать. Этот ковер раньше прикрывал какую-то рухлядь, горой наваленную в углу. Элисо подарила ему новую жизнь: вымыла его, тщательно починила, и Дэсико глазам не поверила, когда увидела, какими веселыми красками запестрел старый материнский ковер.

Затем Элисо выбрала во дворе уголок, перекопала там землю, заготовила грядки для цветочной рассады. Дэсико была восхищена сноровкой и энергией невестки и всерьез принимала шутку Элисо, что ей-де ведомо колдовство.

И, в довершение всего, Элисо решила пристроить к дому еще одну комнату. Эта комната должна была быть убрана на манер той, городской, в которой Элисо жила еще девочкой, когда после гибели родителей ее из милости приютили родственники: ситцевая с бахромой занавеска на окне, по стенам — яркие лубочные картинки, зеркало в углу и никелированная кровать с высокими подушками. Таких комнат много было по окраинам города, где поселялись крестьяне, в поисках лучшей жизни бежавшие из разоренных деревень. И эти окраины еще не стали городом, но уже не были и деревней, а чем-то средним между ними, похожими и на город, и на деревню и резко отличающимися от обоих. Вместе с молодыми здесь влачили свое печальное существование и длиннородные старики, цепляющиеся за новую жизнь, но таящие в сердце грусть по зеленым полям и виноградникам, по горным склонам и рассыпавшимся по ним стадам, по уютным дворам, затененным от солнца пышными кронами шелковиц.

Элисо, не теряя времени, приступила к осуществлению своего замысла. Договорилась с мастерами. Заблаговременно приобрела те вещи, которыми должна была обставить комнату. Но в один прекрасный день, совершенно неожиданно для всех, — а, может, и для себя самой, — сорвалась с нового своего гнезда и ушла, неведомо зачем и куда.

Гига не подавал виду, как глубоко уязвило его мужское достоинство бегство жены. С первого дня, как это случилось, он повел себя так, словно ему было все равно — живет Элисо в его доме или не живет.

Постепенно он и сам себя уверил в том, что выбросил, вырвал из сердца эту женщину, предал забвению и ее имя, но внезапное появление Элисо в канун Нового года взбудоражило душу, всколыхнуло заглу-

шенную силой разума и воли боль, и Гига убедился, что все это время он просто обманывал себя. Что вынудило Элисо прийти сейчас к нему, что толкнуло ее на такой шаг — войти в дом человека, которого так оскорбила?

Издали донеслось пение: голоса нарастали, усиливались, вот они зазвучали совсем близко, но внезапно вновь воцарилась тишина. Потом — уже во дворе — снова раздалась песня, веселые возгласы, гомон. Гига хотел выглянуть в окно чтоб узнать, в чем дело, но дверь шумно распахнулась, и в комнату влетели смеющиеся девушки и парни, и впереди — Дэсико.

— С Новым годом! — подбежав к Гиге, Дэсико крепко обняла брата. Черные глаза ее озорно блестели, лицо раскраснелось от холода.

При виде Гиги девушки засмутились, парни тоже приумолкли. Но это длилось недолго — хозяин дома, заметив их смущение, перекинулся шуткой с одним, с другим, и вскоре всех охватило веселье, зазвучал смех, а потом и песни.

Вчерашняя неудачная беседа в конторе с теми тремя парнями оставила неприятный осадок у Гиги, но теперь, глядя на эту молодежь, — товарищей и подруг Дэсико, полных юношеской энергии и задора, — ему и думать не хотелось, что когда-нибудь с кем-то из них у него может произойти неприятный разговор или кто-то из них тоже решится покинуть родную деревню. Если уйдут такие, как они, для кого тогда Гига будет лезть из кожи? Кто, как не они, вдохнет жизнь в эти поля и холмы? Возможно ли, чтоб все здесь заглохло, заросло сорной травой, обратилось в прах?..

— Ну, теперь дело за тобой, покажи нам свое умение, угощай гостей! — обратился Гига к сестре и пригласил всех за стол.

Гости разошлись поздно.

Прибрав все в комнате, Дэсико присела на постель к брату и поцеловала его.

— Что ж это мы, в такой праздник встретились, словно чужие, — сказала она. — Знаешь, я тебя вчера до первых петухов прождала.. И сегодня все думала — придешь к обеду... Потом узнала, что ты у Ана-ния был. Хотела туда прийти, но прибежали девочки и потащили меня с собой... У кого только мы не были! Всех обошли...

Она подробно рассказала, кто как их принял, чем угощал, как провожали ее домой, кто упал в сугроб и кому досталось больше снежков. По всему было видно, что Дэсико очень довольна сегодняшним днем.

Гига в полудреме молча слушал ее, и в голове его вертелась назойливая мысль: сестра так много, без умолку, говорит о всяких пустяках, почему же она ни словом не обмолвилась о главном? Почему она умалчивает о том, что, вероятно, и ее тревожит больше всего?

Несколько раз ему хотелось прервать ее и сказать: «Прикидываешься, сестренка, хитришь что-то, но меня не проведешь...»

— Она тоже была с тобой? — вдруг, сам удивившись своим словам, спросил Гига.

— Кто? — Дэсико в первое мгновение не поняла, о ком он спрашивает.

— Ну, твоя вчерашняя гостыя...

Дэсико почему-то смутилась.

— Она не ночевала у нас, — словно оправдываясь, проговорила она. — Пошла к своей крестной... Наверное, и сейчас она там.

— Хорошо, но зачем же она пришла? — Гига попытался равно-

душно улыбнуться. — Совсем совесть потеряла, да? Это хотела пока-
заться?

— Не знаю, она ничего не говорила... Знаешь, я тоже удивилась
— каким-то бесцветным, чужим голосом сказала Дэсико.

Она рассказывалась, что не сумела вчера скрыть своей радости перед
братом, чувствовала себя глубоко виноватой и сейчас даже избегала
встретиться с ним взглядом.

Они немного помолчали.

— Чтоб я ее здесь не видел... Знай, ты этим очень меня обидишь...
— глухо, предостерегающе проговорил Гига.

— Нет, Гига, нет! — с горячностью возразила Дэсико. — Она и
сама не осмелится. Правда, она хотела тебя повидать, но я отсовето-
вала...

Гига удивился, но сделал вид, что его вовсе не тронуло то, что Эли-
со хотела его видеть.

— Ну, ладно, ладно, иди-ка лучше спать... — пробормотал он и,
повернувшись на бок, с головой укрылся одеялом.

И все же Гига не смог избежать встречи с Элисо лицом к лицу.

Второй день Нового года он просидел дома. На третье утро, когда
Дэсико еще спала, он спозаранок ушел на работу. Для сельскохозяй-
ственных машин, которые должны были прибыть из города, строили
сарай, и Гига все утро провозился там с ребятами. Было уже за полдень,
когда он пришел в контору.

Он рылся в ящике письменного стола, перебирая бумаги, как вдруг
хлопнула дверь его комнаты: Гига поднял голову. На пороге стояла
Элисо.

Несколько мгновений она стояла неподвижно, затем подошла к
письменному столу. Села на табурет.

— Здравствуй, Гига... — сказала Элисо.

Она старалась скрыть волнение, но предательская дрожь в голосе
выдавала его.

Гига молча глядел на нее, потом слегка кивнул головой.

На Элисо было коричневое пальто, отделанное по воротнику чер-
ным мехом. Снежинки быстро таяли на меху, и от этого он блестел и
лоснился.

— Знаю, не обрадуешься ты мне, но все же я... пришла. — Она су-
дорожно глотнула. — Ты должен понять меня, Гига...

Голос ее осекся, она замолчала.

— Что тебе нужно? — беззлобно, спокойно спросил Гига.

Он уже овладел собой. Был сдержан. Даже мог смотреть ей в лицо.
Ему показалось, что Элисо так же красива, как и прежде.

Она медленно, словно насильно стянула с головы берет, стряхнула
его. Гига выжидающе молчал, потом повторил:

— Что тебе нужно?

Элисо хотела сказать совсем другое, но произнесла вдруг то, о чем
вовсе сейчас не думала:

— Я слышала, тебя председателем выбрали...

— Ты пришла меня поздравить? — улыбнулся Гига. — Благодарю.

— Нет, это я так...

Она помолчала, потом, словно спохватившись, спросила:

— Ты, может, торопишься куда-нибудь? Не задерживайся из-за
меня. Я ведь знаю, что ты...

— Нет, я не задерживаюсь... — оборвал ее на полуслове Гига.

Эта холодно брошенная фраза ножом резнула ее по сердцу. Она

ведь заранее обдумала все, что должна была сказать, но встреча, оказанная Гигой, смешала все в голове.

— Ты удивился, что я осмелилась к тебе прийти?

Гига промолчал.

— Удивился, правда? — уже смелее спросила Элисо и сама себе ответила: — Наверное...

— Нет, — сказал Гига.

Закурив папиросу, добавил:

— От тебя мне ничего не в диво.

Элисо вызывающе глянула на него, но глаза ее тут же наполнились слезами.

— Не такая уж я бессовестная... Ты просто обижен на меня, потому так говоришь...

— Пусть так... — Гига махнул рукой.

— Это так, Гига, именно так... — она протянула руку, положила ему на колено.

Гига тотчас отодвинулся.

— Ты словно ребенок... — она грустно улыбнулась. — Ты совсем не изменился... Такой же, как был...

— Знаешь что, говори прямо... — потеряв терпение, грубо сказал Гига. Он встал, снова сел. — Говори прямо, зачем ты сюда пришла?

— Видеть тебя хотела... Давно собиралась, но... — голос у нее задрожал, она не договорила.

— А для чего я тебе понадобился? — вопрос прозвучал по-деловому.

Элисо долго смотрела ему в глаза и наконец проговорила:

— Гига, вернись я...

Всею он мог ожидать, но не этого!

— Вернись, если примешь...

Гига молчал.

— Если ты согласишься, если только скажешь...

Она с мольбой смотрела на него, ждала...

— Если только ты...

— Нет, — холодно, твердо проговорил он.

Элисо нутром поняла, что не помогут никакие просьбы, ни раскаяние, ни мольбы. Поняла, что этот человек потерял для нее навсегда.

Долго сидела она, молчаливая, неподвижная. Наконец подняла голову, спокойно, тихо, словно примирившись с судьбой, проговорила:

— Воля твоя... Заставить тебя я не могу, что ж...

Она встала, неторопливо надела берет.

Подойдя к дверям, остановилась, повернулась и с каким-то отчаянием и горечью сказала:

— Не виновата я перед тобой!

Гига укладывал в ящик разбросанные по столу бумаги.

— Слышишь ты меня?! Не виновата я! Не такая уж я плохая, как ты думаешь!

Гига продолжал возиться с бумагами. Не подымая головы, бросил:

— Пусть я виноват... Пусть я дурной человек...

Элисо пристально смотрела на него и вдруг спросила жестко, со злобой:

— Знаешь, почему я ушла?

Он оставил бумаги. Собрав остатки терпения, ждал, что еще она скажет, но поняв, что ничего больше не услышит, бросил с презрением:

— Бродяга ты по натуре, потому... Что я, не знаю тебя?!

Элисо не сводила с него упорного тяжелого взгляда. Она явно хо-

тела что-то сказать и боролась с собой. Наконец, подавив волнение, проговорила грудным, будто из самого сердца идущим голосом:

— Ничего ты не знаешь... И, может, для тебя же лучше ничего не знать!..

С силой рванула дверь и вышла.

Гига стоял, зажав в зубах погасшую папиросу. Потом пошарил в карманах, вытащил спички, прикурил. Глубоко затянулся. И вдруг, словно очнувшись, вспомнил последние слова Элисо.

Безотчетно направился к дверям, вышел, спустился по лестнице. Хотел окликнуть Элисо, вернуть ее, заставить сказать недосказанное. Но в последний миг подавил в себе это желание и, стоя на последней ступеньке, долго глядел ей вслед.

Некоторое время темная фигура Элисо отчетливо вырисовывалась на белом фоне снега. Но постепенно туман поглотил ее, растворил в себе.

II

Зима в тот год очень затянулась. В конце января установилась ясная погода, но потом опять зарядил снег — шел, таял, снова шел, дул ветер, мела метель. Так продолжалось до самого марта.

В доме Арбеладзе жизнь текла по обычному руслу. С приближением весны Анания не терпелось поскорее приняться за нелегкую крестьянскую работу. Ему гораздо тяжелее было торчать дома с вечно суетящимися и хлопочущими по хозяйству женщинами и проводить дни в сонном бездействии, нежели с утра до вечера ковырять землю и поливать ее своим потом.

Мариам была очень довольна нынешним годом. Все говорило за то, что дела в семье пойдут хорошо. К примеру, взять хотя бы то, что Анания отделил во дворе участок земли и подготовил его к посадке лозы. Участок был маленький, всего два дня понадобилось, чтоб его вскопать, но все равно, благодаря ему хозяева не осрамятся перед гостем — вино будет.

В самом конце зимы умер Ефрем. Мариам не очень по нем горевала. Что ж, ничего не поделаешь, от своей судьбы не убежишь, что у тебя на лбу написано, то и сбудется... На все воля создателя, без него листок с дерева не упадет... Перед смертью, вечером, несчастный попросил поесть, но тут же уснул, а когда наутро Сидония подошла к нему, он уже холодный был... Единственный глаз его все так же устремлен был в потолок... Обычай того требовал, а то с чего бы Сидонии его оплакивать — и для Ефрема, и для Сидонии так оно лучше... Царство ему небесное, в свое время Ефрем для всех был хорошим соседом, кроме добра ничего никому не делал, и нога его для всех счастливой была... До конца этого года семье Мариам будет сопутствовать принесенное им благо, а потом, вероятно, господь пошлет им другого меквле и через него станет изъяслять свою милость.

В середине марта потеплело. Временами проносился холодный ветер, раза два и снег посыпал, припудрил склоны гор, но тут же растаял и легким воспоминанием белел по глубоким лощинам и оврагам. Высоко в небе, убегая от ветра, метались всклокоченные облака. Поля, холмы, деревья, скинув с себя белые одежды зимы, не успели еще облачиться в весенний наряд. Обнаженная, застывшая от холода, но уже трепещущая, радостная земля ждала прихода весны.

Однажды среди ночи Анания разбудила гроза. Лишь раз прогремел гром, но раскат был такой мощный, что содрогнулся весь дом. Затем

воцарилась тишина, и вдруг Анания услышал, как по кровле застучали капли дождя. И еще почудилось ему, будто зовет его кто-то...

Какое-то смутное беспричинное волнение охватило его. Он подумал было встать, но не хотелось расставаться с теплой постелью. Потом он увидел, вернее — почувствовал, что мрак, поглотивший комнату, поредел. Он посмотрел вверх, на маленькое оконце. Занимался мглистый рассвет.

Он выбрался из-под одеяла, оделся и, стараясь не шуметь, вышел в сени.

С крыши скатывались последние капли первого весеннего дождя. В сизом свете раннего утра неясно вырисовывались дома, деревья. От земли поднимался пар. Ключья тумана, цепляясь за обнаженные ветви деревьев, кусты и плетни, лениво, точно нехотя, уплывали вдаль. Плотные облака облегали вершины гор, по долинам стелился дымок.

Анания жадно, глубоко вдохнул утренний воздух, напоенный запахами весенней земли. Он обошел свой двор, осмотрел все. Прислушался к шуму ручья, падающего со склона горы, и уловил в нем издавна знакомые и понятные ему звуки, неумные, торжествующие — голоса проснувшейся земли.

Поднимаясь кверху, таяла легкая кисея тумана. Белые облака местами прорывались, и тогда открывались зеленовато-голубые островки рассветного неба. Казалось, там, вверху, зеленеют какие-то сказочные луга.

Давно не был Анания в таком хорошем настроении. С улыбкой повернул он к дому — хотелось поделиться радостью с близкими, приласкать жену, детей, мать.

— Чему это ты радуешься? Господи, на что ты похож! — воскликнула Гаянэ, увидев, что обувь и брюки Анания заляпаны грязью, — перепачкаешь все в доме, не смей входить в таком виде!

— Земля ведь это, Гаянэ, земля! — Анания не обратил внимания на воркотню жены: — Знаешь, какая она стала, земля-то? Поднялась, словно тесто, видать, насытилась снегом и дождем!

Дети, заметив, что отец в веселом расположении духа, осмелели, выволокли из-под перевернутой вверх дном корзины мохнатого щенка, потащили его кормить болтушкой из сыворотки, и когда он наелся, затеяли с ним возню. Щенок с раздутым после еды брюшком, тьякая и визжа, носился за мальчишками, прятался и, внезапно выскакивая из за-сады, набрасывался на них с сердитым урчанием.

Пацура, — так называли щенка, — недавно появился в доме, и с первого же дня этот мохнатый теплый комочек завоевал горячую и нежную любовь Севариона и Ильи. Избалованный ими, щенок до того обнаглел, что не признавал над собой ничьей власти. Только Гаянэ могла на него воздействовать. Ее он боялся. За малейшую провинность Гаянэ сажала щенка под высокую плетеную корзину — нисколько не реагируя на его жалобный визг. Пацура обычно долго не мог угомониться, скреб лапами пол и края корзины, стараясь выбраться из своей темницы, визжал, скулил, но все бывало тщетно. Выбившись из сил, он засыпал и спал до тех пор, пока кто-либо из ребят не вызволял его из заточения.

С начала же было видно, что Пацура со временем станет хорошей овчаркой. Совсем крошка, щенок с яростным лаем кидался на телят, а иной раз и корову задира. Особенно невзлюбил Пацура петуха. Завидев пестрого повелителя курятника, он гонялся за ним по двору до тех пор, пока петух, набегавшись до одурения, не вскакивал на плетень.

Не испытывал Пацура должного уважения и к Царбе. По утрам,

выбежав из дому, он первым делом мчался в уголок старой Царбы и долго и сердито лаял на нее. Дряхлая собака не в силах была отогнать нахального щенка, она лишь поднимала голову и пристально глядела на него тусклыми безжизненными глазами. В ее взгляде не было ни беспокойства, ни мольбы о жалости, ни упрека своей судьбе... И спустя долгое время после того, как щенок, выискав более интересное занятие, убежал, Царба смотрела таким же равнодушным взглядом на место, где он стоял. Впрочем, стоял он там или не стоял — для Царбы это место представляло лишь пустоту.

Однажды утром Царбы не оказалось в ее углу. Сначала никто не обратил на это внимания, но когда наступил вечер, а Царба так и не появилась, Мариам забеспокоилась. Наверное, Царба, почуввав приближение смерти, ушла из дому, как это делают собаки. Мариам обшарила все закоулки, призвала на помощь детей, и в конце концов Царбу нашли за домом уже мертвой. Последние несколько лет Царба, по существу, была живым трупом. Пользы от нее не было никакой. Смотрели за ней только из уважения к Како, и Мариам порядком надоело о ней заботиться, но теперь, увидев неподвижное тело собаки, она расстроилась чуть не до слез. Ведь Царба была для Мариам живым воспоминанием тех далеких времен, которыми она дорожила и которые, канув в вечность, жили лишь в ее сердце.

С того дня, как не стало Царбы, Пацура получил все права собачьего гражданства в доме Арбеладзе.

После завтрака Ананиа, облачившись в свой выходной костюм, направился в колхозный склад. Накануне вечером привезли туда новые сельскохозяйственные машины — говорят, о таких крестьяне еще и не слышали. Сейчас на складе, конечно, собрались все колхозники. Ананиа тоже поглядит на эти машины, побеседует с соседями...

Придя на склад, Ананиа воочию убедился, что подобных машин ни у кого на селе не было, да и сам он в глаза их не видал. Многие возлагали на них большие надежды, некоторые высказывали робкие опасения, что-де быков замучает такая тяжесть. Ивлианэ Бубашвили долго разглядывал машины, недовольно покачивал головой, причмокивал языком, а потом решительно заявил, что они не только будут тяжелы в употреблении, — «гляди, сколько железа», но и вредны, так как у нас, мол, и без того жарко, а глубокая вспашка еще больше разгорячит, высушит землю, и зерно погибнет.

Слова Ивлианэ поразили Гигу в самое сердце, он воспринял их как личное оскорбление.

— Не болтай попусту, — резко оборвал он рассуждения Ивлианэ. — Ты ведь впервые эти машины видишь, звать не знаешь, какие они в работе окажутся, чего же наперед каркаешь? Удивительно, как этот человек все любит охаивать! Проверь сперва, а потом уж говори!

Ананиа пробыл на складе до тех пор, пока все разошлись. По дороге домой он мысленно перебирал все то, что говорили соседи, а перед глазами его маячили новые машины, беспорядочно наваленные в складе. Особенно запомнилась ему одна из них, которая называлась «Верморель». Это чужестранное, непонятное слово часто повторяли соседи, оно как-то сразу врезалось ему в память и теперь беспрерывно крутилось в голове. А у Ивлианэ действительно паршивый язык! Молодец Гига, правильно сделал, что заткнул ему глотку... Зачем наперед батьки в пекло лезть? Подожди, завтрашний день не за горами, а как выйдем в поле, так на деле и увидим, на что годны эти машины...

Он приближался к дому. Вот и его виноградник — впрочем, теперь уже больше не его... Виноградник прилегал к их усадьбе, и волей-неволей, идя домой, Ананиа каждый раз должен был проходить мимо него. Ананиа это тяготило, но иной дороги не было, и, проходя, он лишь старался отвести глаза в сторону, чтоб не видеть лозы, — ведь каждая из них, словно дитя родное, — сколько забот, сколько тревог, пока вырастишь, да и потом все ухаживаешь, трудишься, рук не покладая.

Ананиа остро переживал потерю виноградника, но всячески старался не подать виду, скрыть от окружающих свои чувства. Если кто из соседей заговаривал с ним о винограднике, он тотчас переводил разговор на другую тему. Он таил это в душе не потому, что боялся осуждения, а просто себя щадил, не хотел растравлять рану.

Сейчас, идя мимо виноградника, он заметил, что плетень покосился, местами даже поломался, а вода в оросительной канаве поднялась так, что залила все вокруг.

Окончание следует

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

Много хорошего, интересного обещает читателям издательство «Накадули» в новом, 1965 году. Самые маленькие читатели, — сказал нам директор издательства Х. Бериулава, — могут познакомиться со сказками (из серии «Жил-был...») «Полуцыпленок», «Адиханджала», «Конкия», «Сын хромого охотника», с книжками Д. Джавахишвили «Приключения молодца Бакура и сонливых лентяев», М. Мревлишвили «Чья обновка?», Мариджан «Нелли в цирке», А. Гайдара «Горячий камень», И. Сигсгорда «Пале один на свете», Дж. Харриса «Сказки дядюшки Римуса»...

Читатели постарше с интересом прочтут произведения грузинских писателей — И. Чавчавадзе, академика В. Гулисашвили, Г. Канчели, Г. Нагрошвили, Г. Чиковани, Г. Шатберашвили. Для них же готовятся к печати переводы с русского, армянского, азербайджанского, украинского.

В серии «Библиотечка пионера» выйдут книжки Э. Гогитидзе «Корабли преодолевают морские просторы», Р. Жордания и Л.

Пруидзе «Чудная птица», М. Лебанидзе «Сванетские башни», Героя Советского Союза В. Нанейшвили «Как близился день победы», Дж. Ниноу «Лагерь на крепости Тамары», М. Султаншвили «Письмо Нателы».

Издательство готовится отметить 50-летие Советского государства. Запланирована серия «Вот наша Родина!» («В стране жидкого золота» и «У подножия Арарата» — о прошлом и сегодняшнем дне братских республик Азербайджана и Армении). Этой же дате посвящается 200 названий книг общим тиражом в 3000000 экземпляров.

В портфеле издательства имеются произведения И. Гришашвили «Из глубины моей души», В. Гветадзе «Белые шатры», К. Гогнашвили «Дедушка Гуго», С. Кетелаури «Три мальчика», О. Иоселиани «Кора», М. Мачавариани «Наш завтрашний день», В. Урджумелашвили «Арабула», М. Асатиани «Цветы Халде», Т. Чиладзе «Первый день», Г. Напетваридзе «Бессмертные песни».

Выйдут в свет «Коллеги» В. Аксенова, «Хочу верить...» И. Голосовского, «Неугомонный» С. Лурье, «Эхо» Ю. Нагибина, «Вес-

лые стихи» Ю. Тувима, «Венный летчик» Антуана де Сент-Экзюпери, «Синяя птица» М. Метерлинка, «Одиссея» Гомера, «Кот и полицейский» И. Кальвино, «Атомная станция» Х. Лакнеса, «Листья травы». У. Уитмена, собрание сочинений Дж. Лондона.

Запланированы серии «Библиотечка молодежи» и «Странички воспоминаний».

По разделу «Научно-популярная и приключенческая литература» будет издана повесть Р. Джпаридзе «Бухенвальдский набат».

Широкое признание получила у читателей серия «Жизнь замечательных людей». В текущем году издательство «Накадули» готовит к печати несколько книг из этой серии, среди них «Рафаэль» А. Алтаева, «Эзоп» В. Баакашвили, «Георгий Саакадзе» Г. Джамбуриза, «Эйнштейн» Б. Кузнецова, «Марк Твен» М. Мендельсона, «Сент-Экзюпери» М. Мижо и другие.

Любителям спорта предназначены книги Д. Евстафьева «Чемпионы мира», Г. Надареишвили «Шахматные этюды», Пеле «Я Пеле», Сантоса «Старик и мяч».

ИЗ КНИГИ ЛИРИКИ

* * *

О встречи новые и старые!
Мелькнув, растаяли они.
Но я искать тебя не стану,
Хоть без тебя и дни — не дни.

Подобно горному потоку,
Дорога майская светла.
Но не вступлю на ту дорогу,
Раз ты по ней однажды шла.

Всю ночь не сплю и до рассвета
Твержу себе, что не люблю.
И если ты живешь в Кикетах,
То в Цхнетах я не поселюсь.

Решаю так! Но утром ранним
Брожу по дому и молчу.
И вдруг опять, сомненьем ранен,
К тебе, как юноша, лечу.

* * *

Зову я первого поэта,
Возможно, это был ибер.
Его душа в стихах пропетых
Взывает, словно хевисбер.

Зову я тех, кто жил когда-то
И нам оставил вещей стих.
Поньше души их крылаты,
И нас тревожит строчка их.

Я славлю ночь, во тьме которой
Впервые стих был зарожден.
Его подняли к солнцу горы,
И мир живой увидел он.

На крыльях утра он впервые
Расправил два своих крыла,
Заставив Греми и Мартвили
Петь гордым голосом орла.

Мяч и поле

П О В Е С Т Ь

Перевод с грузинского М. Рывкина

МАМА ПРИЕХАЛА

Серая «Волга» с тбилисским номером остановилась у двухэтажного совхозного здания. Из машины вышла молодая красивая женщина в легком облегчающем платье и модных туфельках. Она была коротко острижена, с подкрашенными губами, в тон полным алеющим щекам, а волосы у нее были чем-то намазаны и ослепительно блестели на солнце.

Женщина сперва огляделась вокруг, затем облегченно вздохнула и направилась к дому. Но в это время навстречу ей выбежала девочка.

— Мама, мамочка!

— Нуну, моя дорогая! — воскликнула Нелли, и в следующий миг они уже обнимали друг друга и целовались. А потом мать спросила: — А где папа?

— Он еще в поле, — сказала Нуну. — Придет в шесть часов, а иногда он задерживается и приходит в семь или в восемь.

— Значит, он уже скоро будет, — сказала мать.

— Ну, конечно. И как обрадуется.

Они обнялись и медленно стали подниматься по лестнице. А когда зашли в комнату, мать внимательно все оглядела и удивленно спросила:

— Нуну, кто вам убирает комнату?

Девочка даже обиделась.

— Кто должен ее убирать? — сказала она. — Я убираю сама.

— Молодец, — проговорила мать и вышла на балкон. — О, как здесь хорошо!

И действительно, погода в этот день выдалась прелестная. Над головой шелестели ореховые листья, чирикали птицы, а где-то вдали горы, поля и виноградники купались в лучах заходящего солнца, и на душе от всего этого становилось радостно.

Скоро с работы вернулся отец. Нелли встретила мужа на лестнице. Он

очень обрадовался, и они расцеловались, а после обеда всей семьей направились погулять в рощу.

На Нелли теперь было простое ситцевое платье, туфли без каблуков и большая соломенная шляпа. Все это ей было очень к лицу.

По дороге они собирали полевые цветы, а когда вышли к реке, уселись на берегу рядышком и стали смотреть на воду. Воды в этот раз в реке было много. Она с шумом спускалась с гор, и ласточки носились над ней, задевая волны крыльями.

А горизонт уже давно покрылся красным заревом. Солнце заходило.

— Ну как нравится тебе здесь, Нелли? — тихо спросил Вахтанг.

— Ой, как нравится. Ты даже не можешь себе представить, как здесь здорово. Это же просто прелесть...

— Вот видишь, я так и думал.

Домой они вернулись поздно. Когда вошли в комнату — зазвонил телефон. Трубку взяла Нелли.

— Да, да, он дома. Сейчас позову, — сказала она и передала трубку Вахтангу.

— Слушаю... А-а... здравствуйте, добрый вечер... Ну, конечно, могу зайти хоть сейчас. Ах, не к спеху? Ну тогда завтра, с утра. Конечно, обязательно. Всего хорошего.

— Кто это звонил? — спросила жена, когда Накаидзе повесил трубку.

— Директор совхоза, — ответил Вахтанг.

— А что ему было нужно?

Накаидзе на мгновение задумался. В памяти почему-то возник недавний разговор с Полихроном Иремадзе, но Вахтанг тут же отбросил это подозрение.

— Не знаю, — сказал он жене, — наверно, у него какое-то дело.

МУДРОСТЬ ПОЛИХРОНА

На рассвете, выйдя, как обычно, в поле, Накаидзе заметил на своем участке молодые побеги. Они пробились

сквозь рыхлую землю почти повсеместно и теперь, умытые росой, подставляли свои хрупкие стебельки восходящему солнцу.

— Проросли! Проросли!.. — радостно закричал Вахтанг, потом наклонился, потрогал рукой изумрудные влажные ростки и побежал в контору.

Влетев в кабинет директора совхоза, Накаидзе застал там и секретаря партийной организации.

— Проросли! Проросли!.. — закричал он, едва переступив порог, а те встали и, тепло улыбаясь, подали ему руки.

Оказывается, они уже все знали.

— Поздравляем, товарищ Накаидзе, — сказал директор. — Мы сами только что с участка. Все видели.

А парторг в свою очередь добавил:

— Хороша кукуруза, Вахтанг. Ровно взошла. Хорошо ты ее посеял.

— Ну вот и все, — снова заговорил директор. — Мучения и сомнения окончены. Все обошлось благополучно. Садись сюда, Накаидзе. — И он показал агроному на стул возле себя.

Вахтанг чуть отодвинул его, сел, а парторг закурил и отошел к окну.

— Так, — задумчиво проговорил директор, — все это хорошо — и то, что кукуруза взошла, и что план не сорвали. А вот вызвал я тебя, агроном, по другому вопросу. Догадываешься?

— Нет, — удивленно ответил Вахтанг.

— Хорошо, тогда я тебе скажу прямо. Почему ты нам не сообщил, что занимаешься с ребятами?

— Я... не понимаю, что вы имеете в виду, — растерянно проговорил Накаидзе.

— Ну ладно, будет тебе скромничать. Мы ведь уже знаем, что ты тренируешь наших мальчишек. Дело это хорошее и его надо приветствовать. Только зачем все это держать в секрете? Мы ведь тоже люди заинтересованные и помочь кое-чем можем...

В это время открылась дверь, и в кабинет ворвался Полихрон Иремадзе.

— Товарищ директор, товарищ парторг. Не верьте ему! Это он, он во всем виноват. Ссорит детей — раз; калечит их своим футболом — два, и еще всякое такое... — закричал он, поочередно загибая пальцы. — Дети ведь, знаете... как молодые побеги. Они нуждаются в заботе и воспитании. А этот что может дать? Он их испортит. Он их уже испортил. Подумать только, дети во всем ему подражают: волосы — так только назад, как у него, в дождь и в холод — без шапки, походка, видите ли, у всех тоже накаидзевская. Да они смеются теперь, как он, поют его песни, заказывают дома матерям его любимые блюда...

— Позвольте, — сказал директор, — но что же в этом плохого? Вы, кажется, стараетесь его очернить, а я с каждым вашим словом все больше убеждаюсь, что он хороший воспитатель, раз сумел так расположить к себе детей. Нет, Полихрон, вы наверняка что-то путаете.

— Я тоже такого мнения, — вмешался парторг. — Слушайте, Иремадзе, а же вам еще вчера говорил, что он делает хорошее, настоящее дело. Ему помогать надо, а вы — палки в колеса.

— Да, но кому нужен его футбол? — не унимался бухгалтер. — Не лучше ли научить наших детей бороться или сидеть в седле? Чего убиваться из-за этой дурацкой игры? Подумаешь, большое дело — гонять мяч из угла в угол. В цирке, по-моему, моржи с этим не хуже справляются. Разве я не прав? Скажите.

Все промолчали.

— Конечно, в спорте я, наверно, не разбираюсь. Но на скачках, бывало, не раз приходил первым. Фу ты, опять о лошадях заговорил. А чего вы улыбаетесь? Что, может, и вы заболели этим дурацким футболом? А ну вас. С вами, видно, не договориться. Придется побеспокоить вышестоящих товарищей. Будьте здоровы.

И он, резко повернувшись, вышел из кабинета.

А Накаидзе рассказал директору и парторгу о тренировках ребят, и еще о том, что на днях состоится контрольная встреча с командой «Арагви».

— Было бы хорошо, если бы вы тоже пришли, — пригласил их Вахтанг.

— Придем, придем обязательно, — пообещал директор. — Если бы раньше сказал, давно бы уже пришли.

— А я вас и хотел повидать раньше, товарищ директор. Да вот все никак не получалось. Мне тракторист сказал, будто футбольное поле перепахать собираются.

— Об этом не беспокойся. Поле никто не тронет, — сказал директор. — Мы его еще и для других дел приспособим. Ну, например, для борьбы или баскетбола, а то и праздники будем там устраивать.

— Можно даже соорудить небольшой спортивный городок, — обрадовался Вахтанг Накаидзе. — Тогда мы объединим команды обоих районов. Пусть будет в Дихисдзири одна хорошая юношеская команда. Я думаю, если нам ничто не помешает, мы сумеем добиться права выступать в первенстве района.

— Конечно, так будет лучше, — согласился директор. — Команды надо объединить.

— Вот в воскресенье состоится матч, тогда и отберем лучших, — сказал Накаидзе.

На том и порешили.

КРАСНАЯ КОСЫНКА

Однажды в воскресенье Накаидзе отправился с дочерью на рыбалку. Многие посмеивались над ними. Никогда в горной реке рыба на удочку не ловилась. Но вопреки этим утверждениям, к вечеру отец и дочь вернулись домой с полным ведром, что, конечно, всех удивило. Иные и сетью столько не ловят. Вот почему в следующий раз, когда они вновь отправились на реку, к ним присоединилась ватага деревенских мальчишек.

Отец и дочь уселись на высоком берегу, в самом конце рощи, там, где течение было медленней, и, наизав на крючки наживку, закинули удочки.

Первым к ним подсел Дато. Он расположился рядом с Нуну, мастерски, словно заправский рыбак, забросил подалее леску и стал ждать. Ждал долго, но рыба не ловилась. Поплавок, который он ни на секунду не выпускал из виду, ни разу не шелохнулся.

«Нужно изменить тактику», — подумал Дато. Теперь он уже стал часто выбирать леску, водить удилицем, но и это не помогло. Рыба не шла.

Да и как она могла пойти? Наживки-то у него не было. Вот черт, не подумал. С утра мастерил удочку, чтобы пораньше прийти и занять место рядом с Нуну, а про червяков забыл. Ну что же теперь поделаешь? Надо удить и виду не подавать. А может, попросить наживку у Нуну или ее отца? Нет, об этом и думать нечего.

И Дато стал еще энергичнее выдергивать леску из воды, да все приговаривал:

— Эх, не везет мне. Счастья у меня, видно, нет. Вот только одну подцепил — удилице едва удержал — да и та сорвалась.

— Хм... — ухмыльнулась Нуну. — А потому, что без червяков ловишь. Где это слыхано, чтобы рыбу без червяков ловили?

— А я с червяками, — соврал Дато, даже не покраснев.

— И сейчас ты червяка нацепил?

— Сейчас нет. Только что кончились.

— Вот то-то. Давно бы так. — И она протянула ему жестянку с червяками.

Как только Дато опустил в воду удочку, сразу поймалась рыбка.

— Помогите! Помогите! Я поймал осетра! — заорал он во всю глотку, прижимая животом к земле маленькую рыбешку. — Держите ее! А то она вырвется!

Нуну с отцом расхохотались.

— Такая маленькая, а уже такая сильная, — сказал Дато, вцепившись в рыбешку обеими руками. — Она так потянула, что я чуть не свалился в во-

ду. Вы видели, как она билась? Клянусь мамой, я думал, что это осетр.

После этого случая к ним присоединилось еще несколько ребят. До сих пор они наблюдали за ловлей издали, но теперь воодушевились успехом товарища и осмелели настолько, что сами решили попробовать свои силы.

— Вы настоящие смельчаки, — сказал им Дато, когда они тоже уселись и закинули удочки. — Рыбачить не так уж легко, как кажется. Вот Барнавели сегодня тоже мастерил удочку. Я видел. А прийти — не пришел. Наверное, побоялся, что его засмеют.

Но Дато ошибался. Гиви Барнавели думал иначе. Да и почему его должны были засмеять? Что он хуже других? В одно из последующих воскресений, когда ребята вновь собрались на берегу, Гиви тоже пришел.

Он шагал бодро и уверенно, запрокинув назад голову, неся на плече две длинные ореховые палки. В руках у него была большая консервная банка, доверху набитая червяками.

Завидев его издали, Дато закричал:

— Эй, Барнавели! Чего ты так раскачиваешь свои жерди! Будто это у тебя не удочки, а прутья, которыми погоняют быков. Смори, я тебе не советую задеть ими кого-нибудь из нас. А то ты можешь поймать сома тут же, на берегу.

Ребята дружно расхохотались. Дато тоже захохотал от удовольствия. Он смеялся громче всех и все поглядывал на Нуну, как она отреагирует.

А Барнавели побагровел от злости. Ух, как хотелось ему в этот миг хорошенько проучить наглеца. Но он смолчал. Смолчал, а потом уселся невдалеке и закинул удочки.

Вначале Гиви внимательно следил за поплавками, но скоро это, видимо, ему надоело и он все чаще и чаще стал поглядывать в сторону ребят. А они были недалеко, совсем рядом. И с ними была Нуну.

«Неужели она одна, без отца? — подумал Барнавели. Он огляделся вокруг, но агронома нигде не нашел. Нуну же сидела рядом с Дато, и тот рассказывал ей что-то уж очень смешное. — Интересно, чего они так хохочут? — недоумевал Гиви. — Что они, в цирке, что ли?»

— Эй, Дато! Слышишь там, тихо! — не выдержав, закричал он. — А то от твоего крика вся рыба уйдет.

— Рыба? — удивился Дато. — Хм... А я-то думал, отчего она у тебя не ловится? — И он заговорил еще громче.

Но Барнавели все-таки поймал двух маленьких рыбешек. Правда, Дато Ирмадзе тоже сомы не попадались, но он с издевкой поглядывал в сторону своего противника и лишь ухмылялся.

Вдруг неожиданно с юга поползли

черные тучи. Ребята, увлеченные рыбной ловлей, не заметили, как они появились в том самом месте, которое цихидзиры называют дождливым. Но почти сразу же после этого подул сильный порывистый ветер, вихрем закружилась пыль, и ребята заспешили домой.

А ветер крепчал. И тучи опускались все ниже и ниже.

Сильный порыв ветра сорвал с куста красную косынку. Он потащил ее по берегу, потом поднял над головами ребят, закружил и плавно опустил в воду.

— Эй! Чья это косынка? — закричал кто-то. — Держите ее! Уносит!

— Моя! Моя! — закричала Нуну. — Я повесила ее просушить.

— Эх ты, растяпа! Теперь уже не достать. Видишь, вода уносит. Придется кунить новую. — Дато, казалось, волновался больше всех, больше самой Нуну. — Собирайся скорей, — сказал он, — а то пойдет дождь — промокнем до нитки.

Нуну согласилась. Да, надо было скорее собираться. Она схватила свое ведро, удочку, и они побежали в деревню.

ТРЕВОГА МАТЕРИ

В этот день Елена пришла домой рано. Обычно в последнее время она задерживалась допоздна, в страднюю пору детский сад работал даже по воскресеньям. Но в этот раз ей просто повезло, и она освободилась раньше. Пришла, прибрала комнату, подоила корову. Потом разожгла огонь во дворе, слила молоко в бидон и села у костра на маленькую скамеечку. Села и задумалась о сыне. А о ком ей было думать, как не о нем? Один ведь он у нее, один во всем мире.

Странно, уже поздно, а его все нет. И где это он запропастился? Наверно, придет усталый, как вчера... А-а, пусть гуляет. На то и каникулы, чтобы гулять. Вот только за последнее время он стал какой-то другой. Нет, не с ней. С ней он такой, как и прежде: добрый, ласковый, услужливый, и все же — переменился. Серьезный стал, что ли? Бывало, раньше с постели его не подынешь. «Ну еще хоть минутку, мамочка». А сейчас сам встает на рассвете, обтирается холодной водой, делает зарядку. С чего бы все это? Недавно вот еще турник смастерил, обруч прикрепил к ореховому дереву. Напасть прямо какая-то. Стоит часами и бьет мяч в этот обруч. Да пока три раза подряд не упадет, не успокоится. Смешной какой-то.

Одного не может понять Елена. Ведь ее Гивико всего два годика было, когда умер отец, а схожи они как две капли воды. И когда только он успел перенять все это? Ходит с опущенной головой, за-

думается, левый глаз щурит точь-в-точь как отец. И молчалив, как он, и догадлив, и в трудолюбии никому не уступит. Ему вот еще тринадцать лет только, а он в доме как мужчина. И поможет где надо, и совет даст. Прошлым летом кукурузу помогал сеять, поливал сам, ей и ног замочить не дал. А когда ограда прохудилась, натаскал из лесу хворост и починил ограду. Родной мой, а лицом то как на отца похож. И характер совсем как у него. Жаль, не дожид бедняга-отец, а то бы вдвоем сыну радовались.

Эх, такова уж ее судьба вдовья. Одиннадцать лет прошло с тех пор, как муж умер. Гивико вырос. Еще немного, и будет взрослым юношей, школу закончит, в институт пойдет. А потом, может, врачом или инженером станет, семьею обзаведется. Вот тогда только и успокоится Елена, порадуется за своего сына, забудет все трудности и станет самой счастливой на свете матерью.

А пока надо еще трудиться. Сына на ноги ставить надо.

Только Елена успела об этом подумать, как вдруг где-то совсем близко сверкнула молния. И тут же на дороге пыль поднялась столбом, а в небе так громыхнуло, что стало страшно, и полил дождь. Но она не зашла в комнату, осталась на веранде и долго еще смотрела на дорогу в ожидании сына.

А дождь все усиливался. Люди прятались от него кто куда: под навес у дороги, в парикмахерскую или магазин. А Елена стояла под дождем с непокрытой головой и даже не чувствовала, как вода ручьями стекала с ее лица.

Но вот появились дети. Елена встрепенулась, протерла глаза рукой и еще зорче уставилась на дорогу.

Первым бежал Дато. В руках у него были удочки, и он размахивал ими так, будто хотел сшибить с ног догонявшего его Вану, сына бригадира. А тот, казалось, вообще ничего не видел. Он нацепил на голову пустое ведро и, сгорбившись, тоже бежал, как угорелый. За ним едва поспевала Нуну.

«Боже, да неужели это дочь нового агронома? — мелькнуло в голове Елены. — Ну да, конечно, она и есть».

Елена еще немножко подождала, глядя, как ребята быстро приближаются к ее дому, но потом, убедившись, что кроме них больше никого нет, заволновалась.

Тем временем Вану и Нуну свернули на параллельную улочку — они жили рядом, а Дато поравнялся с домом Барнавели.

— Дато! Датка! — не выдержав, закричала Елена и выбежала ему навстречу. — А где Гиви? Он ведь был с вами.

— Был! — крикнул Дато, не останавливаясь. — Но куда делся — не знаю. Наверное, там остался.

— Где там, детка? — испуганно проговорила мать.

— На реке! За рощей!

Елена обхватила голову руками.

— О боже! — вскрикнула она и побежала к реке.

Оставшись один, Гиви быстро разделся и прыгнул в воду. Вода была холодной. К тому же ветер нагнал волны, и брызги заливали лицо. Но мальчик поплыл кролем и быстро достиг середины реки. К счастью, косынка не успела затонуть.

Когда Гиви возвращался к берегу, уже лил дождь. Плыть стало труднее. В небе сверкали молнии и оглушительно гремел гром.

Наконец, выбравшись из воды, Гиви быстро оделся и побежал домой.

По лицу его хлестал дождь, ветер сшибал его с ног. Ноги все время проваливались в какие-то ямы, но он бежал, зажав в руке красную косынку и удочки, и вскоре уже был на краю деревни. Даже не заметил, как очутился там. А когда проходил мимо двухэтажного совхозного дома, решил постоять немного под ореховым деревом, чтобы укрыться от дождя. Окно Накаидзе было освещено. В комнате кто-то ходил. Тень часто появлялась на занавеске и на стенах, и Гиви подумал, что хорошо бы сейчас занести косынку хозяйке. Наверно, она обрадуется. Может быть, даже улыбнется ему и поблагодарит. А вдруг об этом узнают ребята? Гм... тогда у них будет над чем посмеяться. Они не пропустят случая. И особенно, конечно, будет язвить Дато. Еще, чего доброго, опозорит перед всеми. Ведь наверняка скажет, что Варнавели из-за какой-то несчастной девчачьей косынки готов лезть в огонь и воду. Гм... как бы не так. Иди потом, доказывая, да еще таким трепачам, как Дато. Нет, лучше уж утром занесет он косынку.

А вообще, по правде сказать, кому из ребят не охота перед Нуну покривляться. И он, конечно, тоже не исключение. Но сейчас, честное слово, косынку вытаскивал просто так, просто потому, что нравилась она ему в этой косынке. Ни у кого из девчонок такой не было.

А что если вообще никому не говорить, даже Нуну, что косынку достал он? Повесить ее на веранде, и пусть себе висит. Конечно, так лучше. Пусть она потом голову ломает, кто ей косынку принес. А он от насмешек избавится.

Приняв такое решение, Гиви подошел к дому, на цыпочках поднялся по лестнице, прикрепил косынку к висевшей на веранде веревке и убежал.

Почти у самого дома на дороге он увидел возвратившуюся с реки мать.

— Гиви! Гиви! — закричала она.

Он побежал ей навстречу, и она прижала его к груди.

— Родной мой, родной... ну как же так можно? Все ребята давно пришли, а тебя все нет и нет. Где ты был? Я так волновалась...

— Я был вместе со всеми, а потом сидел под орехом, чтобы не промокнуть.

ОХОТНИК-ЗАЗНАЙКА

Стояло прекрасное солнечное утро. Природа после дождя казалась умытой и обновленной. Синее небо, на котором теперь уже не было ни облачка, висело над головой гораздо выше обычного, и в нем уже носились птицы. А солнце разбудило окрестные горы, и они стояли, гордо обнажив свои вершины в окружении свежей изумрудной зелени, и если б не эти старые, привычные очертания, врезавшиеся в память надолго, можно было бы подумать, что они родились только сейчас и теперь греются на солнце.

В общем все в это утро было каким-то необычным. Даже река, переполненная дождем, шумела гораздо громче. И вслушиваясь в этот шум, стоящий на веранде своего дома Полихрон Иремадзе воспрянул духом.

«Нет, еще не все потеряно, — думал Иремадзе, — еще можно бороться. Я купил своему сыну ружье, и теперь он станет самым лучшим охотником в Цихисдзири. Пусть все лопаются от зависти».

Он стоял на веранде своего дома, гордо упершись кулаками в перила, и резвый порывистый ветерок освежал ему грудь.

А внизу, во дворе, ждал Дато. Он впервые шел сам на охоту, и теперь, стоя перед отцом, ожидал последнего напутственного слова.

И вот Полихрон заговорил:

— Ну, будь осторожен, сынок. Ну и, конечно, меня, старика, не опозорь. Главное, это хорошо прицелиться. Если ты будешь хорошо целиться, то наверняка что-нибудь подстрелишь. А если придеешь домой с пустыми руками... Нет, тогда лучше вообще не приходи.

— Не беспокойся, отец, — сказал Дато уверенным голосом. — Какой же я мужчина, если не подстрелю лису или одного-двух зайцев? — Он перекинул через плечо свое новенькое ружье и вышел на дорогу.

На нем была старая меховая шапка, наверняка времен его деда, ветхая одежда, грязные стоптанные башмаки, но зато вооружен он был до зубов. На пузе — новенький патронташ, нож в кожаном чехле и еще сумка с карманами и крючками, как полагаются.

И шел он по самой середине улицы, то и дело оглядываясь по сторонам, и распевал во всю глотку песню, чтобы обратить на себя внимание.

Впрочем, это было уже ни к чему,

так по крайней мере думал Дато. Девчонки уже наверняка выглядывают из-за занавесок и не могут на него наглядеться, а мальчишки... Так те просто лопаются от зависти. Вот было бы хорошо, если б еще Нуну оказалась под ореховым деревом.

Но, к несчастью, около дерева никого не было.

«Ух ты, черт, и чего это она сегодня заспалась?» — с сожалением подумал Дато. Он замедлил шаг, кашлянул погромче — может, услышит, но Нуну не появлялась. Тогда Дато повернулся и снова прошел мимо дома.

«Интересно, где это она, где?» — раздраженно думал он, вытирая со лба капельки пота, и уже собрался было уйти, как вдруг с противоположной стороны дороги до него донесся слабый смешок. Он быстро повернулся и увидел Нуну, стоявшую у забора.

— Гм... — прыснула она, когда их глаза встретились. — Если бы ты знал, какой ты смешной и сколько времени я за тобой слежу. Вот даже не смогла удержаться. Интересно, что ты здесь делаешь? Тебя что, дорогу сторожить поставили?

Нуну подошла к Дато и улыбнулась.

— Жду одного товарища. Договорились встретиться здесь, — ответил он. — Мы идем с ним на охоту. Говорят, в лесу медведь появился. А это, знаешь, такое проклятое животное... Кукурузе беда от него. Не столько съест, сколько растопчет. — Дато снял ружье и поиграл им на глазах девочки.

— Да, ты и твой товарищ задумали хорошее дело, — серьезно сказала Нуну. — Но разве вы не боитесь медведя?

— Мы? — удивился Дато, и ружье застыло в его руках. — Где это слыхано, чтобы охотник чего-нибудь боялся? Да и на медведя мне не впервые идти. Вот прошлой весной мы с отцом прикончили одного. Его шкура висит у нас на веранде. Приходи, когда хочешь, я тебе покажу.

Дато не врал. Медвежья шкура у них на веранде действительно висела. Но убили медведя охотники. А Полихрон и Дато оказались в поле случайно. И как раз вышло так, что первым к издыхающему зверю подоспел Иремадзе-старший. Он с испугу и хватил испутившего дух косолапого палкой по голове. А потом заявил всем, что медведя убил он. Ну, охотники спорить не стали. Жалко, наверно, им стало бухгалтера. Только потом ехидно подшучивали над ним. Вот, мол, бухгалтер какой у нас смелый, — спас всех от такого большого медведя. А Иремадзе не понимал шуток. Он принимал все всерьез и даже придумал по этому поводу целую историю. «Подкрался я, — говорит, — к медведю, да и хва-

тил его палкой между глаз. Представляете, такого зверя один ударом свалил!»

А Дато приписал этот подвиг себе. Вдвоем, мол, они с отцом медведя убили.

— Слушай, Нуну, а что если и тебе с нами пойти? — вновь заговорил Дато. — Я бы тебе дал пострелять. Ты когда-нибудь стреляла?

— Нет, не стреляла, но в лес все равно не пойду. Папа не разрешит.

— А на речку? Там ведь тоже можно поохотиться.

— На речку? На речку пойду.

— Ну пойдем, — обрадовался Дато. У него даже глаза засверкали.

— А как же твой товарищ?

— Ничего, подождет. Пусть это будет ему уроком. Я его больше ждал.

Только они двинулись в путь, на дороге появился Гигуа. Оказывается, он все это время наблюдал за ними и ему под конец почему-то стало очень неприятно видеть их вместе. Но вмешаться он не решился, а подумав, пошел вслед за ними.

Шли долго. Дато и Нуну — по дороге, а Гигуа, словно вор, крался садами и огородами. Но он отчетливо слышал веселый голосок Нуну, и ему постепенно становилось не по себе.

Наконец те двое остановились на крутом берегу реки, а Гигуа спрятался не вдалеке в кустах и тут же увидел, как Нуну сняла с головы косынку и стала наматывать ее на палец.

— Представляешь, — сказала она, — вчера я уронила эту косынку в реку, и ее унесло, а сегодня просыпаюсь и вижу — висит она себе преспокойно на балконе. Интересно, кто это в такую погоду смог ее выловить?

— А тебе-то что? Выловили и ладно.

— Ну как же? Я бы хоть спасибо сказала.

— А ты очень хочешь сказать спасибо?

— Конечно.

— Ну ладно. Так и быть. Не хотел я тебе говорить, но раз ты настаиваешь, пожалуйста: косынку из реки достал я, я ее и на балкон бросил.

— Ты? — удивилась Нуну. — Бросил или на веревку повесил? — недоверчиво спросила она.

— Да, бросил.

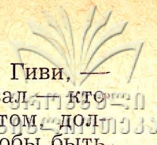
— Тогда как же она очутилась на веревке?

— Что за вопрос? Я сначала бросил, а потом решил, что лучше повесить, — выкрутился Дато. — И тут же повесил.

— Ах, значит, это ты, Дато, да? — Спасибо тебе, спасибо. Я и отцу скажу, чтобы он тебя поблагодарил.

— Не надо, — безразлично сказал Дато. — Впрочем, как хочешь. Можешь сказать, а можешь и не говорить. Но

лучше скажи. Пусть он знает, какой я сильный и ловкий.

В этот момент Гигуа не выдержал и с шумом вылез из своего укрытия. Но Дато не растерялся. Он вскинул ружье, взвел курок и... выстрелил, правда, в воздух...

Гигуа вначале перепугался и даже забыл, зачем пришел.

— Хочешь и ты выстрелишь? — заискивающе предложил ему Дато.

— Хочу. Почему бы и нет? — обрадовался Гигуа. Он взял ружье из рук товарища, зарядил его, а когда приложил приклад к плечу и поднял дуло вверх, зажмурил от страха оба глаза.

— Эй! Чего ты жмуришься? Слушай, открой глаза! — кричал Дато. Но в эту минуту прогремел выстрел, и все дружно расхохотались.

Потом они отыскали на берегу какбего старое ведро и выстрелили по нему несколько раз. Дато попал дважды, Гигуа один раз, а Нуну вообще не попала.

— Ничего, — сказал Гигуа, — просто ты не привыкла к ружью. Недельки две — и ты чемпионкой станешь.

У БОЛЬНОГО

В то утро Гиви проснулся рано. Он хотел было сразу встать, но вдруг почувствовал какую-то слабость в ногах, все тело горело. А когда солнце пробилось сквозь занавеску и ударило прямо в глаза, ему стало больно смотреть и он уткнулся в подушку.

— Спи, сынок, нечего тебе рано вставать, — ласково сказала мать. — Только, пожалуйста, не раскрывайся. Мне что-то кажется, ты захворал. Голова у тебя горячая. Набегался вчера, вспотел, а потом еще и дождь этот. Не мудрено и простыть.

— Что ты, мама? — забеспокоился Гиви, хотя чувствовал себя очень плохо. — Да ведь у меня же ничего не болит. А встать я все равно должен.

— Поменьше ты разговаривай. На, лучше, градусник.

— Мама, мамочка, это невозможно. Только сегодня выпустит, а завтра я хоть целый день пролежу, — взмолился Гиви.

Но мать была неумолима, и термометр все же пришлось поставить.

— А что же у тебя, сынок, сегодня такое важное? — спросила Елена.

— Сегодня у нас игра... с другим районом, — гордо сказал Гиви.

— Ну, они и без тебя хорошо сыграют. А я-то думала, что-нибудь серьезное.

— Не сыграют, — чуть не плача проговорил Гиви. — Не смогут они сыграть без центра нападения.

— Ну ладно, успокойся. Ты еще мал и на своем веку наиграешься. Не огорчайся.

— Нет, мама, — проговорил Гиви, — я уже не ребенок. А тренер сказал, кто хочет стать хорошим футболистом должен с детства тренироваться, чтобы быть сильным и ловким.

— То-то ты сильный и ловкий, — рассмеялась мать. — Худоба одна. Кожа да кости.

— Зато у меня задатки хорошие. А сильным я буду.

— Это тоже тренер сказал?

— Ну вот еще! — рассердился Гиви.

— На, возьми лучше, время уже, — и он протянул матери градусник.

— Боже, — всплеснула руками Елена, — сынок, у тебя же температура!

— Ну и что? Я же ничего не чувствую, — возмущился Гиви.

— Лежи и чтоб я голоса твоего не слышала, — пригрозила мать.

Но за врачом сама пойти все-таки побоялась — еще, чего доброго, послушается сын и убежит. Она дала ему крепкий чай с кизильовым вареньем, укрыла его еще одним одеялом и попросила сбегать за врачом соседского мальчика.

Тот был рад постараться для своего центрального нападающего, и врач пришел очень быстро. Он долго выслушивал больного, стучал пальцами по его спине и в конце концов заключил — воспаление легких.

Мать так и ахнула.

— Ничего, не волнуйтесь, все будет хорошо, — успокоил ее доктор и прописал Гиви пеницилиновые уколы.

Всю ночь Елена не отходила от сына, то холодное на лоб положит, то прикроет; а утром температура спала, и она успокоилась. Даже подремала немного, но ее разбудил Гигуа. Он пришел проведать товарища.

Пришел, уселся с ним рядом на кровать и стал рассказывать, как они вчера разгромили противника со счетом 5:0.

— Да, чуть не забыл самое интересное, — добавил он в конце. — Представляешь, оказывается, Нуну уронила поза вчера в реку косынку, а Дато прыгнул в воду и достал ее.

— Кто тебе это сказал? Откуда ты знаешь? — внезапно побелев, спросил Гиви. От волнения он даже присел на кровати.

— Ложись, ложись, не волнуйся, — старался успокоить его Гигуа. — Никто мне не говорил. Просто я слышал, как Нуну его благодарила. Он сам ей об этом и рассказал.

— И она поверила?

— А ты чего беспокоишься? Наверное, поверила. Раз поблагодарила, значит, поверила.

— Гм, хорошо же он все это придумал, — возмущился маленький Барнавели. — Но это ему так не сойдет. Это ведь не история с медведем.

— А ты что, что-нибудь знаешь? — удивился Гигуа.

— Да нет, ничего. Я просто так.

— Нет, Гиви, ты что-то скрываешь. Скажи мне правду.

Но Гиви так ничего ему и не сказал. А вечером к больному пришел Накаидзе с дочкой.

— Что случилось? Какая у него температура? — войдя в комнату, с беспокойством спросил тренер и, не дожидаясь ответа, подошел к постели. Гиви спал.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласила их Елена, указывая глазами на тахту. — Ничего, ему уже лучше.

— А было плохо?

— Да, было неважно.

Вахтанг и Нуну сели.

— Ну а врач? Вы вызывали врача?

— Да, — тихо проговорила Елена. — Врач определил воспаление легких.

— Ну? — расстроился Накаидзе и добавил: — Да, неприятно.

— Конечно, неприятно, — сказала Елена. — Но что поделаешь? Наверно, набегался, вспотел...

— Когда же это он мог вспотеть? — удивился Накаидзе.

— Да, папочка, я тоже удивляюсь, — вмешалась Нуну. — Позавчера мы, например, весь день рыбачили, а вечером, когда погода испортилась, все домой побежали.

— Ну если не позавчера, так днем раньше. Это роли не играет, — сказала Елена. — Теперь же они целыми днями мяч гоняют. Вот так и простуживаются.

— Ну что вы, не волнуйтесь, пожалуйста, — стал утешать ее Накаидзе. — Сейчас ведь воспаление легких совсем не опасно. А Гиви здоровый мальчик и болезнь перенесет легко. Что же касается простуды, так это он наверняка на реке простыл. Поверьте мне, футбол не вредит здоровью. Он, наоборот, закаляет. И я уверяю вас, если Гиви будет нормально тренироваться, он вырастет здоровым, крепким и станет хорошим футболистом. У него для этого есть все данные.

— Но он ведь еще совсем маленький, — попыталась возразить мать.

— В футбол надо играть с детства.

— А как же он будет учиться, если все время футбол да футбол?

— Ну это, поверьте, не помешает. Даже наоборот. Ведь мы на собрании команды решили, что наши футболисты должны учиться только на хорошо и отлично. А кому это не по душе, пусть выбирает. Хороший футболист — это еще далеко не все. В первую очередь нужно быть культурным и образованным человеком. Поверьте мне, ребята об этом знают.

Вот так все и кончилось. А она-то ду-

мала разбудить его. Пускай бы оставил Гиви в покое. Ну на что ему дался этот футбол? Да куда уж там! Сам этот тренер, видать, такой был, а вот вырос и человеком стал.

Уходя, Накаидзе пообещал, что они с Нуну придут завтра.

— А может, все-таки разбудить его? — нерешительно предложила Елена.

— Нет, что вы? — возразил Накаидзе. — Пускай спит.

Елена проводила гостей до калитки, а назавтра, когда они пришли вновь, встретила их уже более приветливо.

— Проходите, проходите, пожалуйста. Вчера, когда Гиви узнал, что вы были и я его не разбудила, он очень огорчился.

Больной встретил гостей, полусидя в кровати. Он был закутан в одеяло, и когда они вошли, хотел это одеяло сбросить, но мать на него прикрикнула, и ему пришлось смириться.

— Э-э-э, дружище, маму всегда надо слушаться, — сказал Накаидзе, придвигая к кровати стул. — Ну как поживаешь?

— Немного голова болит, а так ничего, — смущенно ответил Гиви. — Вы мне лучше расскажите, как это удалось нашим вчера выиграть, и еще с таким счетом?

— А-а, ничего удивительного здесь нет, — сказал Накаидзе. — Конечно, у них есть хорошие игроки, но наши играли лучше, вот и выиграли.

Елена пригласила гостей к столу. И как не отнекивались они, им все же пришлось поужинать в доме Барнавели.

С этого дня Нуну ежедневно стала навещать Гиви. Болезнь протекала легко и быстро, и ему было очень приятно каждый раз видеть девочку у себя.

Нуну приходила, садилась на краешек кровати и начинала рассказывать какую-нибудь интересную историю. Она любила читать и столько их знала, этих историй, и так занимательно рассказывала, что у маленького Барнавели дух захватывало. Сам он за всю свою жизнь не прочел и десятка книг.

— Ничего, — успокаивала его Нуну. — главное — это начать, а потом и не оторвешься. Бери в библиотеке книги и читай. Кто тебе помешает?

— Да нет, и книги у меня есть, и желание тоже. А вот терпения не хватает. Понимаешь, я не могу долго сидеть дома. Все время во двор тянет, особенно, когда сижу с книгой. В голове такое творится...

— Ну, значит, ты бесхарактерный человек...

— Наверное, — сразу согласился Гиви. — Но вот что странно. Могу же я целыми днями играть в футбол, рыба-

чить или охотиться на перепелок. Даже о еде забываю. А вот книги читать терпения не хватает.

— Вероятно, это потому, что ты вообще не любишь читать.

— Но я же люблю интересные истории, а о них в книгах написано, — возразил Гиви.

— Наверно, ты и кино любишь?

— Конечно, люблю.

— Ну вот видишь. Ты любишь смотреть и слушать. А читать ты не любишь. Но сильный, волевой человек должен заниматься не только тем, что ему нравится. Вот ты попробуй как-нибудь, возьми да и пересиль себя, прочти книгу.

— Но я же обязательно захожу на улицу!

— А ты возьми книгу сейчас, когда тебе нельзя выходить. Вот увидишь, тебе понравится.

Они были так увлечены беседой, что не заметили, как в комнату вошел Накандзе.

— Ну, здравствуй, герой. Как дела? — спросил он.

— Здравствуйте, хорошо, — ответил Гиви.

— Вот и отлично. Только хорошо и должно быть. Мы ведь ждем тебя. Даже завтрашнюю игру с арагвинцами отложили.

— Как отложили? — удивился Гиви. Но известие это было ему, конечно, приятно, и он заадел от радости.

— А вот так, — сказал Накандзе. — Ждем тебя. Пока не поправишься, встречи не будет.

КОМАНДЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ

И вот наконец наступил тот день, которого с таким нетерпением ждали во всей деревне и старые, и молодые, — команды из двух районов, «Арагви» и «Риони», вновь вышли на поле.

В этот раз встречу судил преподаватель физкультуры. На нем был синий тренировочный костюм, и все решили, что раз он одет по форме, судейство пройдет на высоте. Опасение внушали лишь боковые судьи, одним из которых был главный «арбитр» прошлого поединка, но он наверняка запомнил уроки последнего матча и, следовательно, должен был сделать из этого соответствующие выводы. А так все шло благополучно, зрителей было много, и точно в назначенное время команды выбежали на поле и дружно приветствовали друг друга.

Раздался свисток судьи. Гиви Барнавели, отпасовав мяч своему левому полусреднему, начал игру.

Рионцы вышли на поле в том же составе, что и прошлый раз, за исключением одного только Дато, которого в центре заменил Барнавели. Впрочем, На-

кандзе не раз передавал ему через товарищей, чтобы он пришел, но после того случая на берегу канала, когда Дато спихнул Барнавели в воду, он почему-то стал всех избегать и говорил, что не будет играть в команде, если его даже очень попросят. Но играть он, конечно, хотел. И все это знали, а потому удивились, когда в день матча с арагвинцами увидели его, направляющегося на охоту. Впрочем сделал он это только из одного лишь самоуспокоения. А оно-то и не пришло. Даже убитая дичь не принесла радости. Сердцем-то он весь был там, на стадионе.

В конце концов Дато бросил охоту и пришел посмотреть на игру. Он расположился на траве среди запасных, достал горсть семечек, и хотя внешне он был совершенно спокоен, в душе его творилось что-то ужасное.

Арагвинцы играли мелкими передачами, но очень быстро. Они не раз молниеносно врвались на вратарскую площадку противника, сильно били по воротам, но Тариэл играл смело и несколько раз спасал свою команду от, казалось бы, неминуемого гола.

Гиви вначале нервничал. Ему страшно хотелось сыграть хорошо, сделать для команды что-нибудь полезное, но все никак не получалось. Потом он заметно успокоился, даже осмотрел зрителей и стал играть уверенней. Первым, кого он увидел, был Накандзе. Тренер сидел недалеко от ворот на маленькой скамеечке и крутил свои длинные усы. Обычно он делал это только тогда, когда волновался. И Гиви подумал — значит, волнуется. Потом он встретился глазами с Нуну. Она ему улыбнулась, а он отвернулся и больше не смотрел в ее сторону, но почему-то все время только и думал о ней. Ему казалось, что она не сводит с него глаз, не пропускает ни одного его движения, и это ему было приятно, но очень сковывало его.

Постепенно игра стала ровной. Острые моменты поочередно возникали то у одних, то у других ворот, а порой рионцы выглядели даже лучше. Они надолго захватывали инициативу и, будучи на поле хозяевами положения, усиленно атаковали. В одну из таких атак Гиви Барнавели принял мяч в центре поля, быстро переместился к чужим воротам и у штрафной площадки, ложным движением обойдя защитника, точно отпасовал его направо высвободившемуся из-под опеки Вану. Последний, недолго думая, с ходу ударил по воротам. Но мяч попал в защитника и вышел на угловой.

Угловой подавал левый крайний рионцев. Мяч от его удара полетел прямо в ворота, но вратарь в акробатическом прыжке сумел отразить его кулаком в поле. И тут у мяча совершенно нежи-

данно оказался Гиви. Он молниеносно прошел двух защитников, обманул вышедшего вперед вратаря и точным ударом забил мяч в сетку пустых ворот.

Ликование рионских болельщиков было беспредельно. Они отчаянно кричали, хлопали в ладоши, свистели и, конечно, выпускали голубей. А девочки, среди которых была и Нуну, радостно улыбались и размахивали над головами своими цветными платочками.

Лишь один Дато молча воспринял успех друзей. Прищурив левый глаз, он почесал затылок, запустил в девчонок кукурузным початком и как бы между прочим заметил:

— Ничего, игра еще только начинается. Это случайный гол, случайно и зайца можно убить.

Но «пророческие» слова обиженного иремадзевского сына не оправдались. Буквально через несколько минут Барнавели вновь заставил вратаря арагвинцев вынуть мяч из сетки ворот. После этого в успехе рионцев уже никто не сомневался. Более того, они буквально прижали противника к штрафной площадке. И тем уже ничего не оставалось делать, как лихорадочно защищаться. Теперь главная задача противника была — обезвредить центр-форварда Барнавели, и к нему приставили еще одного сторожа, а Ваню оказался открытым. К тому же Гиви справился и со вторым опекуном. Он вообще играл очень изобретательно и однажды, в самом конце первого тайма, ему все-таки удалось обойти своих сторожей и точно передать мяч Ваню. Так был забит третий гол.

Второй тайм начался сумбурной, лихорадочной атакой команды «Арагви». Ребята старались. Им во что бы то ни стало хотелось уйти от поражения. И они, забив первый, ответный гол, казалось, были уже близки к цели. Но это был их последний успех. Даже поддержка болельщиков не помогла, хотя справедливости ради нужно сказать, ребята играли неплохо.

Так и закончилась эта напряженная, интересная встреча. Счет 3:1 точно отображал реальное соотношение сил на поле. Рионцы играли явно лучше. Они выглядели свежее, изобретательнее своих соперников и заслуженно были вознаграждены успехом.

А Дато?.. Он позорно бежал со стадиона. Бежал еще тогда, когда счет был всего лишь 2:0. И правду сказать, никто не сожалел об этом. Его побега многие даже не заметили.

После игры Накаидзе и преподаватель физкультуры долго совещались. В конце концов они решили из двух коллективов создать один и назвать его «Колхида». Радостная весть быстро разошлась

по всему селу. В Цихидзири будет своя настоящая сильная команда!

А позже все узнали и ее первый состав. Из рионцев в новый коллектив попали Гигуа, Тариэл, Гиви, Ваню и еще двое ребят из запасных. Все остальные раньше играли в «Арагви».

Капитаном все же избрали Гигуа и уж, конечно, Накаидзе стал тренером.

ДЕЛО ПОШЛО НА ЛАД

На первое занятие игроки «Колхиды» явились вовремя. И сразу же, без всякой «вступительной речи», Вахтаг Накаидзе скомандовал им выстроиться в одну шеренгу, а потом разъяснил план тренировки.

— Сегодня, ребята, — сказал он, — мы разучим десятикомплексное вольное упражнение...

— Разве мы гимнасты? — съехидничал бывший капитан «Арагви».

— Футболист должен быть и хорошим гимнастом, — спокойно возразил тренер. — Может быть, есть еще какие-нибудь вопросы?

Но вопросов не было, и Накаидзе принялся за дело. Вначале он сам показал, как надо выполнять упражнение, а затем заставил каждого из ребят обрабатывать его в отдельности. Лишь после этого они перешли к совместной тренировке.

— Хочешь быть сильным, ловким, — говорил тренер, — занимайся всеми видами спорта. Не обязательно в каждом из них добиваться выдающихся результатов. Но футболист должен быть разносторонним спортсменом.

Однажды они всей командой отправились в поход. Погода была дождливой. Весь день моросило, и от непролазной грязи буквально не было спасения. А Накаидзе все шел и шел, и ни у кого не хватало смелости сказать ему, что уже хватит, что в самый раз вернуться бы домой. Наверное, каждому было стыдно расписаться в своей слабости. Потому и плелись они все в две шеренги за тренером, понуриив головы от усталости. А тот шел впереди всех и, казалось, не видел всего этого. Он только слышал, как кто-то за спиной приглушенно говорил:

— Интересно, что общего между футболом и вот этой грязью, которую он заставляет нас месить?

— Э-э... а ты думаешь, он отменит послезавтрашнюю игру, если даже пойдет тропический ливень? Черта с два!

Накаидзе улыбнулся. Ему было приятно слышать такое. Что ж, очень хорошо, раз они так думают. Пусть знают — твердость характера прежде всего.

— А ну-ка бегом, — кричал он, обернувшись, и все побежали за ним.

— Быстрее, быстрее, не отставать!
После похода тренер разделил команду на две группы и приказал провести двустороннюю игру. Шел дождь. Поле было мокрые. Лужи в некоторых местах доходили до щиколоток, но ребята играли. А играть было трудно, мяч, отяжелевший, как камень, отбивал ноги.

— В такую погоду и комар носа не высунет, не то, чтобы в футбол играть, — ворчали ребята.

Но Накаидзе лишь разводил руками.
— Ничего не поделаешь. Выносливость — прежде всего.

* * *

Наступила зима. Пошел снег, но тренировки не прекращались. Юные футболисты выучились ходить на лыжах и теперь каждое воскресенье уходили с тренером в дальние походы. В обычные дни после занятий в школе они играли в баскетбол или волейбол, занимались гимнастикой, борьбой, штангой. А когда позволяла погода, не упускали возможности и потренироваться на поле.

Тренеру ребята нравились. Теперь они были уже совсем не те — очень много трудились и, главное, твердо знали, что все, что бы ни заставлял он их делать, является не прихотью Накаидзе, а наиважнейшим правилом для любого спортсмена. И они старались вовсю, кто как мог, но самых больших успехов достиг Барнавели. Опытный глаз Вахтанга не мог не заметить, как этот способный мальчик рос изо дня в день буквально на глазах. У него уже было все: и быстрота, и ловкость, и даже какое-то мастерство — умение владеть мячом, ориентироваться на поле. Но одного ему до сих пор еще не хватало — выносливости. А это было не так уж мало. Гиви раньше всех уставал, часто болел, да и просто был слаб физически. Но при всем этом тренер верил в него. Однажды он поздравил Барнавели к себе и сказал:

— Гиви, я верю, что ты будешь хорошим футболистом. И я говорю это тебе потому, что убежден — ты умный парень и не зазнаешься. Но помни! С неба ничего не сыплется. Само собой ничто не приходит. Ты должен много работать, больше всех тренироваться. Ты должен стать сильным.

«Стану! Обязательно стану, чего бы мне это ни стоило!» — решил тогда Гиви.

Вскоре пришла весна. Природа проснулась от зимней спячки, зазеленели горы и долины. И снова для колхидцев настала горячая пора. Они выступали в районной школьной спартакиаде.

Турнир проходил по олимпийской системе: проигравшие хоть одну встречу выбывали. Финал, назначенный на май месяц, должен был проводиться в районном центре.

В предварительных играх колхидцам сопутствовал успех. Они победили в пяти играх подряд и в решающем матче должны были встретиться с одной из сильнейших школьных команд районного центра.

Финальный поединок был назначен на воскресенье. Из Цихисдзири в район отправились три машины болельщиков. Стадион был забит до отказа. Игра началась в быстром темпе, но с переменным успехом. Опасные моменты возникали то у одних ворот, то у других, и первый тайм закончился безрезультатно. Очевидно, и во второй половине игры ни одной из команд так и не удалось бы достигнуть успеха, потому что за несколько минут до финального свистка счет все еще был ничейный — 0:0, и зритель уже настроился на дополнительное время. Но случилось неожиданное. Дело в том, что с самого начала игры к Барнавели приставили двух защитников, да еще третий приходил на помощь. Таким образом Гиви практически был выключен из игры. Но в самом конце матча противник успокоился, футболисты уже смирились с ничейным счетом и, видимо, думали только о том, как бы сохранить побольше сил для добавочного времени. Вот этим-то и воспользовался Барнавели. Находясь недалеко от штрафной площадки соперников, он спокойно принял мяч на голову, затем прошел с ним несколько раз поперек поля, как бы стараясь убедить всех, что только лишь тянет время, и защитники, не подозревая ничего опасного, спокойно провожали его глазами. А когда он быстро перекинул мяч через себя и сделал резкий рывок в сторону ворот противника, защитники от неожиданности замешкались, а этого уже было достаточно, чтобы на большой скорости обойти их и точным ударом с лета послать мяч в левый угол ворот.

На стадионе воцарилось молчание. Просто никто не успел опомниться от случившегося: ни местные болельщики, ни даже сами цихисдзирицы, — таким неожиданным и великолепным был проход Барнавели.

Но в следующий миг стадион уже взорвался от рукоплесканий. Болельщики поздравили «Колхиду» с победой. А мяч, забитый центром нападения Гиви Барнавели на самых последних секундах матча, вошел в историю цихисдзирской команды как «золотой гол», принесший победу.

* * *

С тех пор пролетело три года. «Колхида» за это время стала хорошей, сильной командой. Она не раз побеждала во многих соревнованиях и завоевала славу непобедимой. Повзрослели и сами

футболисты. Им было уже по шестнадцать лет.

А Накаидзе стал главным агрономом совхоза. Теперь у него было мало свободных часов, но несмотря на свою занятость, он всегда находил время для регулярных тренировок. И это, конечно, не замедлило сказаться. В республиканских зональных соревнованиях, проводившихся среди юношей, «Колхида» заняла первое место. Полуфинал и финал предстал в Тбилиси.

«ОСНОВНОЙ» БОРЕЦ

Однажды утром, возвращаясь в деревню после очередной прогулки, Гиви шел по дороге мимо большого цветущего сада и вдруг почти у самой околицы увидел Нуну. Она стояла под небольшим персиковым деревом, вся в белом, а над ней трепетало море распутившихся розовых цветков, покрытых утренней росой и блестящих на солнце.

Он тихо подошел, остановился недалеко, а она словно почувствовала чье-то приближение и резко обернулась.

— А я-то думала, кто бы это мог быть? — тихо, улыбаясь, сказала девушка и рассмеялась.

— Что ты здесь делаешь? — робко спросил Гиви неокрепшим баском.

— Гуляю.

— В такую рань?

— А почему бы и нет? Ты ведь тоже не спишь. И вообще, как можно спать, когда пробуждаются на деревьях цветы? — она развела руками и глубоко вдохнула в себя свежий ароматный воздух.

— Любишь цветы? — вновь спросил Гиви.

— Ага. Больше всего на свете люблю.

Когда они возвращались домой по аллеям сада, солнце уже стояло довольно высоко.

— А знаешь, я еду в Тбилиси, — тихо проговорила Нуну.

— Надолго? — испуганно спросил Гиви.

— Нет. Вместе с вами. Просто хочу посмотреть на вашу игру. Вот будет здорово, если вы и сейчас выиграете.

— А-а... — обрадовался Барнавели. — А ты очень хочешь, чтобы мы выиграли?

— Конечно, хочу, глупый.

— Ну, тогда мы выиграем.

— Эх, если бы это зависело только от одного хотения... Кто бы тогда проиграл?

— Мы не проиграем.

— Почему ты так уверен?

— Вера в себя — прежде всего. Так нас учит твой отец.

Нуну усмехнулась.

— А я бы не сказала, что ты особенно в себя веришь, — ехидно проговорила она.

* * *

Маленькое селение Цихидзирц, Божье, кто мог подумать, что это селение помеченное на географической карте даже точкой, вскоре прославится на всю Грузию? И чем? Футбольной командой!

Как-никак, а гордости цихидзирцев не было предела. Теперь все они, от мала до велика, болели футболом и хвалили тренера Вахтанга Накаидзе.

Можете себе представить состояние Полихрона Иремадзе в таком ажиотаже. Правда, теперь он уже отзвывался о тренере и его питомцах более сдержанно, иначе бы не жить ему на этом свете, но старая обида не проходила. Да и как она могла пройти? Ведь слава стороной обошла его сына. Потому-то и краснел он от злости, когда кто-либо в его присутствии начинал хвалить футболистов. Но только краснел и злился, а в спор не вступал.

— Никак не могу понять, что это происходит на белом свете, — частенько жаловался Иремадзе ничего не смыслящему в футболе одноглазому счетоводу, других он боялся. — И что такого сделали наши футболисты, что о них все газеты пишут? Я уже и не говорю о том, что при одном упоминании об этом Барнавели у меня начинают дрожать колени. Но, знаешь, наверно, он все-таки хороший игрок. Ведь нет игры, чтобы он не забил два-три мяча.

— Да, да, и мне так кажется, — отвечал счетовод с видом искушенного знатока. — Наверно, здесь, как в лотерее, нужно иметь счастье. Ну вот вы сами посудите, товарищ Иремадзе. Мяч-то ведь круглый. А раз он круглый, значит, он катится. А если мяч катится, так наверняка попадет в какие-нибудь ворота. Можете мне поверить? А иначе как же? Куда же ему деваться? Они дураки, в двое ворот играют. А я бы им посоветовал еще парочку поставить. Тогда и голов будет больше. А как же?

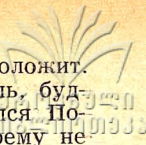
— Все это так, — с досадой говорил Полихрон. — Но почему же счастье только к нашим идет?

Вскоре по селу разнеслась весть о том, что «Колхида» вышла в полуфинал республиканской спартакиады.

Тут уж Иремадзе совсем расстроился. Расстроился, а потом подумал: «Э-э... Кажется, они уже не шутят. И Накаидзе в свое время недаром мастера спорта присвоили. Сколотил же он команду, собаку. И вообще нужно быть справедливым — молодцы футболисты! И тренер их молодец. Жаль только Дато, наверное, переживает. В Тбилиси ему с ребятами хочется».

— Слушай, Дато, говорят наша «Колхида» в финал республиканской спартакиады вышла? — как-то спросил он сына.

— Да, они молодцы. Позавчера я смотрел их матч и, ты знаешь, они здорово играли. Просто даже не верится. Но больше всех мне понравился Барнавели.

— Кто? Кто? — удивился отец.

— Кто... Барнавели...

— А-а... Это Гиви... Ну что же, он неплохо играет. Я все тебя хотел спросить, не хочешь ли ты поехать со всеми на спартакиаду?

— Что за вопрос? Конечно, хочу. Все ведь ребята едут.

— Ну раз хочешь, поедешь. — пообещал Иремадзе. — Только скажи мне, борцы наши тоже вышли в финал?

— Да, папа.

— Ну вот и хорошо. Ты же знаешь, что районный тренер по борьбе — друг моего детства? Сейчас же съезжу к нему и попрошу, чтобы он зачислил тебя в команду запасным. Не бойся, он не откажет. Ты тоже поедешь в Тбилиси. И пусть все они лопнут от зависти...

— Ой, папа, как это ты хорошо придумал! Представляешь, если ко всему еще кто-нибудь заболит и я приму участие в соревнованиях. Вот будет здорово.

От радости Дато подбежал к отцу, крепко его поцеловал, а потом забегал по комнате и еще долго не мог успокоиться.

Дело в том, что раньше он занимался борьбой и часто выступал в соревнованиях, но в отборочном матче перед спартакиадой проиграл, и путь в Тбилиси оказался для него закрытым. Конечно, он уже свыкся с этим, и дело свое считал безнадежным. Но тут отец предложил помощь. Как же не заплашешь от радости?

В тот же вечер Иремадзе поехал в районный центр к своему другу детства. Тренер обрадовался ему, внимательно выслушал, а потом сказал с сожалением:

— Эх, Полихрон, ну хоть бы ты немного раньше предупредил.

— А что, разве уже поздно? — забеспокоился Иремадзе.

— Конечно. Мы ведь уже сборы закончили. А твоему сыну тоже не мешало бы потренироваться. Правда, он будет запасным, если, конечно, удастся его взять. Ну, а если все сложится так, что ему придется выступить? Что тогда?

— По мне, тренируют только ищек, — проговорил Полихрон, сообразив, что дело пошло на лад. — Для чего все это хорошему борцу? Раньше наши отцы и деды никогда не тренировались. Но могу дать голову наотрез, — ни один из твоих ребят не справился бы с ними.

— Раньше было другое дело, — возразил тренер. — Тогда нужно было быть сильным — и все. А сейчас основное — техника. Сейчас каждый техничный бо-

рец любого силача в два счета положит.

— Ты, дружище, так говоришь, будто я с Луны свалился, — обиделся Полихрон. — Но поверь, сыну моему не нужна тренировка, ей-богу. Он и так техничный, честное слово.

Долго еще уговаривал Иремадзе своего друга детства. В конце концов ему пришлось даже раскошелиться и угостить его. Только тогда сопротивление было, наконец, сломлено. На следующее утро Дато был зачислен в команду борцов запасным.

Услышав от отца столь приятную новость, Дато бросился к нему на шею, расцеловал, а потом быстро надел свой новый спортивный костюм, гладко зачесал волосы и вышел на улицу. Ему хотелось сообщить всем, что его зачислили в районную команду борцов и что он тоже едет в Тбилиси, но как назло по пути никто ему не встретился.

— Черт, и куда же все подевались? — негромко проговорил Дато. — Вот так всегда, когда надо, никого не найдешь.

Он шел по улице и чувствовал, как у него прибавляются силы. Даже походка изменилась, как-то отяжелела. И плечи расправились. А грудь стала выпуклой и пальцы в кулаки сжались.

«Вот бы сейчас Нуну повстречать» — подумал Дато.

Подумал и тут же встретил, на деревенской площади.

— Здравствуй, Нуну, — гордо сказал он, поравнявшись с девушкой. — Когда в Тбилиси едешь?

— Наверное, в субботу, с мамой. А папа с командой приедет в воскресенье.

— Наша команда тоже, кажется, едет в воскресенье.

— Какая это ваша? — заинтересовалась Нуну.

— Ах да, ты ведь еще не знаешь. Я говорю о районной команде борцов. Вчера меня вызывали в район и попросили выступить. Я, правда, вначале отказывался, но потом передумал и решил все-таки поехать. Да и чего дома сидеть? Я сейчас в неплохой форме.

Дато испытующе поглядел на Нуну, но потом, видимо, решил, что надо бы поговорить еще, и продолжал:

— А знаешь, Нуну, откровенно говоря, не это меня прельстило. Говорят, на спартакиаде из лучших борцов будут составлять юношескую сборную Грузии. Заведующий спортивным отделом райисполкома так мне и сказал: «Ты, Иремадзе, обязательно должен поехать. У тебя есть все шансы попасть в сборную Грузии. А осенью на всесоюзные соревнования поедешь». Вот я и решил, что игра стоит свеч.

— А в каком весе ты выступишь? — прервала хвастуна девушка.

— В среднем, — самодовольно ответил Дато.

— Ну что ж, значит, я приду и на борьбу!

— Спасибо! Я как раз хотел тебя попросить об этом. Знаешь, какое большое значение имеет поддержка болельщиков. Тем более, такого болельщика, как ты.

— Ну что ты, какой из меня болельщик?

— Не важно. Главное, чтобы я знал, что ты в зале. Тогда у меня прибавится сил.

— Ну вот еще, — обиделась девушка, — поехал. И чего это вы, мальчики, всегда так много говорите?

— Не знаю, — ответил Дато. — Так ты придишь?

— Раз сказала, значит приду.

— Хорошо. Тогда я куплю билет и подожду тебя у входа.

МОЛОДЕЦ, ДАТО!

В первый день соревнования «Колхида» встретилась со сборной командой соседнего района. Игра была жестокой, нервной, но в конце концов цихисдзирицы все-таки переиграли своих соперников и ушли с поля победителями. Правда, счет так и остался минимальный — 1:0, но футболисты Цихисдзири все же сумели завоевать симпатии зрителей. Особенно им понравился центр нападения Гиви Барнавели. Его точные комбинации и молниеносные проходы не раз вызывали дружные крики восторженных болельщиков. И действительно, Гиви очень старался. Он был, что называется, душой команды, ее дирижером. И это сказывалось буквально во всем: в организации атак, в точной распасовке мячей, в умной игре против защиты и даже в этом единственном голе, забитом из очень трудного положения, но решившем исход встречи.

В общем начало успеха было заложено. А завтра они отдыхали.

— Ну, что будем делать? — спросил Накаидзе своих питомцев после завтрака.

— Конечно, осмотрим город, — хором сказали ребята.

На том и порешили.

Днем осматривали город, а вечером все пошли во Дворец спорта на соревнования по борьбе.

У входа цихисдзирицы встретили Нуну. — Папа, ну где же вы до сих пор? — удивленно спросила девушка.

— А ты что, билет не достала? — Накаидзе уже было направился к кассе, но Нуну остановила его.

— Да нет, билет мне принес Дато. Просто — начало скоро.

Услышав эти слова, Барнавели вздрогнул. Ему стало не по себе. Лицо его залилось краской, но он и виду не подал.

А когда вошел во Дворец, все вдруг забылось. То ли оттого, что вообще нечего было расстраиваться — ведь славы-то ему не занимать, то ли потому, что зал произвел на него такое огромное впечатление. Но обиды тотчас прошла, и он уже как ребенок с интересом стал все рассматривать.

Но вот борьба началась. Одна пара быстро сменяла другую, публика награждала победителей аплодисментами, побежденные уходили с ковра с опущенной головой, а Дато сидел с товарищами невдалеке от судейского столика и, улыбаясь, изредка помахивал рукой своим односельчанам, среди которых был и его отец. Главный бухгалтер вначале сидел молча. Видимо, его вообще мало интересовали соревнования, но когда в борьбу вступила команда из их района, он оживился.

— Жаль, что мой сын не может сегодня выступить, — говорил Полихрон, кивая в сторону ковра, — а то бы вы наверняка увидели всю красоту и прелесть грузинской борьбы.

Но странное дело. Только успел он это сказать, как Дато куда-то неожиданно исчез и появился бледный-преблдный уже прямо на ковре.

— Да что же это такое? — не поверив своим глазам, воскликнул Полихрон Иремадзе.

И как бы в ответ прозвучал голос диктора, возвещавший о том, что на ковер вышел средневес Дато Иремадзе из села Цихисдзири и что ему предстоит нелегкая встреча с известным борцом, неоднократным чемпионом республики среди юношей.

У Полихрона сразу испортилось настроение. Это известие даже отбило у него всякую охоту говорить. Он выругался про себя и, волнуясь за сына, утаивался на ковер.

А случилось то, чего вообще никто не ожидал. Перед самым выходом на ковер борец из основного состава случайно подвернул ногу и уже не мог выступить. Тренер был в отчаянии. Ему не хотелось выводить Дато, ибо он знал, что это наверняка потеря очка. Но ведь невянка спортсмена положения тоже не меняла.

И вот борьба началась. Под звуки зурны соперники пожали друг другу руки, затем разошлись в стороны и только после этого, низко опустив головы, стали сходитьсь. Потом они вдруг схватились быстро и резко, так что никто не заметил, кто первым пошел в атаку, и упали на ковер. А когда встали, каждый из них понял, что нечего рисковать, и действия обоих стали осторожными. Но вот Дато сделал резкий выпад вперед, схватил противника за спину и, применив эффектный прием, свалил его на

бок. Зал ликовал. Такое даже у мастеров редко увидишь.

— Молодец, Дато, молодец! — кричали обрадованные цихисдзирцы.

А сам Полихрон от счастья с ногами взобрался на скамейку и заорал охрипшим голосом:

— Есть! Есть! У моего сына очко!

Но Дато быстро устал, а соперник заметно активизировался. Был момент, когда он чуть было не уложил цихисдзирца на обе лопатки, не сумей тот ловко увернуться. Но в дальнейшем соперник прочно захватил инициативу. В конце схватки он поднял Дато в воздух и уже собирался бросить его на ковер, так что еще неизвестно, чем бы все это кончилось. Но в тот момент прозвучал гонг, и он выиграл по очкам.

Поражение Дато испортило настроение всем цихисдзирцам, особенно Полихрону. Когда поединок закончился, он опустил голову и не произнес ни единого слова. Ребята тоже молчали. Но вдруг заговорил Гиви Барнавели.

— Все-таки молодец наш Дато, — громко сказал он. — С таким противником бороться — это не в куклы играть. А Дато даже бросил его два раза.

— Молодец, конечно, молодец! — с радостью подхватил Полихрон. — Ведь он нигде, кроме своей деревни, не боролся. А тут такое сборище. Шутка ли сказать? Смутился, наверное, мальчик, он ведь у нас стеснительный. Точно вам говорю, смутился.

После окончания поединка Дато сразу оделся и вышел на улицу. Здесь он должен был встретить Нуну, как они договорились. Но девушка была не одна, с ребятами, а их видеть ему не хотелось: боялся, что засмеют. Вот и спрятался за колонну. Однако расчет получился неверный. Лишь только народ повалил из Дворца спорта, ребята неожиданно очутились прямо перед ним.

— А вот и Дато! — односельчане окружили его и стали по очереди жать руку. — Молодец, Дато, молодец. Прогреть такому противнику по очкам, все равно, что выиграть.

— Верно, ребята. И мне его выступление понравилось, — сказал Накаидзе. Он подошел к Дато, обнял его и повел за собой. — Откровенно говоря, я и не думал, что ты умеешь так бороться. И потом, насколько мне известно, ты ведь совершенно не тренировался.

Иремадзе кивнул. Он шел рядом с тренером, опустив голову, и боялся посмотреть ему в глаза.

— Вот видишь, — сказал тренер, — потому ты так быстро и выдохся. Ну, ничего, не огорчайся. Силенок тебе не занимать, а потренируешься, станешь выносливей, еще не такого противника одолеешь.

Дато поднял голову, недоверчиво посмотрел на тренера и, почесав затылок, робко проговорил:

— А я думал, вы обрадуетесь моему поражению.

— Ну вот еще, — улыбнулся Накаидзе. — Чего это я должен радоваться?

— Ведь вы меня ненавидите.

— Я? — удивился тренер.

— Да, вы.

Накаидзе немного помолчал, а потом усмехнулся и тихо сказал:

— Эх, глупый же ты еще, Дато.

НОЧЬЮ

После борьбы Накаидзе отвел своих питомцев в одно из тбилиских студенческих общежитий, где им отвели огромную светлую комнату, а потом пошел с дочкой домой. Уходя, он дал футболистам последние указания перед завтрашней игрой, и ребята по просьбе тренера легли спать рано. Но заснуть сразу, конечно, никто не мог. Вначале они обменялись тбилискими впечатлениями, затем повели разговор о борьбе и о завтрашнем матче.

— А знаете, ребята, нам будет немного трудно выиграть эту встречу, — сказал Ваню.

— Ты так говоришь, как будто победа лежит у нас в кармане и если мы проиграем встречу — это будет простая случайность, — сказал Барнавели.

— Лишь бы не проиграть. Кто думает о победе? — встал Гиви Таризэл.

— Послушай, Таризэл, если дело обстоит так, лучше вообще и не думай, — рассердился Гигуа.

— Я могу и не думать, если это может делу.

— Во всяком случае не повредит. Это я точно знаю. И вообще, что за пессимизм? Никогда не надо терять уверенности в победе. Мы ведь видели игру «Цискари». Ну и что? Ничего особенного. Команда не лучше нашей.

— Не выдумывай, Гигуа, — сказал Барнавели. — «Цискари» одна из сильнейших юношеских команд республики, но это не значит, что мы не можем ее победить. И мы победим, я верю.

— Ладно, ребята, кончайте дискуссию, — приказал капитан. Он встал, потушил свет и через пять минут уже храпел.

«Какой беззаботный», — подумал Гиви. Он любил капитана как брата и ни в чем ему старался не уступать, а вот спокойствию его и выдержке всегда завидовал. И правда, Гигуа почти никогда не унывал, из любого положения мгновенно находил выход. А стоило ему положить на подушку голову и он тут же засыпал. Ну как же такому не позавидуешь?!

А Гиви заснуть не мог. Он долго во-

рочался с боку на бок, даже пробовал отогнать мысли, но из этого ничего не вышло. Избавиться от них не было никакой возможности.

Что случилось? Почему именно сегодня он никак не может уснуть? А, впрочем, главное не это. Главное то, как он завтра сыграет. Черт, хоть бы их команда выиграла. Вот будет здорово, если они станут чемпионами республики. Да, это будет хорошо. Но сейчас лучше уснуть. Спать, спать...

Но сон никак не приходил. К тому же, ему стало душно, лоб покрылся холодной испариной. Он осторожно встал, тихо добрался до двери и через темный коридор вышел на балкон. Балкон выходил на улицу. Внизу, мигая подфарниками, в обе стороны проносились машины. А ночь стояла прохладная, с освежающим ветерком, и Гиви было приятно вдыхать в себя этот ветер и глядеть на засыпающий город.

Но вдруг у подъезда остановилось такси. Справа на ветровом стекле загорелся яркий зеленый огонек, а потом щелкнула дверца и из машины вышел человек. Гиви сперва не придал этому никакого значения, но человек быстро перешел тротуар, открыл дверь парадной, и тут Гиви сообразил, что это Накаидзе.

«С чего это он так поздно», — подумал Барнавели, но, растерявшись, остался на месте.

А Накаидзе в это время уже поднялся по лестнице, миновал коридор и вошел в комнату. В открытую дверь было видно, как он оглядел ребят добрым отеческим взглядом, а потом подошел к кровати Гигуа. Тот лежал на животе, положив руку под голову, а другая его рука свисала на пол вместе с одеялом. Накаидзе осторожно укрыл капитана и еще нескольких, но потом вдруг заметил отсутствие Гиви и, озабоченный, вышел на балкон.

— Гиви, ты здесь? — тихо проговорил тренер взволнованным голосом и уже более спокойно добавил: — А я-то думал... Но почему ты не спишь? Ведь уже так поздно?

— Не знаю, — ответил Гиви, — что-то не спится.

— Волнуешься?

— Да, волнуюсь!

— Понимаю... — Накаидзе достал папиросу, закурил и сделал длинную затяжку.

— Боюсь, что не удастся нам завтра выиграть, — сказал Гиви.

— А ты не бойся. В конце концов, надо уметь и проигрывать, это тоже не так просто, — сказал тренер. — Но мы выиграем, вот увидишь. А сейчас давай спать. Нам надо рано подняться.

— А вы разве не пойдете домой?

— Нет, я останусь с вами.

Они тихо вошли в комнату и, не зажигая света, Накаидзе стал раздеваться. Потом он пожелал Гиви спокойной ночи, лег рядом на свободную кровать и быстро заснул.

«Хороший человек, — подумал Гиви. — Все равно, что отец».

ПОРАЖЕНИЕ

В день финального матча по футболу стадион «Буревестник» был переполнен. И это понятно. Ведь впервые за всю историю подобных соревнований одной из сильнейших юношеских команд страны, сборной Тбилиси, противостоял молодой и никому еще не известный сельский коллектив «Колхида». Да, цихидзирские футболисты не были избалованы даже республиканской известностью, но симпатии тбилисских болельщиков они уже завоевали и это удваивало интерес к предстоящей встрече. Кроме того, задолго до матча по городу поползли слухи, будто в «Колхиде» играет какой-то феноменальный центральный нападающий, который не уходит с поля, не забив гола, и все живо заинтересовались этой новоявленной звездой. Правда, тут же кое-кто и опровергал подобные разговоры, мол, все это ерунда и нечего опасаться. Однако все, кто смотрел предыдущий матч, в один голос утверждали, что Барнавели уже сейчас первоклассный игрок, а через пару лет, когда он подрастет, его заберут в сборную страны и он прославится на весь мир.

С самого начала игра шла с переменным успехом. Футболисты играли старательно. Но счет в первом тайме так и не был открыт.

Тбилисцы заметно волновались. Правда, их не оставила уверенность в победе, но играть против «Колхиды» им было трудно. Трудно потому, что они все время боялись, как бы Барнавели не перехитрил двух прикрепленных к нему защитников, и еще потому, что кроме Барнавели в команде было несколько таких же хороших и опасных футболистов, которые в любую минуту могли принести массу неприятностей. Но опасения тбилисцев были напрасными. Опекуны прекрасно справлялись со своими обязанностями. Они ходили за Барнавели буквально по пятам, и если тому удавалось обыграть одного, второй тотчас приходил на помощь товарищу. В общем Гиви начисто был выключен из игры. А его партнеры по команде никак не могли пройти массивную оборону хозяев поля, и счет почти до конца второго тайма был ничейный.

Но на последних минутах игры тбилисцам все же удалось забить гол. Случилось это так: правый крайний хозяев поля получил пас у углового флага, за-

тем он ложным движением обошел цихидзирского полузащитника Гигуа и сильно пробил по воротам. Тариэл в отчаянном прыжке отбил мяч в поле, но к мячу первым подоспел кто-то из тбилисцев. Он-то и послал мяч в пустые ворота.

Трибуны взорвались от ликования. Цихидзирцы же сразу растерялись. Ведь до конца игры оставалось совсем мало времени. Смогут ли они отыграть? Нет, наверное, уже не смогут, потому что истекают последние минуты матча, а атакуют опять тбилисцы.

Вот Тариэл берет трудный мяч, посланный в левую девятку, а вот он уже в прыжке отбивает его кулаками... Но что это? У мяча — противник. А перед ним никого нет... Но волнение Тариэла было напрасным — ударить тбилисцу не дали. В какое-то мгновение его опередил Гигуа. Чтобы не рисковать, он откатил мяч вратарю, а тот его не понял и остался на месте. Так был забит второй гол.

— Ой, мальчики! — только и успел сказать Гигуа, потому что в следующий миг больешкики тбилисцев уже ликовали от восторга, а Гигуа схватился руками за голову и горько заплакал.

Мяч уже не успели вынуть из ворот — игра закончилась со счетом 2:0.

В раздевалку цихидзирские футболисты возвращались молча, понуриив головы. Не повеселели они и когда к ним пришел Накаидзе

— Ну, как, ребята? — улыбаясь заговорил тренер. — Почему вы носы повесили? Ах да, проиграли. Но ведь это ерунда, честное слово. По правде говоря, я даже немного обрадовался вашему проигрышу. Это, поверьте, пойдет только на пользу. А игра показала, что мы не так уж слабы и можем тягаться с сильными.

Цихидзирцы обрадовались. Конечно, приятно в такую минуту услышать поддержку тренера. Но Гигуа был слишком расстроен. Он стоял у окна, красный как рак и даже не повернул головы.

— А ты, Гигуа, чего нос повесил? — обратился к нему Накаидзе. — Э-э... Плакать футболисту совсем не годится. Тем более тебе: ты ведь гол забил.

Гигуа еще больше нахмурился, а ребята рассмеялись.

— Ну не сердись, пожалуйста, — сказал тренер. — Я ведь пошутил. А вообще вы играли хорошо, честное слово. Молодцы, ребята! И у меня для вас приятная новость — Гигуа и Барнавели приглашены в юношескую сборную республики.

От неожиданности ребята даже вздрогнули. Неужели и правда прямо в сборную? Вот здорово!

Вечером Гиви гулял по проспекту Руставели. В семь часов он должен был встретиться с Нуну около оперного театра. Но пока было рано и, чтобы хоть как-нибудь убить время, он ходил и разглядывал витрины магазинов.

Однако Нуну не пришла ни в семь и даже ни в половине восьмого. «Может, мы вообще договорились в восемь? Да, наверное, так. Раз ее до сих пор нет, значит, наверняка в восемь. Не могла же она не прийти вовсе», — думалось Гиви.

Но и в восемь Нуну не было.

«Ну ладно, еще пятнадцать минут — и все».

И вдруг он действительно ее увидел. Раскрасневшаяся от ходьбы, она быстро шла к опере и уже оглядывалась по сторонам.

— Где ты была до сих пор? — сразу спросил ее Гиви, не успев даже поздороваться.

— Ох, Гиви, извини, пожалуйста, но я еле убежала от Дато. Он не отставал от меня ни на шаг и все звал на фуникулер, — запыхавшись, проговорила Нуну скороговоркой.

— Но мы ведь договорились в семь. И я мог не ждать тебя столько, — возразил Гиви.

— А я знала, что подождешь, — кокетливо сказала Нуну.

И они медленно пошли по проспекту Руставели. Говорили о том, о сем, но разговор не клеился, а молчание было для них вовсе невыносимо, и Нуну снова принялась оправдываться.

— Знаешь, Гиви, я ведь понимаю, что все это тебе неприятно, — сказала она, — но, честное слово, я не виновата. Дато поджидал меня у самого дома и, как только я вышла, сразу пристал.

— Понятно, — проговорил Гиви. — Ты ведь и раньше всегда говорила, что Дато странный, своеобразный, но самый веселый из всех цихидзирских парней.

Нуну рассмеялась.

— Что, правильно я повторяю твои слова?

— Ага, — она взяла его под руку и заглянула ему в глаза.

— Ну вот, видишь, наверно, и сегодня тебе было с ним весело, — сказал Гиви. — Впрочем, ты ведь во мне сомневалась и как в футболисте и всегда предпочитала Дато.

Нуну прищурила глаз, будто что-то вспоминая, потом прикусила губу и тихо спросила:

— С чего ты взял, кто тебе это сказал?

— Никто мне не говорил. Я сам слышал собственными ушами.

— Это в тот вечер, когда моя косянка упала в воду?

— Да, а как ты догадалась?
— Очень просто, — улыбнулась девушка. — Так значит это ты достал ее из реки?

Гиви не ответил. Некоторое время они шли молча. Потом Нуну вновь заговорила:

— А разве ты придаешь значение моим тогдашним словам?

Гиви опять промолчал.

— Ну, раз так, тогда я сейчас скажу тебе всю правду...

Она начала было уже говорить и вдруг запнулась, но потом все-таки пересилила себя.

— Знаешь, Гиви, я ведь тебя всегда выделяла из всех деревенских мальчишек и всегда ставила выше других.

— Спасибо тебе за это, — поблагодарил ее Гиви. — Но все-таки будет лучше, если ты перестанешь дружить с Дато.

Когда они поднялись трамвайчиком на фуникулер, было уже темно. Город казался сверху огненным морем.

СЕЛЕНИЕ ПРАЗДНУЕТ

После поражения в Тбилиси «Колхида» стала тренироваться еще упорней. Большинство ребят, в том числе Гиви и Гигуа, были уже в десятом классе. Они очень хорошо учились в школе, но и спорту отдавали немало времени. Тренировки не прекращались даже зимой.

Полихрон Иремадзе перевел своего сына на учебу в Тбилиси и тот теперь редко бывал в деревне. Но когда приезжал, всегда хвастался, что всерьез занимается борьбой и скоро наверняка станет чемпионом Советского Союза. Он и правда занимался классической борьбой, но что касается золотой медали, то это было, конечно, вранье, потому что в отборочных играх Дато занял в своей весовой категории лишь четвертое место и не попал даже в сборную Грузии.

Что же касается Гиви Барнавели, то теперь он очень редко видел Нуну, а когда и видел, то все равно чувствовал себя как-то неловко и сразу терялся. Впрочем и Нуну почему-то избегала его.

Однажды зимой в Цихисдзири пришла телеграмма, в которой сообщалось, что Гиви и Гигуа вызываются в Тбилиси на трехмесячные сборы. Республиканская юношеская команда готовилась к всесоюзному первенству.

Прощаться на деревенскую площадь пришло все село. Здесь были игроки «Колхиды», мать Гиви Барнавели, родители Гигуа и уж, конечно, Накаидзе и Нуну.

Елена принесла с собой целую корзину еды. На прощанье она поцеловала своего семнадцатилетнего сына, вытерла

косынку слезы и тихо проговорила, будто он маленький:

— Сынок, дорогой мой, ты уж там позаботься о себе. Смотри, ночью не раскрывайся, не гуляй допоздна...

Но Гиви не слушал мать. Все это время, пока она говорила, он глядел на Нуну, теперь уже высокую, стройную девушку в красивом розовом платье, а она тоже смотрела на него, ласково улыбаясь.

Наконец отъезжающие сели в машину.

— Ну, прославьте нашу деревню, орлы, — сказал на прощанье директор совхоза.

А Накаидзе ничего не сказал. Он стоял невдалеке от машины и думал о том, что ребята не подведут.

Три месяца быстро пролетели. Сборная юношеская команда Грузии по футболу отправилась в Киев на всесоюзный чемпионат. Для цихисдзирцев начались «горячие» дни. Каждый день с раннего утра они собирались у газетного киоска и шесть раз подряд пресса приносила им приятные весты. Шесть раз грузинские футболисты побеждали своих противников из различных городов и республик страны, а в седьмой они должны были встретиться с юношами Москвы. И это будет решающая встреча, встреча на звание чемпиона.

Однако многочисленные газеты и спортивные комментаторы уже заранее предположили, что в финале победит команда Грузии. Они всячески расхваливали южан, и больше всех Гиви Барнавели. Этот «талантливый футболист», как писали о нем газеты, завоевал большую популярность среди знатоков футбола. А один комментатор, в целом очень высоко оценив игру грузинской команды, как-то даже сказал: «В лице Барнавели мы имеем достойную смену центральному нападающему сборной страны».

И грузины оправдали доверие своих болельщиков. Они, действительно, одержали победу в финале и стали чемпионами Советского Союза.

Можете себе представить, как велико было ликование цихисдзирцев. Но теперь они были озабочены другим — попадет Барнавели в сборную Советского Союза или не попадет?

— Эх, слишком молод он для сборной, могут не взять, — говорили одни с досадой.

— Ничего, возьмут, — успокаивали другие. — Таких футболистов раз-два и обчелся.

ОПЯТЬ ДОМА

После чемпионата Гиви пробыл в деревне полтора месяца. Все это время он вставал рано, по утрам делал холодные

обтирания, а потом тренировался вместе с игроками «Колхиды». Но вечерами он любил гулять в поле один. Туда его тянула какая-то неведомая сила. Может, это была тоска по Нуну? Гиви не знал. Во всяком случае виделись они последнее время очень редко, а если и виделись, то все равно стеснялись друг друга.

Но вот прошли эти полтора месяца, и Гиви получил извещение о том, что его вызывают в Москву на тренировочные сборы юношеской команды страны. Конечно, радости его не было предела. И в то же время он вдруг загрустил и теперь вплоть до отъезда целыми днями ходил по селу сам не свой. Неужели ему так и не удастся встретиться с Нуну перед отъездом в Москву.

Дни летели очень быстро, а девушка не появлялась ни в саду, ни в поле. И Гиви не на шутку забеспокоился. Беспокойство крепло еще и потому, что с тех пор, как Дато приобрел «Волгу», девчонки липли к нему как мухи.

И еще поговаривали, будто мать Нуну, к этому времени уже окончательно перебравшаяся в деревню, повадилась в семью Иремадзе. И связывали все это с тем, что она вообще любит людей побогаче и, кажется, хочет поженить Дато и Нуну.

Да, новости были, конечно, не из приятных.

Но однажды вечером, — было это уже накануне отъезда, — Гиви все же пошел к ее дому. По дороге ему почему-то думалось, что Нуну обязательно будет сидеть под липой и ждать его. И он был так увлечен этой мыслью, что даже не заметил, как его догнала машина и из окошка высунулся Дато.

— Гиви, привет! Ты куда идешь? Садись, подвезу.

— Да нет, спасибо, — поблагодарил Барнавели. — Я лучше пройду. Просто решил прогуляться немного.

— Садись, прокачу с ветерком.

— Нет, нет, ты поезжай. Я лучше пройду.

— Ну, как знаешь, — сказал Дато и прибавил газ.

Машина резко рванула с места, но не успела еще скрыться за поворотом, а Гиви уже думал о том, как сейчас она остановится перед двухэтажным совхозным домом и как на балкон выйдет Нуну. На мгновение он даже представил себе, каким будет их разговор, быстрый и короткий: «Ну как, поедем?» — «Иду!».

«Нет, этого не произойдет» — решил все-таки Гиви. Он рассердился на самого себя, что вообще об этом подумал, и зашагал быстрее.

Барнавели не ошибся. Когда он подошел к дому Нуну, машина Дато дей-

ствительно стояла под ее окном, а вот разговор был другой.

Во-первых, девушка выглянула из окна не сразу, и Дато даже обозлился на ее соседей, которые были очень любопытны. Он махнул рукой, мол, не вы мне нужны, и продолжал сигналить. Во-вторых, когда Нуну наконец появилась в раскрытом окне, она очень небрежно спросила:

— Ну, чего хочешь?

Спиртавшись недалеке, Гиви даже обрадовался ее словам.

— Нуну, тебе не хочется прокатиться? — робко спросил Дато.

— Нет, — ответила девушка. — Благодарю за приглашение. — И закрыла окно.

Иремадзе тут же вскочил в машину и быстро уехал. А Гиви вышел на дорогу. Он как бы между прочим прошел мимо двухэтажного дома, краем глаза поглядывал в сторону знакомых окон, и вдруг ему показалось, будто за занавеской кто-то стоит. В нерешительности он сделал еще несколько шагов и остановился, не зная, как ему быть дальше. Но в ту же минуту за его спиной послышались чьи-то торопливые шаги. Он быстро обернулся и прямо перед собой увидел Нуну.

— Ты что здесь делаешь? — удивленно спросила она.

Но Гиви почему-то не ответил. Он вдруг растерялся и впился в нее глазами. Барнавели никогда еще не видел ее такой. Во всяком случае он был всегда уверен, что у нее глаза черные, а сейчас они были какие-то светло-коричневые, цвета слегка обожженного меда и как-то необыкновенно блестящие. Да и вообще вся она была какая-то необычная. Простенькое платье плотно облегло ее фигуру. Ресницы казались какими-то уж очень длинными. И только лишь губы, как всегда, улыбались.

«Да к тебе, к тебе я пришел!» — хотел сказать Гиви, но промолчал.

А она догадалась.

— Пойдем на речку, — тихо сказала она.

Они шли молча. Шли, вдыхая аромат свежей пшеницы. А вокруг стояла такая тишина, что было слышно, как где-то недалеке журчали потоки речной воды.

— Гиви, ты скоро едешь в Москву? — спросила Нуну, когда они уселись на том самом месте, где когда-то удили рыбу.

— Наверное, через два-три дня.

— О, уже быстро. Знаешь, мне бы тоже очень хотелось поехать.

— Правда? — обрадовался Гиви.

— Конечно. Я ведь в Москве никогда не была. И потом мне почему-то кажется, что мое присутствие на стадионе

всегда тебя как-то подбадривает. Теперь я бы тоже могла...

— Это верно, — согласился Гиви, не дав ей договорить. — Когда ты на стадионе, я действительно играю лучше. Ты, наверно, колдунья и вселяешь в меня силы.

— Да, я колдунья, — сказала Нуну. — А ты разве не знал?

— Нет, не знал, — проговорил Гиви. — А впрочем, наверно, и знал.

...Они сидели недалеко друг от друга и молча глядели на воду. В воде купались холодные мерцающие звезды.

— Гиви, а это тебе, — тихо проговорила Нуну, протягивая ему небольшой шелковый платочек. Вчера весь день вышивала.

— Спасибо, — взволнованно проговорил Барнавели. — Большое тебе спасибо. — Он взял платок и невольно нащупал в одном из его углов какую-то надпись. — Что здесь написано? — спросил он.

— Это так, чтобы ты меня помнил.

— Хорошо.

И взявшись за руки, пошли вдоль реки.

— Как хорошо, как хорошо жить! — воскликнула Нуну. И эхо несколько раз повторило:

— Хо-ро-шо! Хо-ро-шо!

А потом еще:

— Жить! Жить!

ПИСЬМА

Дорогая Нуну!

Вот уже десять дней, как я в Москве. Впечатлений, конечно, масса. Но о тебе, как видишь, я не забыл, хотя и пишу с опозданием. Прости меня за это.

Мы приехали рано утром. На вокзале нас встречали наши старые знакомые, те ребята, с которыми мы играли в финале в Киеве. О, они замечательные парни. Честное слово. И очень гостеприимные.

Когда я сошел с поезда, один из них подошел ко мне, подхватил мой чемодан и громко сказал:

— Барнавели, я о тебе давно слышал. Меня зовут Володя, я — левый полусредний.

И мы сразу подружились. Он мне тоже очень понравился. Знаешь, такой весельчак, блондин с голубыми глазами.

Ну в общем мы вместе вышли на привокзальную площадь, сели в автобус и поехали по Москве. Нельзя передать, какое это счастье мчаться по широким московским улицам, которые беспрерывно видишь на всех картинках с детства.

Но вот и Красная площадь.

— Гляди, это Кремль, — говорит мне Володя.

А я смотрю, восторгаюсь и ничего не могу ответить, потому что страшно волнуюсь.

Наконец машина вырывается с Красной площади и летит по широкому прямому проспекту. Потом мы едем по другим улицам, где много новых домов и парков, и наконец приезжаем в Лужники. Не знаю, слышала ли ты вообще про такой город. А, может, даже видела в кино. Во всяком случае, не удивляйся, это действительно целый город. Иначе его не назовешь. Ну, посуды сама: огромный стадион, один из крупнейших в мире. Дворец спорта, плавательные бассейны, многочисленные площадки для волейбола и баскетбола, благоустроенные гостиницы... Эх, да разве все перечислишь?!

— Словом, весь этот день я осматривал Москву. А на завтра была назначена первая тренировка.

Думаю, нет никакой необходимости описывать тебе всю эту «процедуру». Во-первых, для тебя здесь нет ничего нового, а, во-вторых, просто скучно. Но скажу лишь одно: только теперь я понастоящему осознал, как прав был твой отец, заставляя нас серьезно работать над собой. Ведь если бы не он, мне бы наверняка пришлось сейчас туго. Большое спасибо ему за это. А так я оказался в привычной для себя обстановке.

В Москве у меня теперь много друзей, но больше всех я сблизился с Володей. Он замечательный парень и превосходный футболист. Очень любит литературу. В свободное время мы с ним по долгу говорим о книгах.

Нуну, дорогая, пока что мне нечего больше тебе написать. Да и времени нет. Спешу на тренировку. А Володя стоит сейчас около меня и просит передать тебе большой привет.

Ну, вот и все.

Если мое следующее письмо запоздает, не обижайся. Ты ведь знаешь, как много мне еще нужно тебе сказать. И я постараюсь сделать это как можно быстрее.

А теперь до свидания. Будь здорова и передай привет маме, папе, Гигуа и всем остальным нашим ребятам. Зайди к моей маме. Ты ведь знаешь, как она обрадуется.

Обнимаю всех и целую.

Твой Гиви.

Москва, 15 мая.

Дорогая мама!

Обо мне не беспокойся. Устроился очень хорошо, живем в общежитии. Товарищи у меня замечательные. А один — особенно. Его зовут Володя. Я его как-нибудь к тебе привезу.

Заниматься приходится очень много, по 5—6 часов в день. Потом мы свободны. Устраиваем экскурсии в музеи, зна-

домимся с Москвой, а по вечерам ходим в кино и театры. Позавчера я был в Большом театре. Смотрел балет «Лебединое озеро». Очень понравилось.

Ну вот, кажется, и все о себе.

А как ты? Здорова ли? Смотри, не очень возись с кукурузой. Я приеду — сам все сделаю.

Да, чуть не забыл — высылать мне ничего не надо. Здесь все есть.

Недавно послал письмо Нуну, но она почему-то не отвечает.

До свидания. Крепко тебя целую.

Твой Гиви.

Москва 28 мая.

Здравствуй, Гиви! Сегодня получила оба твоих письма сразу. Спасибо, что не забыл.

У нас все по-старому. Живем хорошо. Но тебя, наверное, интересуют более подробные новости. Попробую рассказать.

Ну, во-первых, Гигу переехал в Тбилиси. Играет теперь с мастерами. Тариэла и Ваню забрали в сборную района. Кроме них, из «Колхиды» ушло еще несколько ребят. Кажется, они поехали в Тбилиси продолжать учебу. Но команда не распалась. Папа набрал новичков, и они неплохо себя зарекомендовали. Вот вчера, например, «Колхида» встречалась с командой из соседнего села и победила. Если бы ты видел, как радовался мой отец. Ты знаешь, мне кажется, что сейчас он взялся за дело с еще большим рвением.

Во-вторых, сообщаю тебе, что на днях вашу кукурузу пропололи второй раз. Я помогала твоей маме готовить обед. Мы думали, что работать будут всего пять парней, и приготовили на пятерых, а когда пришли — их оказалось гораздо больше. Так что друзей у тебя много, и они тебя не забывают. А обеда хватило на всех, не беспокойся. И вино было, так что мы выпили за твоё здоровье.

Ну, что еще написать? Ах, да. Репортаж о вашем первом матче слушало все село. Если бы ты знал, что здесь творилось, когда ты забил первый гол. Хочешь верь, хочешь не верь, но, честное слово, такого я еще никогда не видела. Наверное, там, на стадионе, было спокойней. У нас в Цихисдзири кричали, стреляли из ружей, целовались. В общем, ты же сам знаешь наших.

Но больше всех, кажется, радовался Полихрон Иремадзе. Он подбежал к твоей маме, расцеловал ее, потом поздравил моего отца и стал кричать:

— Да здравствует Гиви Барнавели!

А тут ты забил второй гол, и все вконец перемешалось.

В общем, приедешь — расскажу поподробней.

К тому времени, когда ты получишь мое письмо, вы, наверное, проведете еще два матча.

Желаю тебе сыграть в них так же хорошо, как и в первом.

Правда, я далеко и не смогу тебе ничем помочь, но ты знай, что мысленно я всегда с тобой. И не только я. Все наше село.

Мы все тебя обнимаем и крепко целуем.

Ну, будь здоров, до свидания.

Нуну.

Цихисдзири, 25 июня.

Дорогая Нуну, здравствуй!

Наверное, ты не меньше меня радуешься, что наша команда победила в международном юношеском турнире. Когда приеду, расскажу обо всем подробно. А сейчас лишь скажу, что все это время чувствовал себя хорошо, и игралось мне очень легко. Впрочем, с такими партнерами и не может быть трудно. Все мы здорово понимаем друг друга. А это в футболе самое главное.

Из газет ты, наверное, знаешь, что меня ввели запасным в первую сборную Союза. Сейчас я нахожусь под Москвой, где проходят сборы. И тренируюсь с сильнейшими футболистами страны, которым не раз приходилось защищать честь Советского Союза на мировой спортивной арене. Это для меня большая честь. Я постараюсь оправдать надежды тренеров.

Сегодня тренер прочел нам несколько материалов из французских газет. Шансы нашей команды расцениваются очень высоко. Но станем ли мы чемпионами мира, это еще вопрос. Так считают французы.

Один из них пишет, что русские наверняка проиграют, если заставят выступать в турнире только основной состав. Он считает, что в процессе турнира ребятам нужна замена. Иначе они быстро выдохнутся и не смогут противостоять противникам, как это нередко случалось с нашей сборной.

— Ну что ж, а мы им покажем и замену, — улыбаясь, проговорил тренер, дочитав заметку и похлопывая меня по плечу.

— Неужели и мне придется играть? — удивленно спросил я его.

— А почему бы и нет? — сказал тренер.

Я, конечно, обрадовался, но мне все же почему-то не верится, что они доверят мне такое ответственное дело.

Впрочем, посмотрим. До отъезда в Париж осталось не так уж много времени.

Ну пока. Передай всем большой привет. А Полихрону особый, раз он так за меня болеет.

До свидания.

Твой Гиви. 18 июля.

Дорогая Нуну!

Вот уже две недели, как мы в Париже, а чемпионат мира только вступает в решающую фазу. Из газет ты, наверно, знаешь, что в своей подгруппе мы заняли первое место, опередив англичан. А вот сегодня был проведен второй полуфинальный матч. Наша команда встретилась со сборной Аргентины и, скажу тебе, это был настоящий футбол. Такой игры я еще не видел никогда в жизни. Наши ребята были великолепны, и они одержали заслуженную победу.

Другой финалист определен уже вчера. Это национальная команда Бразилии, двукратный чемпион мира, всеобщий фаворит. Представляешь какая теперь перед нами задача?

Эх, лучше не говорить! Ведь финальный матч состоится через несколько дней, и он все решит. Но мы стараемся не думать о нем. Мы отдыхаем. Отдыхаем и — все-таки думаем. Но думаем не только об этом матче. В такие минуты всегда вспоминаешь родных и близких, тем более, что ты от них очень далеко, а хочется тебе, чтобы они были близко. В общем, можешь себе представить, что стоят для меня твои письма, которые я перечитываю каждую свободную минуту.

Сегодня все вечерние газеты Парижа заполнены футболом. И это понятно. Десятки зарубежных обозревателей спешат высказать свои прогнозы перед финальным матчем. Но большинство из них не в нашу пользу. Об этом кричат заголовки статей: «Кризис русских», «У сборной Советского Союза нет надежного резерва», «Бразильские футболисты — трижды чемпионы... В общем их очень много, этих заголовков. Всех не перечислить, но мне хочется рассказать тебе еще об одном заявлении, которое сделал недавно тренер бразильской команды.

«Аргентинцы были бы для нас более грозным соперником, — сказал он. — Русские наверняка не обладают надежным резервом. А основной состав, каким бы он сильным ни был, не может до конца сохранить боеспособность. Этим мы стараемся воспользоваться. И еще — мы очень хорошо знаем их тактику и возможности каждого футболиста в отдельности. Если перед началом игры русские не преподнесут нам никаких сюрпризов, которые пришлось бы разгадывать, они проиграют».

Когда нашему тренеру перевели эту статью, он усмехнулся и обнял меня и Володю.

— Ну, что же, очень хорошо. Спасибо господину сопернику за совет, — многозначительно сказал он. — Я думаю, мы

сумеем преподнести им такой сюрприз. Верно, ребята?

Мы кивнули.

— А сейчас давайте споем что-нибудь в честь нашей победы.

И тут же кто-то из ребят затянул:

«Широка страна моя родная...».

И все мы тоже запели.

Но потом я почему-то перестал петь и подумал: неужели он все-таки решил выпустить нас на поле в финальном матче?

Ты знаешь, Нуну, кажется, это верно. Потому что сейчас зашел Володя и сказал, что тренер нас вызывает.

Извини, что не докончил писать. Но почему-то очень хочется отослать тебе это письмо до матча.

До свидания. Передай привет всем нашим.

Обнимаю тебя. Твой Гиви.

Париж. 20 сентября.

ВНИМАНИЕ! ГОВОРИТ ПАРИЖ

Дорогой читатель! Наверное, тебе, как и мне, очень хотелось бы присутствовать сейчас в Париже на знаменитом стадионе «Пар де Пренс», где через несколько минут начнется финальный матч на первенство мира по футболу.

Но что поделаешь? Видимо, уже поздно об этом думать. Так давай же подключимся к миллионной армии радиослушателей и поболеем за наших ребят, которым сейчас там, в далеком Париже, предстоит нелегкий экзамен.

А вот и знакомый футбольный марш. Сейчас послышится голос комментатора. Слушайте внимательно — говорит Париж!

— Внимание! Внимание! Говорит Париж! Говорит Париж! Микрофоны редакции последних известий, Всесоюзного радио установлены на знаменитом парижском стадионе «Пар де Пренс». Сегодня мы ведем репортаж финального матча на первенство мира по футболу между сборными СССР и Бразилии. До начала игры остается всего несколько минут. Обе команды покидают поле после короткой разминки, чтобы сейчас же вернуться вновь и решить, наконец, кто будет в этот раз обладать «Золотой богиней» — высшим футбольным трофеем мира. Интерес к встрече, как вы сами понимаете, огромный. Достаточно сказать, что все билеты на матч были проданы за полгода вперед. Чемпионат обслуживают несколько тысяч журналистов. А сейчас миллионы болельщиков всего земного шара, затаив дыхание, сидят у своих телевизоров или радиоприемников и настраивают их на парижскую волну.

Сегодня в Париже тихий, спокойный вечер. Правда, днем было жарко, но к

обеду пошел небольшой дождь, и сразу повсвежело.

Дорогие товарищи! Официальная часть матча состоялась. Над стадионом звучали гимны Франции, Бразилии и СССР. Председатель ФИФА и президент Франции пожимали футболистам руки, а сейчас судьи уже стоят в центральном круге и ждут, когда команды выйдут на поле. Но вот, наконец, и они! Весь стадион стоя аплодирует футболистам! Сейчас будет брошен жребий и раздается свисток, возвещающий, что чемпионат мира вступает в решающую фазу.

Внимание! Свисток! Матч начался.

Дорогие товарищи! Вы даже не можете себе представить, какой ажиотаж вызвало изменение состава сборной Советского Союза перед финальной игрой. Состав объявили перед разминкой минут десять тому назад. Я сам видел, как тренер бразильцев схватился руками за голову. А что творилось на стадионе! Ведь все ожидали, что команда выступит в прежнем составе. В общем сюрприз, которого так «жаждал» бразильский тренер, преподнесен.

Итак, в сборной СССР — четыре молодых игрока. Это — Гиви Барнавели и Владимир Иванов — в нападении, Кравченко и Петров — в полузащите. Конечно, вариант очень рискованный. Футболисты они очень молодые, а Барнавели нет еще и восемнадцати лет. Ну, что ж, посмотрим, оправдает ли себя такая замена.

А пока игра идет в центре поля. Мяч у Владимира Иванова. Он передает его на правый край своему товарищу по команде, тот откидывает немного назад, на Барнавели. Гиви принимает мяч, потом вдруг делает серию обманных движений, обходит одного защитника, другого, молниеносно врывается на штрафную площадку бразильцев и сильно бьет в верхний угол ворот. Удар! Го-ол! Гол! Дорогие товарищи! На седьмой минуте игры центральный нападающий сборной Советского Союза открывает счет. 1:0 ведут наши ребята.

Голос диктора утонул в общем шуме. А многочисленные телезрители увидели, как вся советская команда обнимает своего героя.

— Товарищи радиослушатели! Передать то, что творится сейчас здесь, на стадионе «Пар де Пренс», невозможно. Вы слышите крики возбужденных болельщиков. Они скандируют: «Барнавели! Барнавели!». А игра уже продолжается. И бразильцы несколько не обескуражены. Они очень спокойно начали с центра поля и теперь нападают. Мяч у девятого номера. Он быстро идет вперед, потом отдает пас направо, получает ответный. Бразильцы топчутся на штрафной площадке нашей команды. Од-

нако бить им не дают. Вот все-таки кто-то бьет, но вратарь парирует удар. И мячом уже овладел Гиви Барнавели. Он красиво обманывает полузащитника, потом передает мяч налево, но кто-то его отбивает в центральный круг. В атаку опять пошли бразильцы. Они очень быстро продвигаются по полю, мне даже трудно проследить за мячом. Но у наших ворот их встречает массивная оборона. Молодцы наши, хорошо играют. Но вот мяч снова на штрафной площадке сборной СССР. Удар! Нет, мяч не летит в ворота. Ему преграждает путь кто-то из защитников. Снова удар. И снова наш вратарь в блестящем прыжке забирает мяч и быстро отдает его набежавшему Барнавели. Гиви идет вперед. Его преследуют защитники. Он отдает мяч направо, а сам устремляется в противоположную сторону. Защитники, растерявшись, побежали за мячом, но увидев открывшегося Барнавели, рванулись к нему и... уже поздно! Гол! Гол! Гиви Барнавели забивает второй мяч в ворота бразильской команды.

Дорогие товарищи! Вы слышите, что творится сейчас здесь? Стадион ревет. Это французы приветствуют сборную Советского Союза. Молодцы, ребята, молодцы!

Итак, мяч снова в игре. Счет 2:0. Бразильцы заметно волнуются. Правда, они атакуют, однако их атаки выглядят несколько сумбурными. Но что это? Наш левый защитник выпустил своего подопечного. Тот один на один выходит с нашим вратарем. Неужели гол? Да, гол. Наконец бразильцы добиваются первого успеха. Но вы не волнуйтесь, ничего, ведь счет в нашу пользу — 2:1.

Мяч у Владимира Иванова. Он передает его Барнавели. А тот прорывается вперед. Удивительно слаженно играет эта молодая пара. Ребята отлично понимают друг друга. Вот они играют «стенку», проходят вместе еще немного вперед. Удар Барнавели... Мяч уходит выше ворот. А вот и свисток судьбы.

Итак, первый тайм этого интересного матча закончен со счетом 2:1 в пользу сборной Советского Союза. Потерпите, дорогие товарищи, десять минут — и мы снова встретимся с вами на шумном парижском стадионе «Пар де Пренс», где проходит интереснейший матч сезона — финал мирового первенства.

Ровно через десять минут снова раздался голос диктора.

...Внимание! Внимание! Говорит Париж! Говорит Париж! Мы снова, дорогие товарищи, на знаменитом стадионе «Пар де Пренс», и я начинаю рассказ о втором тайме финального матча чемпионата мира по футболу. Итак, счет 2:1 в пользу советской сборной.

...Второй тайм начался бурным натиском бразильцев. Первые десять минут

скажем прямо, нелегко пришлось нашим ребятам. И гол, забитый бразильским нападающим на четвертой минуте, вполне соответствовал обстановке на поле. Счет пока ничейный — 2 : 2. К 15-й минуте наши стали немного переигрывать противника. Вот мяч снова у советской команды — у Владимира Иванова. Иванов передает его Кравченко, тот Петрову, Петров — Барнавели. Затем мяч снова у Иванова. Сборная СССР медленно продвигается вперед. Иванов быстро передает мяч направо. Правый крайний нашей команды идет к угловому флангу, оттягивает на себя защиту и ловким ударом через себя передает мяч в центр, Барнавели. Но ему бить неудобно. Он делает несколько ложных движений, потом как бы разворачивается для удара, но не бьет, а передает мяч Владимиру Иванову. Этого никто не ожидал! Иванов прорывается к воротам, он один на один с вратарем. Удар!.. Гол! Гол! Советская команда вновь добивается успеха. Счет становится 3 : 2. Молодец, Володя! Молодец! Представляю, как вы сейчас радуетесь у своих телевизоров и приемников, дорогие товарищи. Впрочем, мяч снова в игре. Идет тридцатая минута матча. Бразильцы заметно волнуются. Их вратарь даже выбежал из ворот, что-то крича защитникам. А мяч в центральном круге. Он у девятого номера бразильцев, которого на родине называют богом кожаного мяча. Этот игрок очень техничен. Он делает целую серию финтов, уходя от наших защитников, и вдруг на какое-то мгновение оказывается совершенно свободным. Удар! О-о... какая обида! За пять минут до конца встречи бразильцам удается сравнять счет. Да, очень обидно. Ведь победа была так близка!..

А теперь что ж, добавочное время?

Очень возможно. Впрочем, у нас есть еще пять минут. Посмотрим, что они принесут.

Мяч снова в игре. Он у бразильцев. Воодушевленные успехом, они заметно активизировались. У ворот сборной Советского Союза создалось очень острое положение. На помощь нашим защитникам пришли и нападающие. Почти все игроки на нашей половине поля. Даже вратарь бразильцев далеко выбежал из ворот. Вот следует сильный удар, но вратарь берет этот мяч. А потом быстро выбрасывает его на выход Барнавели. тот точно отдает пас Иванову. А Иванов уже устремляется вперед. Проходит одного, другого. Потом отдает мяч направо, получает ответный пас, делает обманные движения и выводит на удар Барнавели. Барнавели с мячом. Опасное положение! Удар! Го-о-ол! Гол! На последних секундах матча Барнавели выводит свою команду вперед — 4 : 3. Советские футболисты — чемпионы мира. Да, да, чемпионы, потому что мяч уже не успеют ввести в игру. Время истекает. И вот финальный свисток. Французы стоя приветствуют новых обладателей «Золотой богини». Вы слышите их восторженные крики? Поздравляю вас с победой, дорогие товарищи!

А вы, дорогие друзья из солнечной Грузии, вы слышите этот шум? Ведь он вам должен быть особенно приятным, потому что среди тех, кого сейчас чувствует весь мир, находится и ваш земляк Гиви Барнавели, центральный нападающий сборной команды Советского Союза, герой сегодняшнего матча, новая восходящая звезда мирового футбола.

С победой вас, дорогие соотечественники! С большой победой!

ГОРОД НОВОСТРОЕК

Беседа с председателем исполкома Тбилисского городского Совета депутатов трудящихся А. Э. Меладзе

— Тбилиси принято считать городом контрастов, — сказал в беседе с работником редакции А. Э. Меладзе. — И в самом деле, древний Тбилиси, сохранивший и поныне свои самобытные черты, занимает сегодня видное место в ряду больших индустриальных и культурных центров нашей страны. Это — город новостроек, науки и техники, город литературы и искусства, в котором ключом бьет новая жизнь.

Преобразования, происшедшие в нем за годы Советской власти, особенно за последние пять лет, неузнаваемо изменили весь его облик. Выросшие за это время вокруг города жилые массивы комплексной застройки — Сабуртало, Дигоми, Навтлуги и другие, на десятки

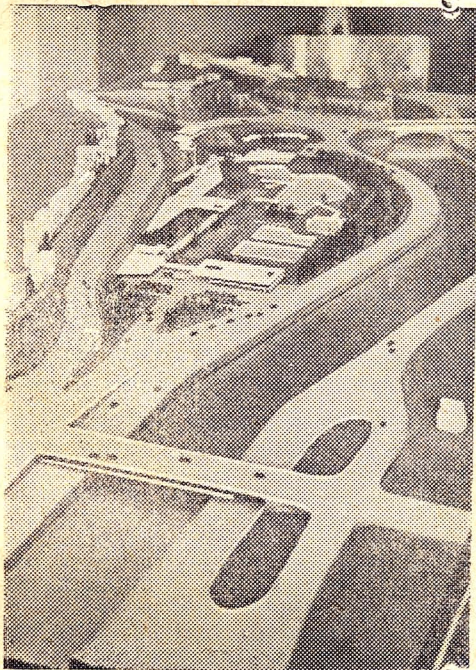
километров раздвинули прежние границы Тбилиси, украсив его новыми широкими проспектами и улицами, многоквартирными домами и зелеными насаждениями.

Город непрестанно строится и растет. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные цифры. Назовем некоторые из них. В девять раз по сравнению с 1921 годом увеличилась территория Тбилиси, раскинувшегося в настоящее время на 26 тысячах гектаров. Численность городского населения возросла за это же время более чем втрое. В городе сейчас проживают свыше 786 тысяч человек.

Эти два показателя говорят сами за себя. Они определяют, так сказать, широкомасштабность и ответственность стоящих перед нами задач — максимально благоустроить наш город, превратившийся в советское время в один из крупнейших в Союзе, и создать для тбилисцев наилучшие условия жизни, обеспечить каждой семье максимум удобств.

В соответствии с этим, работники городского хозяйства уделяют главное внимание вопросам жилищного строительства. За годы семилетки сдано в эксплуатацию 997 918 квадратных метров новой жилой площади. Наряду с районами массового жилищного строительства — Сабуртало, Навтлуги и Дигоми, начиная с 1962 года вырос еще один жилой массив в Грма-Геле (Ленинский район), в самом большом промышленном центре города, вокруг поселка ТЭВЗа (Тбилисского электровозного завода). Многоквартирные благоустроенные дома раскинулись на горе, с которой открывается живописный пейзаж окружающей местности с лесом и садами.

Еще шире развернется фронт работ по дальнейшему развитию городского хозяйства к 50-летию Октябрьской революции. Эта историческая дата совпадет со вторым годом новой пятилетки. За предстоящее пятилетие нам придется сделать очень многое. Например, в области жилищного строительства в 1970 году намечается довести счет построенной и

Так будет выглядеть ул. Хетагурова в недалеком будущем.

сданной в эксплуатацию площади до 2 миллионов 500 тысяч квадратных метров.

Раньше всех уже в текущем 1965 году полностью должна быть окончена застройка первого, Сабурталинского, массива. В основном здесь построены четырех- и пятиэтажные крупноблочные и частично кирпичные жилые дома. Но за последнее время стало вводиться в практику сооружение восьмизэтажных блочных домов по проектам Госстроя Грузинской ССР.

Восьмизэтажные блочные дома имеют ценные преимущества как в смысле экономичности, так и возможности наискорейшего обеспечения граждан новой жилой площадью. Такие дома в ближайшем будущем мы начнем возводить в первую очередь на главных магистральных улицах массивов — проспектах Церетели, Дигомском, на Кахетинском шоссе и других.

Крупные блоки и различные детали для восьмизэтажных домов будут выпускаться заводами железобетонных изделий в Навтлуги и Дидубе.

Сооружение таких домов намечается и в кооперативном жилищном строительстве.

Значительно строительство крупнопанельных домов (стеновые панели с дверными и оконными рамами). Крупнопанельными пятиэтажными домами на 55 квартир уже застроены 8-й и 10-й кварталы на третьем жилом массиве в Навтлуги.

Крупнопанельное производство ведется Навтлугским комбинатом подсобных предприятий № 3 треста «Тблсройиндустрия». Это завод по изготовлению крупнопанельных домов с мощностью 35 000 квадратных метров жилой площади в год. На его базе в Тбилисском институте типового проектирования в настоящее время изготавливаются проекты девяти и шестнадцатизэтажных крупнопанельных жилых домов.

В предстоящем пятилетии Тбилиси получит еще один, пятый, жилой массив в районе моста-акведука в Ортачала на правом берегу реки Куры. В настоящее время разрабатывается проект застройки этого массива в основном восьмизэтажными крупноблочными и крупнопанельными домами.

Кстати сказать, во всех восьмизэтажных домах, строящихся по городу, первый этаж намечено использовать под магазины и предприятия коммунально-бытового обслуживания.

Как известно, в каждом районе массового жилищного строительства наряду с многоквартирными благоустроенными домами воздвигаются здания для школ, детских яслей и садов, кинотеатров, библиотек. Сейчас в районе имени 26-ти комиссаров по типовому проекту строится кинотеатр на 800 зрителей. В этом

году такие же кинотеатры начнем сооружать на Сабурталинском и Дигомском массивах. Большой интерес представляет сооружаемое Министерством культуры Грузинской ССР в центре города (на стыке улиц Ленина и Меликишвили) большое панорамное кино на 2 500 мест.

Помимо кинотеатров, в течение 1965 года должно быть построено шесть новых школ. Две — в районе имени Ленина и по одной на Сабурталинском и Дигомском массивах, а также в районах имени Кирова и 26-ти комиссаров.

Для лучшего обслуживания населения на массивах Дигоми и Навтлуги в текущем году откроются кооперированные торговые предприятия в новых двухэтажных помещениях. Эти помещения будут строиться с таким расчетом, чтобы в первом этаже разместились предприятия общественного питания — столовые, кафе, закусочные, а весь второй этаж заняли бы магазины.

Наш город посещает множество приезжих, и в их числе туристы. Извечно была трудной проблема жилья для приезжих. Теперь этот вопрос в значительной степени разрешился в связи с пуском в эксплуатацию гостиниц «Абхазия» — в Сабуртало и «Колхида» близ вокзала, мототеля на Военно-Грузинской дороге, а также кемпингов для мототуристов в Сабуртало и Дигоми. В течение ближайших двух лет, к концу 1967 года, Тбилиси украсится еще одной, построенной по последнему слову техники, 20-этажной гостиницей «Интурист». Ее адрес — центр города, стык проспекта Руставели со спуском Эбакидзе.

Несмотря на то, что тбилисцев обслуживают все виды современного транспорта — автобусы, троллейбусы, трамвай, такси, проблема городского движения до сих пор не разрешена полностью и продолжает оставаться наиболее «узким» местом в обслуживании населения, особенно в часы «пик», когда люди идут на работу, и по окончании рабочего дня.

Этот наш самый большой вопрос призвано разрешить в значительной степени строительство Тбилисского метрополитена, которое уже пушено на полный ход. Метрополитен свяжет районы города быстрым, удобным и безопасным подземным транспортом и ежедневно в среднем сумеет перевозить около полумиллиона пассажиров.

По трассе метрополитена первой очереди намечено соорудить две наземных и семь подземных станций. Наземные — это станции «Дидубе» и «Электродеповская», подземные — «Октябрьская», «Вокзальная», «Марджанишвили», «Руставели», «Площадь Ленина», «26-ти комиссаров» и «300 арагвинцев».

На наземной линии уже сделано земляное полотно, завершены искусственные сооружения и построены станции

«Дидубе» и «Электродеповская», в которых ведутся монтажные и отделочные работы. Закончено вчерне сооружение подземных станций «Вокзальная», «Октябрьская», «Руставели», «26-ти комиссаров» и «300 арагвинцев». Монтажные и отделочные работы идут на станции «Марджанишвили». Начало строительства станции «Площадь Ленина». Подземная линия между станциями «Октябрьская» и «Электродеповская» соединилась с наземной.

Широко используя ценнейший многолетний опыт московских метрополитенцев, строители Тбилисского метрополитена проделали большую работу также по сооружению эскалаторных тоннелей на станциях «Вокзальная», «Площадь Ленина», «Руставели», «300 арагвинцев» и перегонных тоннелей между станциями «Вокзальная» — «Марджанишвили» — «Руставели» и станциями «26-ти комиссаров» — «300 арагвинцев».

Для облицовки и отделки вестибюлей станций наши метростроевцы используют самые различные отечественные материалы — мрамор, гранит, керамику и пластику. Каждая станция будет отделана по-своему, начиная с цвета облицовки. Помимо цветовой и архитектурной отделки, некоторые станции украсятся барельефами. Например, на станции «Площадь Ленина» сооружается крупный барельеф создателя Советского государства, вождя и учителя трудящихся В. И. Ленина. На станции «Марджанишвили» — крупнейшего театрального деятеля республики — Котэ Марджанишвили.

Серьезное внимание нами уделяется и такому важному участку городского хозяйства, как дальнейшее сооружение набережных по обоим берегам Куры. На левом берегу уже возведены подпорные стены Набережной от моста Челюскинцев до Дигомского моста. На этом участке намечено открыть движение с мая текущего года. На правом берегу в настоящее время ведется строительство подпоровой стены выше института «Бактериофаг». Все работы по сооружению этой набережной должны быть завершены в конце года.

Новые набережные, имеющие немало важное значение, помогут в улучшении транспортной схемы города. Особенно большие преимущества сулит новый участок набережной на правом берегу Нуры. Соединившись широкой асфальтовой магистралью с Военно-Грузинской дорогой, он позволит значительно разгрузить движение в центре Сабуртало.

В 1965 году запроектировано начало строительства подпорной стемы набережной ниже Ортачальской ГЭС.

В недалеком будущем, точнее — во втором квартале, сдастся в эксплуатацию мост Бараташвили, заново построенный по проекту Г. Н. Карцивадзе, доцента Тбилисского государственного политехнического института. Это — редкое даже в наше время, время великих свершений, уникальное сооружение, которое представляет большой интерес с точки зрения инженерно-технической мысли. Железобетонный балочный мост, все конструкции которого состоят из сборного железобетона. По обеим сторонам моста будут сделаны подземные переходы, а пространства между опорами и подходами намечено использовать под торговые помещения.

Особенностями моста являются также двухъярусные пешеходные переходы. Нижний ярус ведет в подземный переход, а верхний — на улицы Бараташвили и Хетагурова.

В связи с пуском моста Бараташвили потребуются коренная реконструкция улиц Хетагурова и Бараташвили. Эти улицы намечено значительно расширить и благоустроить.

— На протяжении всей территории города, — сказал в заключение А. Э. Меладзе, — усиленно ведется сооружение главных отводных канализационных коллекторов, что позволит собрать все фекальные воды в Лочино (поселок между Тбилиси и Рустави). В связи с этим здесь, в Лочино, начнется строительство завода органических удобрений для чайных и citrusовых плантаций. С пуском завода в строй действующих заметно улучшатся санитарно-гигиенические условия нашего Тбилиси.

ПОЭЗИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

И вот 22 января 1924 года этого «человечнейшего человека» не стало. Паоло Яшвили становится автором одного из лучших в советской поэзии скорбных посвящений Ильичу:

Поэзия в печальном карауле
Неделю в скорби не смыкает глаз.
Тифлис умолк, как кладбище в ауле.
Шестую ночь среди травы пригорий
Ни ветра, ни молвы. Но все замрет
в тот час,
Когда народ в нерасторжимом сборе
На Красной площади Москвы предаст
Земле прах Ленина...

...Друзья! Вы помните ль про страшный
Петроград,

В потемках девятнадцатого года,
Рассказ ваш, и про питерских ребят
У Ленина, и как в потемках этих
Светился он заботами о детях
И подбирал их, как худых цыплят?
Так пусть сейчас толпою ребятишек
Обступит гроб ватага слов моих.
Товарищи, Октябрьский вихрь притих на
миг.

Пройдемте песнью горя в дверь затишья.
(Пер. Б. Пастернака)

Это стихи-обращение, стихи-призыв, но в них чувствуется характерная особенность всей ораторской и публицистической лирики Паоло Яшвили, в которой всегда — даже на самой сильной и высокой ноте — живет и пульсирует какое-то очень интимное, доверительное, личное, исповедальное звучание чувства хотя бы самого «всеобщего». Точно так же и собственно лирические стихи Паоло Яшвили, посвященные самым личным, сокровенно-интимным темам, обретают гораздо более «дальний» и «общезначимый» смысл и «лирический адрес», чем это непосредственно подразумевается в том или ином стихотворении. Таковы подлинные лирические шедевры Паоло Яшвили — «Стол — Парнас мой», «Событие сада», «Утро», «Поэзия», «Как хлопанье паруса», «Обновление»... Из этих и многих других стихов поэта встает человеческий образ исключи-

тельной чистоты и цельности — образ настоящего рыцаря дружбы и любви.

Большое чувство вновь владеет мной.
Его щедрот мой мозг вместить не в силах.
Поговорим. Свой взор вперяю в твой
И слов ищу простых и непостылых...
...И так как угомону мне не знать,
То будь со мной в часы моих сомнений.
А седины серебряная прядь —
Лишь искренности новое свеченье.
Ах, тридцать восемь лет промчались так,
Как жизнь художника с любимым цветом.
Разделим вместе мужественный знак
Великих дней, которым страх неведом.

(Пер. Б. Пастернака)

Поэзии Паоло Яшвили с самого начала был свойственен и своего рода «мажорный акцент» во всем многозвучном строе ее настроений. Разумеется, и мы только что убедились в этом, поэт знал и «часы сомнений» и «затишье горя», но и эти мотивы звучат в его стихах всегда с такой гордой и мужественной прямоотой, что никогда и никак не могут быть восприняты как признак духовного недуга, болезненного раздвоения, душевной нестойкости, слабости и малодушья. Это как бы легкое облачко, мгновенная тень, легшая на чело уверенного в своих силах полководца перед началом решающей битвы, когда надо еще раз посмотреть правде в глаза, быть до конца честным перед собой и перед народом.

Борьба, труд, работа, вечное движение, вечное беспокойство духа, кипение души, — ничего общего не имеющие с экзальтированной суетливостью и нервическим возбуждением и всегда являющиеся признаком духовного здоровья и проявлением неиссякаемой энергии — вот решающие и определяющие признаки человеческой и поэтической природы Паоло Яшвили. Его, казалось бы, безудержное эпикурейство и безотчетная страстность всегда сочетались — и на редкость органично — с требовательностью поэта, человека и гражданина, с обостренным чувством долга перед делом своей жизни, перед смыслом своей жизни, перед целью своего существования — перед искусством, перед народом, перед родиной. Отсюда задача задач, которую ставил поэт перед собой, считая ее своим призванием:

Сядь, посвети свои помыслы благу.
Изобрази, что волнует наш край,
Изголодавшуюся бумагу
Мыслями памятными пропитай.

Чуждый мещанской пустой суматохи,
К людям ты льнул трудовым, и теперь
В строгом горниле суровой эпохи
Правды своей долговечность проверь.

...Чтоб земледелец и правды поборник,
Жадно твой труд прочитав как-нибудь,
Мир испытал, закрывая твой сборник,
Как закрывают глаза, чтоб уснуть.

Время наступит, и зависти бранной
Скажут: «Увы, бесполезен твой пыл.
Строгий поэт, завершив свои планы,
Умер, как труженик, честно почил».

(Пер. Б. Пастернака)

Тициан Табидзе от отвлеченной романтики своего раннего цикла «Халдейские города» закономерно пришел к воспеванию вполне реальной родины, ее природы, ее быта, ее людей, ее истории и революционного настоящего. Сильный, драматизированный поэтический голос определил звучание лучших его новых стихов. Для поэзии Тициана Табидзе стало характерным активное, страстное отношение к миру, к действительности. В «самоотдаче» поэта видит он цель и назначение поэзии, ее внутреннюю природу. Такая эстетическая программа выражена им в замечательном стихотворении, одном из лучших творений всей грузинской поэзии — «Не я пишу стихи»:

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их...
Что стих? Обвал снегов. Дохнет —
и с места сдышит,
И заживо схоронит. Вот что стих.
Под ливнем лепестков родился я в апреле.
Дождями в дождь, белея, яблоны цвели.
Как слезы, лепестки дождями в дождь
горели,
Как слезы глаз моих, они мне издали.
В них знак, что я умру. Но если взоры
чьи-то
Случайно нападут на строчек этих след,
Замолвят без меня они в мою защиту,
А будет то поэт, так подтвердит поэт.
Да, скажет, был у нас такой несчастный
малый,
Орпирских берегов. — большой оригинал.
Он припасал стихи, как сухари и сало,
И их, как провиант, с собой в дорогу брал.
И до того он был до самой смерти мучим
Красой грузинской речи и грузинским днем,
Что верностью обоим, самым лучшим,
Заграждена дорога к счастью в нем.

(Пер. Б. Пастернака)

Да, он целиком, без остатка подчиняет себя поэзии, как бы растворяя себя в ней, но это уже не былая проповедь «искусства для искусства» или утверждение при-

мата поэзии над жизнью, ибо сама поэзия отныне подвластна и подчинена для него самому высокому и дорогому в жизни Родине. Родина и жизнь в свою очередь оказываются нерасторжимыми понятиями, и сладость жизни для поэта не что иное, как радость и счастье любви к отечеству:

...Кто дал окраску мухранскому соку?
Кто — зеленым на арагинском плесе?
Есть ли предел золотому потоку,
Где б ни ходили на солнце колосья?

...Где виноградникам счет, не ответишь ли?
Кто насадил столько разом лозины?
Лучше безродным родиться, чем детищем
Этой вот родины неотразимой.

В ней мне и место, рабу, волочащему
Цепью на шею ее несказанность.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь
сладчайшая,
Твой я век и с тобой не расстанусь.

(Пер. Б. Пастернака)

Как далек образ родины, нарисованный в этом стихотворении, от тех миражей, которые громоздил поэт в своей ранней лирике! Какой огромный путь пройден поэтом с тех пор до этого кануна 30-х годов! Тициан Табидзе сам дает контрастные сопоставления этих, таких отдаленных, и не столько во времени, сколько по пройденной за это время дороге, циклов своего творчества:

Не удивляйся, — Тициан не онемел
И не прикинулся значительно молчалим,
Он просто оглядеться не успел
В плену мечты — впервые настоящей.

...Путем казенных мне мерещилась
Халдея —
Над ней качалось небо в тучах и слезах.
Мое некаменное сердце, холодея,
Шарахалось от шороха впротмах.
Но отыскала истина меня —
Пришла не робостью просителя и гостя:
Словам не погасить ее огня,
Глубин ее не перечерпать горстью.
Овеянный ее весенней новью,
Целую Новой Жизни крепкие ростки,
И старые стихи, написанные кровью,
Стираю с ученической доски.

(Пер. Л. Мальцева)

«Крепкие ростки новой жизни» в стихах самого поэта особенно сильно стали именно в 30-х годах и на подступах к этой поро, когда поэт создает и свои лиро-эпические поэмы, насыщенные острым и ярко-обобщенным социальным, политическим и историко-философским содержанием («Восемнадцатый год», «Роальд Амундсен», «Рион-порт» — 1929 год), и цикл лирических стихов о Колхиде и Армении, о родном селе Орпире, образ которого проходит почти через все творчество поэта, отражая в себе все изменения взвихренной действительности. Подытоживая свою работу этой поры, Тициан Табидзе писал в своей автобиографии 1936 года: «Первая моя

большая советская вещь — «Рион-порт». На фоне орпирской природы, где народ вырождался от тропической малярии, я опиываю гигантскую работу Советской власти, перестроившей жизнь на новых социалистических основах и изменившей лицо страны. Затем следует цикл лирических стихов «Всем сердцем», где Грузия первой пятилетки дается в действии, потом цикл «В Армению», где я постарался выразить торжество национальной политики великой партии Ленина. В цикле «Родина», мне кажется, я больше всего приближаюсь к социалистическому реализму...»

Но наряду с эпическими и историко-философскими мотивами этих новых произведений поэта, в них очень сильна и исконная страстная и напряженная лирическая струна его поэзии. Чувство «жизни сладчайшей» вовсе не безоблачное и умиротворенное идиллическое чувство — оно обжигает и ранит, бросает в холод и жар, доставляет радость и муку любви:

**Родины участь — как матери участь.
Заново к сердцу пришла, позвала меня.
И без кремня, не стараясь, не мучаясь,
Сердце охвачено песней, как пламенем...**

...Сорок мне стукнуло. Только бы выстоять
Сорок еще с ремеслом стихотворца.
Лишь бы страну освещало лучистое
Счастье и слава ее ратоборцев.

...Смеешь ли ты, свою песнь обрывая,
Спрятать за пазуху и не запеть ее,
Если орава гремит хоровая —
«Лилею» в горных отгулах Сванетии!

...Слушай, Рукайя! Мы сделаем сказкой
Новые, нас обступившие облики —
Нашу ударницу с красной повязкой,
Парашиотистку, летящую в облаке...

...Верных свидетелей ныне зову я.
Я не страшусь, что в таком-то году,
Слушая времени речь грозовую,
С бедной волюнкой на праздник иду.

(Пер. П. Антокольского)

Вот эта охваченность сердца пламенем, сердца, которое само способно воспламениться без поднесенного к нему извне огня, эта в сердце рождающаяся песня «необструганного тростника», поющего «без прикосновения губ», — именно такое, выстраданное и навсегда уверованное понимание любви к поэзии и родине и служения им — определяет судьбу, характер, облик лирического двойника Тициана Табидзе, неповторимое звучание его голоса, остроту его мысли, трепет его чувства:

**Слов не бросаю, чтоб сразу, тотчас
Они сливались в стихотворенье.
Когда над ним я сосредоточусь —
Пугает даже сердцебиенье.
... В том, дорогие, всего основа —
Любовь не требует принужденья.**

**Вот так и слово не встанет к слову,
Раз нету гнева и возбужденья.**

(Пер. Л. Мартынова)

Такое понимание природы поэзии и судьбы поэта продиктовало в свое время Тициану Табидзе стихи, обращенные к родине, ставшие печально пророческими и озаглавленные им удивительно — «Ликование»:

**...Я из груди бы сердце вынул,
Чтоб радость была через край,
Чтоб час твоей печали минул,
Свободно мной располагай.
Поют родные горы хором,
На смерть сейчас меня пошли,
Я даже и тогда укором
Не упрекну родной земли.
С поэта большего не требуй.
Все пули на меня истрать,
И на тебя я буду с неба
Благословенье призывать.**

(Пер. Б. Пастернака)

Трудно точнее и вернее обрисовать духовный портрет поэта. Он действительно не обронил ни единого равнодушного слова, не порожденного любовью или гневом. И любовь к нему никогда не приходила по принуждению. Он собственным путем достиг глубокого понимания и постижения высших интересов и исторической целенаправленности судеб своей родины, и поэтому он имел право сказать о лирическом герое своей поэзии, о себе:

**Не с неба упал я средь белого дня,
Октябрьская буря растила меня.**

Лирика Тициана Табидзе, наделенная глубиной и драматизмом чувств, мощью темперамента, редкой цельностью и сосредоточенностью, щедростью и новизной поэтических образов, является вместе с четкими и чеканными, зримыми и красочными, отличающимися живостью и сочностью языка стихами Паоло Яшвили подлинным украшением грузинской поэзии.

Этот беглый очерк (именно очерк — одним росчерком «без отрыва карандаша от бумаги» очерченный) о Тициане Табидзе и Паоло Яшвили мне бы хотелось закончить выписками из мемуаров двух русских поэтов (одно за другим идущих литературных поколений), первый из которых своей личной дружеской встречей с грузинскими поэтами как бы биографически закрепил поэтическое родство, истоками своими связанное с предшествующей литературной эпохой, а второй — своим поистине уникальным и сказочным по крепости и благородству побратимством и — как следствие этого кровно-поэтического братства — первыми своими великими грузинскими переводами — открыл для себя и для мира Тициана и Паоло с чародейским проникновением в их душу и в их стих. Совпадение ос-

новых черт и общее разительное сходство двумя художниками воссозданных обликов, говорят о редкой достоверности этих «словесных портретов».

29 июня 1927 года Андрей Белый записал в своем тифлисском дневнике (вошедшем в книгу «Ветер с Кавказа»): «Провел этот день с утра до ночи с близкими братьями по устремлению культуры искусств; с Тицианом Табидзе и с бронзово-твердым и все же сердечным Паоло Яшвили; он — бронзовый, вылитый из размышления, ставшего сердцем; Табидзе — сердечный вулкан, бьющий пламенем в мысль, отчего расширяется сердце, — и вещи, мудрые мысли выкрикивает, ретушируемые Яшвили, которого острый рассудок утонченно преобразует вулканы Табидзе в породы изваянных скал, в барельефы культуры: пыл первого голову рвет, расширяется — приобретает космический смысл, отчего стало холодно, если б Паоло Яшвили потоки, взметенные к небу, сознанием не осадил в атмосферу земную, в которой вулкан вещей слов из беседы застольной и тостов Табидзе становится очеловеченным и оконкреченным».

День проведя с тем и с этим, мы поняли, что — двуединство они; оба — лидеры кружка поэтов; Паоло Яшвили есть «лидер», дающий чеканную форму стрелениям: он — связывает их конкретно с советской действительностью; без него, может быть, тот кружок захлебнулся б в волне романтизма; и здесь вспоминаю невольно я Брюсова; тем, чем был Брюсов для нас, молодежи, в начале столетия, в первые годы его, — тем Яшвили мне видится для поэтической Грузии, — с тем, разумеется, ярким различием, что годы не те, что эпоха, в которой живем, развернула градацию школ символизм — футуризм, «плюс» гражданственность, «плюс» мировая война, революция; то, чем когда-то возник «символизм», — было ярко подхвачено, применено и развернуто в ширях и глубях своих Тицианом и Паоло; в это все излились темы нашего дня; это все сочеталось с древней грузинской поэзией (от Руставели), явив широчайшую, вовсе не школьную и не групповую форму, отчетливо переплетенную с лозунгами современной действительности.

В этой перечеканке, — я вижу Яшвили: Язон аргонавтов двадцатого века, поэтов Колхиды, встает.

Стоит остановиться на образе этом, и чувствую, как я — неправ: вся проблема культуры Яшвили, мудрейшая и революционнотворческая, дышит жизнью от взрывов сердечности, влитой в него рядом с ним возникающим, мудро кипящим Табидзе.

Два лидера!.. Чем я восхищен в моих новых друзьях: ни штриха сомнения, самости, или желания первенствовать: постоянно Яшвили подчеркивает: «Я-то что: Тициан, — вот в чем сила». Табидзе же кивает: «Не я, а — Паоло»...

...Вот — коллектив; крепко «мы»; и мне стало понятно, что эти поэты сплетают свои

устремления вполне непредвзято с (крестьянской) народной поэзией Грузии; и с пролетарской; с (крестьянским) народным поэтом знаком: с Леониде; он тоже в семье этой — эта семья — «всегрузинская».

Грузия ею гордится.

Я тоже горжусь: оказавшись в Тифлисе. брался с семьей трудовой, с семьей творческой; мог поэт русский пожать братски руку, как русский — грузинам; да, есть Федерация братских народов; сквозит разность оттенков, положенных прошлым на нас (направленческих, классовых), освещены мы не прошлым, а — будущим, формы кушом; и в нем, в этом будущем, — творческом и трудовом, — мы большая семья.

Вот — Табидзе: с глазами огромными, широкотельный, сутулый, немного нелепый, как будто протянутый в край горизонта, — все рвется вперед и не видит меня и товарища, нам подставляя плечо и оплескивая развесаемой в ветре своей широчайшей рубашкою; это — иллюзия: видит — такое в тебе, что руками разводишь: «ведь вот: ты годами с писателями говоришь и работаешь; им — невдомек, что живет в тебе; этот грузин, проведя с тобой день — разглядел, угадал».

С удивленьем разглядываешь ты сутулую спину Табидзе, влекомую пыльным лицом убегающим за убегающей думой; бежит к горизонту — не видит, не чувствует; и на тебя нуль вниманья (все — видит, все — чувствует).

Это внимание выявленное — есть Паоло Яшвили. Его очень хорошие, строгие очи, всегда чуть-чуть грустные, — видят: знают, кто устал, сколько времени, можно ли здесь задержаться, куда надо двигаться; и отмечает Яшвили — все это: все — ставит на место; ему горизонт как бы чужд (а Табидзе всегда к горизонту несется), но чужд потому, что — идет с горизонта; и знает его; может быть, еще лучше, чем пыльный Табидзе: сама рассудительность, четкость, корректность, он в целом — какой-то сквозной транспарант широчайших прогнозов, орлиных, свершаемых — там, в одиночестве: истый грузин — с головы до ног европеец он; оригинально Европа подковывает металлический звон его строчек, в которых прекрасны — согласные; эти согласные напоминают породы грузинских холмов, по его выражению — «чугунных».

Он видится — бронзовоогненным.

А у Табидзе в стихах поражают воздушно-звучание, широко-вольные гласные волны; кричит он — на гласных; не земли, а воздухи рвутся, когда декламирует он — сибиллическим голосом: сущий «восток», но — прекрасный «восток», у которого надо учиться.

Воздушный Табидзе: громами гремит, изливается ливнями.

Вот: ничего не умею прибавить; и стыдно, что так записал; если жалкие эти потуги на характеристику личности, еще вчера незнакомых, лойдут до них, то умоляю грузинских друзей — не сердиться; они же от

«доброе» сердца; вполне без претензии писаны».

Верность первого впечатления, Андреем Белым запечатленного, настолько поразительна, что даже характеристика Бориса Пастернака — посмертная, всей долгой и крепчайшей дружбой, непрекращающимся ни на миг духовным общением рожденная, — закрепляет этот, впервые Андреем Белым увиденный двуединый образ поэтических «близнецов» (как они сами себя любили называть). Вот и эта характеристика:

«Паоло Яшвили замечательный поэт послесимволистического времени. Его поэзия строится на точных данных и свидетельствах ощущения. Она сродни новейшей европейской прозе Белого, Гамсуна, Пруста и, как эта проза, свежа неожиданными и меткими наблюдениями. Она не загромождена плотно напиханными в нее эффектами. В ней много простора и воздуха. Она движется и дышит... Одаренность сквозила из него. Огнем души светились его глаза, огнем страстей были опалены его губы. Жаром испытанного было обожжено и вычернено его лицо, так что он казался старше своих лет.

...Если Яшвили был во внешнем центробежном проявлении, то Тициан Табидзе был устремлен внутрь и каждой своей строкой и каждым шагом звал в глубину своей богатой, полной догадок и предчувствий души.

Главное в его поэзии — чувство неисчерпанности лирической потенции, стоящей за каждым его стихотворением, перевес не сказанного и того, что он еще скажет, над сказанным. Это присутствие незатронутых душевных запасов создает фон и второй план его стихов и придает им то особое настроение, которым они пронизаны и которое составляет их главную и горькую прелесть. Души в его стихах столько же, сколько ее было в нем самом, души сложной, затаенной, целиком направленной к добру, способной к ясновидению и самопожертвованию.

Когда я думаю о Яшвили, городские положения приходят в голову, комнаты, споры, общественные выступления, искрометное

красноречие Яшвили на ночных многолюдных пирушках.

Мысль о Табидзе наводит на стихи природы, в воображении встают сельские местности, приволье цветущей равнины, волны моря. Плывуч облака, и в один ряд с ними в отдалении строятся горы... И над линией всех гор и горизонтов голова идущего рядом со мной улыбающегося поэта, и светлые признаки его непомерного дара, и тень грусти и судьбы на его улыбке».

Судьба Тициана Табидзе и Паоло Яшвили, больших грузинских поэтов, чья преданность родине и искусству, чья человечность и гражданственность были поистине образцовыми — оказалась, как известно, трагической. Ужас 37-го года с неумолимой жестокостью обрушился на цвет грузинской интеллигенции, выбрав одними из главных жертв своих Тициана Табидзе и Паоло Яшвили. Хочется об этой трагедии сказать стихами, посвященными Паоло Яшвили в дни, когда партия вернула благородным грузинским поэтам их доброе имя, навсегда рассеяв вокруг них завесу низкой циничной лжи и мерзейшего поклёпа. Вот несколько строк из известного стихотворения Ираклия Абашидзе, которые по сути своей можно было бы адресовать им обоим:

Мне эту муку — дань былой печали —
Хотелось молча взять в небытие.
Сжав зубы, к Стиксу я решил отчалить,
Но сдался все же натиску ее.
И вот — пишу, зову покой душевный,
Угомонить пытаюсь дикий рой
Воспоминаний, но их голос гневный,
Как наважденье — все за мной, за мной...
...О нет, не рок был твой слепой каратель!
Не в схватке нови с быльёю — корень зла!
Ты пал в тот год, когда над небом Картли
Тень Каина, как туча, залегла.
На двадцать лет убитый, приговоренный,
Ты двадцать лет маячил предо мной,
Чтобы к бессмертью ныне возрожденный,
Твой стих продолжил подвиг твой земной.

(Пер. Г. Маргвелашивили)

Бессмертные корни и буйные ветви

В наши дни, когда все больше и больше раздвигаются рамки культурного и литературного обмена между народами Советского Союза, когда художественные произведения отдельной национальной литературы становятся частью и достоянием всей советской, а затем и мировой литературы, совершенно естественно чувство радости, которое мы испытываем каждый раз, встречая новые, хорошо изданные книги писателей братских республик на русском языке и на других языках народов нашей страны. Особенно же важно и отрадно, если переводятся произведения художника большого дарования, художника, чье творчество является значительным звеном в развитии родной литературы.

Вот такое чувство радости вызвала и изданная в Москве на русском языке книга Георгия Шатберашвили «Корни и ветви», включившая в себя повесть «Солнце мертвых» и одиннадцать рассказов.

Книгу «Корни и ветви» открывает статья Николая Тихонова, написанная с большой теплотой и задушевностью. Автор ее — давний и верный друг Грузии, постоянный почитатель ее литературы и искусства, много творческих сил и вдохновения отдавший их популяризации, — сумел почувствовать особенную прелесть произведений этого влюбленного в свою страну писателя, понять своеобразие их лирико-романтического строя, цельность и богатство человеческих характеров, глубину и стихийный размах чувств и страстей героев этой книги.

Повесть Г. Шатберашвили «Солнце мертвых», написанная в 1960 году, произведение очень интересное и по своей тематике, и по философско-психологическому содержанию, и по своеобразию художественно-композиционных приемов. Оригинально переплетается здесь далекое прошлое с сегодняшним днем, легенда с действительностью, романтическая приподнятость в повествовании и характерах — с сугубо реалистическими, бытовыми штрихами. На наш взгляд, все эти элементы сочетаются очень естественно, без какой бы то ни было нарочитости и натянутости, автор цепко держит мысль

и чувство читателя на определенном настрое, логично ориентируя его на внешнее, казалось бы, совершенно неожиданные сочетания и ходы. Несмотря на некоторые «перебивы» в повествовании и на отсутствие традиционного для классической литературы плавного, последовательного изложения событий, внимание читателя все время напряженно приковано к главной теме этого произведения, к главной его мысли — о значении и месте подвига в жизни человека, о природе героического начала. Жизнь без смелых, выдающихся поступков — тускла, бессмертия заслуживает имя лишь того человека, который, не боясь смерти, не рассчитывая и не экономя своих сил и отпущенных судьбой лет, способен сосредоточить их в каком-то едином миге и бросить на свершение чего-то большого. Такова этическая философия повести «Солнце мертвых».

«Безумству храбрых поем мы славу! Безумство храбрых — вот мудрость жизни!» — эти никогда не стареющие пламенные слова великого Горького могли бы стать превосходным эпиграфом к повести Г. Шатберашвили, славящей нравственную силу и величие человека, его волю, упорство, умение добиваться задуманного. Да, не жалкое прозябание Ужа в уютном тепле, а смелый полет в небо — к свободе, к свету — вот программа действий настоящего Человека.

Эта идея раскрывается в повести в двух планах — в истории Хизамбарели, сумевшего когда-то, во времена седой старины, проявить удивительную, нечеловеческую силу, перебросив через беспеданную лошадь огромную каменную глыбу, и в повторении этого поступка нашим современником Тенго Кубаидзе.

Легендарный подвиг каменщика Хизамбарели выступает в повести символом могучих сил, таящихся в народе, который способен совершить даже то, что представляется невозможным. Во втором, современном, плане глубокое философское звучание главной темы также сопутствует значительным историко-социальным мотивам. Что заставило Тенго бросить вызов тени Хизамбарели, что заставило его собрать воедино свою во-

лю, свою гордость, все свои душевные и физические силы и повторить подвиг знаменитого каменщика? Это, конечно, не просто самолюбивое желание показать свою силу и мужество, это и не просто стремление вызвать восхищение в глазах любимой Нино. Нет. Поступок этот необходим Тенго как факт, который доказал бы упрямым, скептически настроенным людям типа его собственного отца Георгия или его друга Шавдатуа, что молодое поколение, строящее новую жизнь, право в своих стремлениях и в своей деятельности, что оно способно на большие дела. Избирает он именно этот путь доказательства потому, что упрямый Георгий, огульно отрицая все новое, нигилистически относясь ко всем современным начинаниям в деревне, повторяет, что нынешние люди все равно не смогут свершить того, что было под силу только давно ушедшим богатырям. И Тенго охватывает страстное, упорное желание именно в этом плане показать всем, что новая жизнь и новые люди несут в себе колоссальный запас здоровых, мощных сил и энергии, что они могут одолеть и непревзойденную сказочную ступень героического. «...Тенго хорошо знал, с кем соревнуется. «С мертвецом и... с живыми», — хотел ответить он, но ничего не сказал. Хотел сказать, что жизнь и есть борьба живого с мертвым, что живой человек старается сделать больше того, что сделали его предшественники. Вспахать и получить больше, жить дольше и лучше...» Вот она, подоплека поведения Тенго! «Соревнование» с живыми! И Тенго добивается задуманного. Правда, он погибает, но сама его смерть — это смерть победителя. Недаром на каменной глыбе высечено символическое «Смертью смерть...» Да, смертью смерть поправ, герои не умирают. Их светлое имя остается навеки в памяти народа. И не это ли главный смысл и оправдание кратковременной человеческой жизни?!

Г. Шатберашвили не старается скрыть или затушевать остроты «проклятых» вопросов о смысле жизни человека, о неотвратимости смерти, о их постоянном соседстве (вспомним хотя бы, каким жестоким, но, увы, реальным символом этого соседства выступает в повести изображение постепенного, но неуклонного, особенно заметного старикам, сближения территории кладбища с деревней). Но несмотря на это, несмотря на весь трагизм показанных в повести событий, у читателя не остается тяжелого впечатления, он не подавлен. Жизнь коротка, смерть неизбежна. Это так. Но человек никогда не должен забывать о своей великой миссии на земле, он должен обладать большим, смелым сердцем, быть мужественным и сильным. И тогда смерть не поглотит его бесследно. Он

останется жить в памяти людей. И, как сказал писателю один мудрый старик из Шубати, — именно во имя светлой памяти героев, «тех, кто достойно умирает», будет светить «солнце мертвых» — это поразительное по своему великолепию заходящее солнце...

В тональности повести есть грусть, но нет и тени безнадежности. В ней победно звучит мысль о торжестве жизни, о ее вечном обновлении и продолжении. Тенго погиб, но подросток его сын, чьи буйные силы и бьющая ключом энергия олицетворяют преодоление смерти жизнью.

Характеры героев повести обрисованы живо, ярко, с большой психологической убедительностью. Каждый из них неповторимо индивидуален и своеобразен.

Вот перед нами один из замечательных представителей Грузии далекого прошлого — славный ностинский каменщик Хизамбарели. Наделенный могучим телосложением, недюжинной силой, величием и благородством души, он как бы воплощает в себе облик доброго богатыря из народной сказки. А вот наш сегодняшний герой — молодой сельский учитель Тенго Кобаидзе. Этот упорный, волевой, неистово страстный и целеустремленный человек хорошо понимает, как крепко держится старое в сознании людей, как трудно его преодолевать, но как необходима борьба с ним и победа над ним.

Выразительны и колоритная фигура старого насмешника Шавдатуа, и обиженной судьбой доброй, пронизательной Хахато, и умницы Нино, нашедшей в себе силы не поддаться отчаянию и горю и вырастить сына, достойного Тенго.

Очень интересен и с художественной, и с идейной точки зрения образ отца Тенго — Георгия. Это типичный представитель той части крестьянства, которая долго и упрямо держалась за старое, находясь в тяжелом плену собственнической стихии. Характер Георгия отличается суровой мрачностью и нетерпимостью. Мысленные диалоги его с самим собой во всей глубине раскрывают психологию этой неукротимой и страстной натуры, пусть жестоко ошибающейся, но не умеющей идти ни на какие компромиссы ни с самим собой, ни с окружающими.

Однако, несмотря на все сказанное, именно в художественной логике образа Георгия имеется несомненный прозел. Разве не было бы психологически верно, если бы подвиг сына, совершившего то, что было под силу только сказочному богатырю, заставил бы Георгия изменить свое отношение к сегодняшней действительности, поверить в идеалы сына, в силу и могущество нового, молодого, или хотя бы вернуться к нему лицом? Это было бы естественно и оправданно, тем

более, что в Георгии наряду с открытой неприязнью ко всему новому. всегда было заметно настороженное поглядывание в его сторону и даже желание вызвать в окружающих побольше доказательств в правомочности и ценности сегодняшних перемен в жизни. Но ничего этого не произошло. Единственным результатом пережитого явилось внутреннее потепление старика, а также те душевные терзания и раскаяние в недостаточности чутком и любовном отношении к сыну, которые мучают Георгия до конца его дней. Но дальше этих терзаний дело не идет. Все остается в узком отвлеченно-моральном плане, хотя именно здесь автор имел возможность раздвинуть горизонт своего повествования, придать конфликту более острый и, если можно так выразиться, более результативный характер.

Читая повесть «Солнце мертвых», нельзя не почувствовать в авторе талантливого драматурга, настолько это произведение сценично, настолько ярки, выпуклы и зрительно ощутимы его художественные образы и эпизоды. (И оно, действительно, инсценировано. А некоторая фрагментарность повествования, характерная для него, сослужила полезную драматургическую службу.) Не могут не врезаться в память великолепно изображенная картина состязаний и победы Хизамбарели, зловещая сцена, происходящая ночью во дворе у Георгия, когда он решил перерезать весь свой скот, лишь бы он не попал в общий колхозный загон, полные чистоты и поэтической прелести встречи Тенго и Нино на вершине Дзлевис-Кеди и на кладбище, трагическая схватка Тенго с каменной глыбой — и много еще таких же сценически выразительных и значительных эпизодов, которые составляют художественную ткань повести.

Рассказы Г. Шатберашвили, вошедшие в сборник, посвящены в основном жизни грузинской деревни времен Великой Отечественной войны и послевоенного периода. Перед нами разворачиваются многокрасочные картины характерного быта карталинского села, самоотверженного труда колхозников, их древних обычаев, их нравов, традиционных застольных празднеств и т. д.

Каждый рассказ оригинален по своему сюжету, настроению, по изображенным в нем людям и событиям, но все они освещены доброй, пронизательной улыбкой автора, его горячей любовью к Родине, к дорогим его сердцу местам и людям. В этих прозаических произведениях Шатберашвили выражает те же высокие патриотические чувства и мысли, что запечатлены и в его вдохновенных стихотворных строках, посвященных Грузии:

Виноградник бессмертный,
Цветешь ты, врагам непокорный,
Щедь, как старые лозы,
Победу ты празднуешь вновь!

Пусть века протекли, —
Но не ведают старости корни,
Вечно в жилах поет
Молодая и сильная кровь...

И эта мысль о мощи, о здоровой силе основ-корней своей страны, об их удивительной способности в самых тяжелых условиях сохранять жизнестойкость — является той центральной идеей, которая пронизывает эти рассказы. Один из них так и называется — «Балка-основа». По единству своего настроения, по своей художественной компактности и целенаправленности он кажется стихотворением в прозе. Повествуя о событиях времен Отечественной войны, автор заглядывает и в далекое прошлое, когда разоренная, сожженная врагами Грузия, как феникс, возродилась из пепла, и вновь начала пышно цвести ее богатая, плодоносная земля. Рассказ проникнут твердой уверенностью писателя, что жизнь уничтожить невозможно, что «балка-основа» грузинского очага, — символически же — всей Грузии, — крепка и ничто никогда не сможет ее сломить; а сохранится она — возродится и все вокруг.

Та же идея победы жизни над смертью является главным стержнем рассказа «Живые корни». Не вернулся с фронта Арчил Размадзе — погиб смертью храбрых. Но жизнь торжествует победу над горем и смертью, она продолжается в маленьком, новом человеке — сыне Арчила, родившемся в тот день, когда семья получила трагическое известие о смерти его отца.

Нам кажется, что не стоило переводить заглавия этого рассказа как «Живые корни». Ведь в оригинале рассказ назван «Бессмертный корень» (дословно). И разве именно не это слово передает гораздо правильнее главную мысль произведения? Разве не оно точнее соответствует эпизоду-символу, который в нем дан: в день получения известия о гибели Арчила буря свалила платан, посаженный Ростомом Размадзе в честь рождения сына, но жизнь могучего дерева не прервалась, она продолжается в молодом побеге, пущенном его корнями. Так и жизнь Арчила продолжается в его новорожденном сыне. Так и вообще жизнь — бессмертна, она находится в вечном движении, изменении, возрождаясь в молодом, новом, пришедшем на смену старому, уходящему. Таким образом, суть этого положения, как мы видим, заключается в акцентировании не понятия «живой» (живые корни), а понятия «бессмертный» (бессмертные, **никогда не умирающие** корни).

Эти столь значительные для творчества Г. Шатберашвили идеи вечного обновления и торжества жизни, мудрого философского отношения к сложнейшим проблемам человеческого бытия, к его быстротечности — отличаются глубочайшим гуманизмом. Они сродни здоровому, ясному пушкинскому взгляду на эти «вечные», «проклятые» вопросы, заставляя вспомнить знаменитые строки великого поэта: «...И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть».

Как мы могли уже убедиться, анализируя повесть «Солнце мертвых» и некоторые рассказы Г. Шатберашвили, этому художнику чужд пессимизм. Своеобразная светлая грусть, характерная спокойная элегичность, сочетается в его рассказах с романтической приподнятостью, яркой символикой с одной стороны, и с богатством реалистических деталей — с другой, придают им совершенно особый колорит.

Близка Г. Шатберашвили и тема возвращения фронтовика, участника Великой Отечественной войны, домой. Рассказы «Мой старый дом», «Мамалхинэ», «Мамалхинэ и его сын» овеяны чувством пламенной любви к Родине, ликующей радостью встречи война с ней, со своей семьей, с близкими людьми. Тот, кто хорошо знаком с поэзией Шатберашвили, читая эти рассказы, обязательно припомнит одно из его стихотворений, эпиграфом к которому поставлена строчка из письма его брата-фронтовика: «Еду победителем... Прокричите об этом предкам»... В стихотворении перед нами — «боец и герой» Великой Отечественной войны, свято хранивший и «сквозь тяжесть военных дорог» пронесший память о своей стране, о ее героическом прошлом и ее славном настоящем. В рассказах этот образ углубляется и с точки зрения содержания, и в отношении своей идейной направленности, приобретает более конкретные черты и расширяя связи с окружающим миром.

Актуальная в наши дни тема самоотверженного труда грузинской колхозной деревни отражена во многих рассказах Г. Шатберашвили. Это и рассказ «Дубок», в котором изображены такие трудолюбивые, инициативные и деятельные люди, как Даре — чудесная «Девушка-Дубок», редактор колхозной стенгазеты, с ее смелым, до резкости прямым характером, чутким и отзывчивым сердцем, или молодой комбайнер Мито Тандашвили — красавец и богатырь, способный четверо суток не слезать с машины, если этого требует дело. Это и рассказ «Золотая десница», в котором автор с большой теплотой рисует прославившегося своим мастерством деда Сулхана, теперь уже ведущего типичный стариковский образ жизни и очень переживающего свою ненужность, свой отрыв от полез-

ной работы, от дела, и молодого, внешне ничем не замечательного, простого деревенского парня, продолжившего традицию старика и тоже названного «золотой десницей», который сумел сам, без помощи инженеров, построить в своей деревне электромельницу. Это и своеобразная новелла-шутка «Мельник из Твалади», где на фоне образов современных деревенских обывателей с их наклонностями к досужим сплетням и выдумкам, показанных писателем в сатирико-юмористических тонах, возвышается симпатичная фигура доброго и веселого мельника, влюбленного в свою жену, в свой труд и вообще в жизнь.

С большой проникновенностью и взволнованностью подходит Шатберашвили к теме любви. Его герои отличаются поразительной глубиной и цельностью чувств. Искренняя, нежная любовь соединила Тенго и Нино (повесть «Солнце мертвых»). Она продолжала жить в Нино и после трагической гибели Тенго, найдя себе выход в горячей любви Нино к сыну и помогая ей вырастить его. Такой же верностью и самоотверженностью отличается любовь девушки из Хевисубани, которая много лет ждет не вернувшегося с фронта любимого (рассказ «По следам сына»). Не будучи ни его невестой, ни женой, ни вдовой, девушка эта, проявив высокое благородство и силу чувства, переходит жить к его одинокой матери, помогает старухе по хозяйству и мужественно делит с ней все жизненные невзгоды.

Поэтической приподнятостью и чистой проникнуты страницы, изображающие первое трепетное чувство юных Даре и Мито («Дубок»), Тэры и Ило («Зов леса»). «Любовь — как солнце. Она возвеличивает и оживляет сердца...» Вот она, главная мысль рассказа «Зов леса», который звучит вдохновенной песнью, торжественным гимном любви, ее могучей, жизнеутверждающей силе.

И в этом рассказе, и во многих других произведениях Шатберашвили перед нами во всей своей благоуханной прелести раскрывается щедрая красота грузинской природы. Она является не только чудесным фоном, на котором так выгодно выделяются изображаемые события и лица, но и совершенно необходимым и важным художественным компонентом, тонко и органично включающимся в повествование. Природа у Шатберашвили — еще одно постоянно действующее лицо, чутко реагирующее на переживания героев, отзывчивое, активное и неспокойное. Оно все время с людьми, разделяя с ними их жизнь, их волнения и страсти, прислушиваясь к самому тайному шепоту их сердца.

Переводы произведений, входящих в сборник, выполнены не одним лицом, — а это значит, что каждый из них, безус-

ловно, отмечен в какой-то степени печатью индивидуальности своего автора. И однако, несмотря на это, они не производят впечатления разностильности, и у читателя остается ощущение цельности и единства в восприятии всего сборника. А в данном случае это кажется нам именно тем эффектом, который был совершенно необходим, потому что и в оригинале все эти вещи, проникнутые характерным для Шатберашвили лирико-романтическим пафосом, прочитываются на «едином дыхании», представляясь отдельными страницами одной книги. Переводчики Г. Миндадзе, К. Коринтели, Ф. Твалтвадзе, В. Орджоникидзе, И. Дадiani сумели справиться со своей нелегкой задачей, передав и своеобразную специфичность стиля Шатберашвили, и общую тональность всех этих произведе-

ний, и богатство их языка, и отличающую их лаконичную строгость и четкость.

«Корни и ветви»... Это название очень верно передает, концентрируя в себе, сущность идейно-художественного содержания всей книги. Символика этого названия включает в себя и конкретное содержание многих произведений сборника. Героика исторического прошлого Грузии — и героика ее сегодняшнего дня, «золотые десницы» отцов и дедов — и «золотые десницы» детей, жизнь, прерванная в погибших героях, но торжествующе продолжающаяся в молодых, подрастающих людях, — вот они, бессмертные корни и буйные, находящиеся в вечном движении и обновлении, ветви...

ВЕШЕНСКАЯ НАТАНЕБИ —

В канун 1965 года из грузинского села Натанеби, Махарадзевского района ушло в донскую станицу Вешенская новогоднее письмо.

Поздравляя выдающегося советского писателя Михаила Александровича Шолохова от имени колхозников сельхозартели имени Ленина села Натанеби с новым, юбилейным для писателя 1965 годом, председателем натанебского колхоза Г. А. Цитлидзе пожелал ему новых успехов в творческом труде и чтобы Новый год принес много радости и большого счастья.

Михаил Александрович не замедлил ответить.

«Сердечно поздравляю колхозников и колхозниц, лично с Новым годом, с великолепными достижениями в труде. Желаю всем здоровья, счастья, новых успехов в наступающем году. Ваш Михаил Шолохов».

Натанебцы еще в минувшем году ждали к себе в гости Михаила Александровича. Год назад, в январе 1964 года, в ответ на приглашение в Натанеби М. А. Шолохов писал Г. А. Цитлидзе:

«Благодарю Вас за теплое

письмо и приглашение. Летом этого года я думаю побывать в Грузии и тогда непременно приеду в ваш прославленный колхоз...»

Летом 1961 года, будучи в Грузии, М. А. Шолохов дал высокую оценку по-настоящему тяжелому труду чаеводов. Тогда Михаил Александрович через республиканскую сельскую газету обращался к чаеводам Грузии:

«Разрешите мне через посредство вашей газеты «Соплис цховреба» передать мой сердечный привет труженикам сельского хозяйства Грузии и пожелать им больших успехов и счастья в жизни.

Мне хотелось бы особо сердечно приветствовать и обнять тружениц наших чайных плантаций. К моему стыду, я не знал, до приезда в Грузию, как тяжел ваш труд. А потому и особый привет вам и сердечное объятие. Если я обнимаю вас всех, — это уже не страшно, а если те, кто любит вас, учтут, что мне уже шестой десяток, — то это мое объятие не вызовет у них ревности, а чувство гордости за грузинских женщин прос-

нется в их душе, как проснулось и в моей.

М. Шолохов.

24. VI. 61.

Тбилиси.»

Это обращение писателя, разумеется, очень обрадовало всех чаеводов республики и среди них натанебцев, которые и решили пригласить М. А. Шолохова в гости, показать ему, как работают и живут чаеводы — мастера высоких урожаев.

А вскоре после этого общего собрания колхозников села Натанеби избрало М. А. Шолохова почетным членом колхоза. Ему была послана членская книжка.

Михаил Александрович Шолохов не смог приехать в 1964 году, и натанебские колхозники, хорошо понимающие перегруженность писателя работой, не в обиде. Но они надеются, что их мечта обязательно сбудется в 1965 году: ведь к обязанностям почетного колхозника прибавляется избрание М. А. Шолохова в Юбилейный комитет по проведению 800-летия со дня рождения великого грузинского поэта и мыслителя Шота Руставели.

М. Д.

Ростом БЕЖАНИШВИЛИ

Эстетический мир новелл Нико Лордкипанидзе

В основе эстетической природы произведений Нико Лордкипанидзе лежит реализм и материалистическое воспроизведение действительности. Эмпирический факт имеет для него значение постольку, поскольку он содержит позитивное понимание жизни — не столько социальное, сколько нравственное. Нравственное начало всегда занимает основное место в эстетических воззрениях Нико Лордкипанидзе и переводит в свой аспект любой предмет или явление. Он принадлежит к тем писателям, для которых человеческая душа представляет интерес тогда, когда она здорова и не содержит ничего патологического. Латинская половица «В здоровом теле здоровый дух» стала в эстетике Нико Лордкипанидзе отправным пунктом в философском, но не в физиологическом понимании этой мысли. Поэтому персонажи Нико Лордкипанидзе в основном люди светлого ума, сильных характеров, чистой души. Исключение составляет, например, Леван из «Грозного властелина», который, по нашему мнению, скорее тип патологический, чем социальный, ибо писатель явно стусил краски, стремясь ярче нарисовать уродства прошлого.

Нико Лордкипанидзе прекрасно знает, что литературное произведение выражает идеи своего времени, интересы своего класса. Правда, писатель не был идеологом феодализма, так же как не являлся и ярким выразителем социалистической идеологии, но его реализм объективно всегда служил прогрессивному началу, могуществу разума человека, его духовному благородству, очищению человеческой души от всяческих уродств.

Несколькими штрихами Нико Лордкипанидзе умеет создать яркие образы представителей всех слоев народа, при этом их типичность всегда означает для него идейность. Он превосходно понимает, что общее всегда связано с явлениями глубоко значительными и содержательными. Общее не может выявиться в случайном, изменчивом, быстротекущем. Но делать из этого вывод, что общее берет свое начало обязательно в статичном — ошибочно. Напротив, оно рождается динамичностью логики и именно в этом аспекте представляет интерес при изучении того или иного явления.

Диалектика утверждает, что в мире происходит постоянное движение. В процессе этого движения возникают не механические и инертные изменения, а постоянно происходит переход количественных изменений в качественные. Цель литературы — найти в этом движении в этой динамике, те характерные признаки, которые отличают новое от старого.

Эстетика новелл Нико Лордкипанидзе опирается именно на этот диалектический процесс разрушения старого и рождения нового. В «Разрушенных гнездах» действует обязательный закон разрушения старого, который, по мнению писателя, не может остановить никакая сила. И чтобы эта сила стала в произведении более зримой и образной, Нико Лордкипанидзе создает как бы биологический апогей разрушения и разложения личности, чтобы скенсис агонии сделать более болезненным. И это еще раз подтверждает ту несомненную истину, что мораль и мировоззрение определенных

классов обуславливают идею художественных образов, а также мысль классиков марксизма о том, что реализм предполагает, помимо правдивой передачи деталей, типические характеры в типических обстоятельствах.

Нико Лордкипанидзе знает, что в жизни, как говорится, «все бывает». Есть миллиарды тем и миллиарды подходов к этим темам, к этим проблемам. Но писатель умеет выбрать основное, главное среди «мелочей жизни», обнаружить основную линию, в длинной и разнообразной цепи событий найти то звено, которое характерно для данного момента. То есть увидеть то новое, растущее и значительное, чем живет и дышит эпоха, и не размениваться на мелочи.

Если к творчеству Нико Лордкипанидзе подойти поверхностно, формально, мы не найдем у него больших социальных полотен, но это не означает, что в основе его небольших новелл и еще меньших миниатюр и эскизов лежат бытовые, незначительные проблемы. Достоинство большого художника именно в том и состоит, чтобы в таком, к примеру, небольшом произведении, как «Женщина в платке», дать историю жизни простой, искренней и чистосердечной матери-грузинки, историю, которая по своим масштабам не уступает роману. И этому вовсе не мешает то, что писатель все акценты переносит в нравственную, моральную сферу; разве нравственность в философском смысле не является категорией социальной?

Нико Лордкипанидзе хорошо известно, что социальные и экономические трактаты лучше напишут социологи и экономисты, а он, художник, «исследователь» человеческой души, и в центре его внимания — сущность человеческой нравственности и морали. Следовательно, после того, как найден «двигатель» жизни, можно думать о создании художественного произведения. Но Нико Лордкипанидзе убежден, что этот основной «рычаг» недостаточен для того, чтобы создать верную основу будущего художественного произведения. Писатель может отлично изучить жизнь, но все же не проникнуть до конца в человеческую душу — детализация в художественном произведении еще не означает знания. Часто в результате такой детализации возникает устарелый натурализм, слабость композиции или «перегрузка общими местами». Именно эти «общие места» подразумевал Бальзак, когда спрашивал, — что можно сказать о здании, которое не рухнет, если лишить его колонн?

В основе сюжетов и характеров персонажей новелл Нико Лордкипанидзе лежат жизненные факты, но остальное в них дополняется «выдумкой» писателя.

Но она настолько логична и убедительна, что даже не возникает сомнения в ее истинности. Напротив, «выдуманное» писателем оказывается более жизненным, чем действительный факт. Нико Лордкипанидзе доверяет читателю, его интуиции; он не просто воспроизводит жизнь, а изображает ее преображенной и преломленной сквозь призму его художественного осмысления действительности. Писатель знает, что выдуманное порой может произвести большой эффект, если оно увидено глазами подлинного художника. Но выдуманное должно создавать впечатление абсолютной правды.

Вообще, вне тенденции не существует ни одного художественного произведения; только в истинно художественном произведении эта тенденция вытекает из логики образов и сюжетов, а в плохом — обнажена, носит след ложной «идейности», и потому слаба. Не только в новеллах на современные ему темы, но и на исторические в подтексте ясно видна тенденция писателя, ибо Нико Лордкипанидзе всегда был далек от буржуазного объективизма и равнодушия. Он мог сказать о себе словами А. Дюма, что исторический сюжет для него только гвоздь, на который он должен повесить картину. В исторических сюжетах Нико Лордкипанидзе ищет в первую очередь повод, чтобы выразить свое кредо, свою мораль и философию. Можно предположить, что многие современные ему социальные и нравственные проблемы писатель перенес в далекое прошлое, одел на них историческую маску, чтобы иметь возможность более «раскованно» выразить свои мысли. Он знает, что жизненный факт — еще не художественный факт. Что тут происходит? Почему одному и тому же случаю мы верим в жизни и не верим в книге или на полотне? Потому что и литература и искусство имеют свою правду. Для литературы недостаточно одной жизненной правды. Она должна приобрести новое качество — художественную правду. Следовательно, художественная правда есть жизненная правда, преображенная по специфическим законам литературы.

Герои новелл Нико Лордкипанидзе на редкость чистосердечны, искренни. Их интеллект глубок и ясен, и гетевский принцип, по которому в романе — преимущественно мысли и явления, а в драме — характеры, здесь полностью оправдывается. Однако роман здесь не следует понимать узко, ибо многие новеллы содержат элементы романа, и наоборот. В новеллах Нико Лордкипанидзе локальность явления поднята до категории характера, и часто, благодаря ярким характерным штрихам, не чув-

ствляется скупости в обрисовке характеров персонажей.

Нико Лордкипанидзе больше занимает не результат дилеммы, а она сама, ее развитие, ее диалектика. В новелле интересна амплитуда явления, а не только ее итог. Итог — логический конец этой диалектики. Для писателя интересна диалектика человеческой души, тончайшие ее движения, все психологические нюансы, которые обогащают характер, служат одной цели, подготавливают логический конец. В новеллах Нико Лордкипанидзе доминирует — что случилось и как случилось. На этом строится его мировоззрение. И когда новеллы построены по этим законам, тогда, как говорил Флобер, явления вытекают из роковой неизбежности характеров и сами создают драматические явления. Герои новелл Нико Лордкипанидзе всегда стоят перед какой-либо дилеммой. Писатель проследивает весь путь возникновения этой дилеммы и посредством художественных образов делает его понятным для читателя.

Нико Лордкипанидзе — художник, художник слова, он всегда и везде занят подбором и распределением тонов и красок, для него отдельный звук, цвет, тон приобретают черты характеров и явлений, И он передает их в сугубо национальном колорите.

Многословность никогда не была свойственна Нико Лордкипанидзе, но даже при передаче трагических моментов он обнаруживает удивительную скупость изобразительных средств. И при этом достигает поразительного эффекта. Иной писатель разразился бы целой тирадой при описании разоренного имения, в подробностях описал бы все: что и где было сломано, разрушено, порвано, как вымирала усадьба. Нико Лордкипанидзе рисует эту картину максимально экономными средствами.

Нико Лордкипанидзе — мастер пластических образов. Под его пером слова оживают, они словно приобретают цвет и запах. Но слово никогда не становится для него самоцелью, и читая описание пейзажа или человеческого лица, мы никогда не заметим в его произведениях даже намек на бутафорский блеск.

Приглядитесь, каким острым взглядом художника увидена эта картина: «Ночи придавали удивительную прелесть нашему большому двору. Луна делала тени деревьев зеленоватыми, а сами деревья лишала цвета и бледным белым светом заливала все вокруг». То, что в лунную ночь деревья теряют цвет, мог увидеть только истинный художник.

Одним штрихом писатель создает целую картину: «Не стоило и открывать окна... Стекла остались только в двух,

и то наполовину разбитые. В других наклеенные бумаги отошли и свободно развевались при малейшем движении воздуха. Оставалась надежда только на дверь. Но, как нарочно, была спокойная тихая ночь, на чистом небе посмеивалась над нами луна, и запах не решался выйти из комнаты».

Речь идет о болезни старого одинокого человека; в комнате стоит запах пота и лекарств, здесь трудно дышать, но даже когда открыли двери, этот отвратительный запах не решился выйти, чтобы смешаться с чистым, здоровым воздухом.

В другом месте Нико Лордкипанидзе пишет: «Марани как-то осел, принял наשמилый вид и раскрыл грудь, как пьяница — вся передняя стена обвалилась». Какая точность фразы — грудь обнажена, как у пьяницы, именно у марани, а не у амбара или дома.

Нико Лордкипанидзе обладает удивительно точным чувством меры и эстетическим чутьем. Описывая, например, даму, в прошлом блистательную, а теперь несчастную и опороченную, он заканчивает описание так: «Есть люди, которым даже во время потопа не подашь грязной руки».

Здесь ничего не сказано о том, что эта дама сейчас плохо одета, может быть, даже грязно, что она потеряла свой прежний блеск. Напротив, нюанс построен на контрасте: чтобы лучше показать бывшее величие дамы, писатель очень осторожно переносит эту грязь на руки другого и смущенно говорит: «...не подашь грязной руки...» Картина получилась яркая и «объемная».

В полном соответствии со всеми законами пластики рисует Нико Лордкипанидзе картины природы.

Особого внимания в его произведениях заслуживают паузы. Если писатель сомневается в сказанном, говорит не резко и решительно, а скептически, пауза не является полутоном; она представляет собой совершенно другой метод. Пауза приближается к подтексту, это что-то не до конца сказанное, это то, что должно стать завершенной мыслью в сознании читателя. Этот метод сам по себе не новый, но искусство писателя состоит в том, чтобы знать, где и как применить ее. В этом — оригинальность данного метода.

Нико Лордкипанидзе пользуется паузой с большим чувством меры, такта и необходимости. Он прибегает к ней в сочетании с другими особенностями своего стиля только тогда, когда другие методы неприменимы и пауза действительно необходима. Такая скупость и точность в ее использовании и дает большой эффект, столь значительный и сильный, что мы можем считать паузу характерной особенностью стиля Нико Лордкипанидзе.

Правда, в его эстетике в какой-то мере заметна модернизированность формы, но рисуя духовный мир человека, движения его души, писатель выдвигает на передний план интеллект, одушевленную природу, цвет, звук и тональность. Нико Лордкипанидзе не представляет себе мир без человека, так же как без холмов, трав, озер, без непрерывно меняющихся сочетаний цветов; для него прекрасно то, что гармонично, ясно и образно. В основе его эстетики лежит материалистическое мировоззрение, он видит объективный мир во всем многообразии его противоречий, и прежде чем подумать о его изменении и улучшении, он должен основательно изучить, «прочитать» его тайную книгу, познать те незримые процессы, которые начинаются со столкновений атомов и кончаются большими социальными революциями в природе и обществе. В этом отношении эстетика Нико Лордкипанидзе — наряду с позитивизмом — действенная, боевая, она лишена ложной, искусственно «пристегнутой» тенденции и глубоким подтекстом говорит нам о симпатиях и антипатиях писателя.

Нико Лордкипанидзе во многом обогатил жанр новеллы чисто стилистическими приемами и специфическими ее признаками. Он лишил новеллу сентиментальности; красочность, образность метафоры он перенес в область цвета; особое внимание обратил на колорит; духовный мир персонажей обогатил интеллект; прояснил и довел до экспрессии психологические мотивы.

В исторических новеллах писателя, в

первую очередь, интересует нравственный аспект изображения общества. Он нигде не касается социальных или политических вопросов, которые вызвали бы или иные исторические конфликты и коллизии. Писатель рисует человеческие судьбы, и нам становится ясна его позиция, тенденция его произведений.

В своих новеллах на современные ему темы Нико Лордкипанидзе описывает жизнь простых, рядовых людей. Но тем не менее это характеры оригинальные и неповторимые; по своей судьбе, мировоззрению и мировоззрению это люди нового типа. Их духовная драма органично связана с болезнями и потрясениями века. Они остро чувствуют современную им эмпирическую действительность и глубоко переживают ее несправедливость; в своих импрессионистских новеллах автор остается на позициях реализма, и этот период его творчества представляет собой дань времени, временное увлечение модернизмом. Большую роль в повороте от импрессионизма к реализму в творчестве Нико Лордкипанидзе сыграли патристические мотивы.

В грузинской литературе Нико Лордкипанидзе занимает особое место. В творчестве его — писателя, стоявшего на рубеже литературы XIX—XX вв., — синтез критического реализма и импрессионизма, инерция больших традиций и интеллектуальность новаторской беллетристики, приближение искусства слова к живому представлению с наибольшей силой.

Дары нашей республики

МУЗЫКА ПИТАНИЯ

В одной старой грузинской книге я нашел слова: «плоды — это музыка питания». Сказано очень метко, очень образно, особенно для нашей республики, где садоводство исстари было ведущей сельскохозяйственной культурой.

Известный французский путешественник XVII века гость Грузии Жан Шарден писал: «Ни в одном месте Европы не получают лучшие яблоки и груши».

Но тогда чудесные плоды нашей Родины, «музыка питания», услаждали вкус только князей и богачей. 29 400 гектаров занимали сады плодовых насаждений в 1921 году, когда была установлена в Грузии Советская власть. Сейчас фруктовые сады занимают более 117 тысяч гектаров, а до 1970 года эти площади будут еще удвоены. Маленькая Грузия превратится в чудесный сад плодовых, цитрусовых и виноградных культур.

Приезжайте в Гори. Поднимитесь на стены Горийской крепости. С их высоты откроется перед вами зеленое море чудесных садов Карталинской долины. Огромное море-сад наполняет воздух ароматом созревающих плодов. В прошлом году был исключительно обильный урожай. Деревья были так густо усыпаны плодами, что десятки подпорок укрепили непомерно перегруженные ветки, покрытые огромными темно-красными яблоками, нежно-пушистыми персиками, несравненными южными грушами и крепкой желтой айвой.

Тысячами тонн увозили ежедневно на самолетах, автомобильных и железнодорожных поездах во все концы Советского Союза и зарубежные страны ароматные грузинские фрукты.

Сейчас в нашей республике нет такого района, где бы не было промышленных садов. Заглянем с вами, читатель, в сад знаменитого горийского садовода Михаила Давидовича Рчеулишвили из колхоза «Цители Картли», что в переводе означает «Красная Грузия». С участка в один гектар он получил 806 центнеров яблок. Чтобы вывезти их, понадобилась колонна из шестнадцати пятитон-

ных машин. Такой урожай не случаен у Рчеулишвили, недаром его называют академиком садоводства и у него много учеников. Средний погектарный урожай фруктов в родном колхозе Рчеулишвили превышает восемьдесят центнеров.

Царицей Карталинской долины является яблоня. Здесь выращивается множество ее сортов. Из ценных местных пород можно назвать популярные у жителей Севера нашей Родины яблоки — грузинский синал, кехури, турашаули, кинула, лагодехский ранет, шакарнабада, ркинавашли, меретула. Известны ценные сорта груши — картлис гулаби, хечечури, абилаури, сасело, месхетури гулаби, сухумский дюшес и другие.

Но всемирной известностью пользуются грузинские персики. Их насчитывается 160 сортов! Одни предназначаются для десерта, другие — для варенья. третьи обладают большой лежкостью и сохраняют все свои ароматические и вкусовые качества до глубокой зимы. Как скульпторы-ваятели создают яркие художественные образы, так и грузинские мичуринцы-садоводы вывели замечательные по красоте и вкусовым качествам сорта персиков — горули сааддео, пионери, нобати, эриставис вардиспери, беставашвили и другие, которые вывели ученый Елена Шалвовна Эристави и талантливый опытник Василий Георгиевич Беставашвили, человек, которого знает вся республика.

По соседству с Карталинией расположена горная Юго-Осетия. На террасах ее хребтов и в долинах расположены замечательные сады. Но еще больше, чем культурными садами, славится Юго-Осетия своими лесосадами, занявшими обширную территорию более чем в 30 тысяч гектаров. Отъехав от областного центра Цхинвали всего километров на десять, вы окажетесь на территории Ванатской лесной дачи. С первого взгляда вас ничто здесь не поразит. Лес как лес. Растет дуб, граб, вдоль дороги густые колючие заросли ежевики, огромные папоротников. Но если присмотреться повни-

мателнее, то нельзя не заметить, что чем глубже в чащу леса, тем чаще вас встречаются деревья, густо покрытые плодами. Перемежаются дикие яблони, груши, айва, алыча, шиповник, орешник, кизил, каштаны, сливы, черешня. Дикие родичи садовых культур необычайно урожайны, но плоды дают мелкие, кислые, а порой даже горькие.

Лесосады Грузии — это горная целина, которая ждет умелых человеческих рук. Кое-где и, в частности, в Юго-Осетии вот уже второй десяток лет ведутся большие работы по окультуриванию лесных плодовых богатств. Чудо обновления требует немало труда. Лес расчищают, освобождают от неплодовых деревьев. Затем начинается непосредственный процесс окультуривания. Верхушки деревьев на уровне 120 сантиметров от земли срезаются, и в месте свежего среза «седлом за кору» к ним прививаются черенки культурных стволов. Этим методом в лесах Грузии уже облагоустроено более четырехсот тысяч диких плодовых деревьев. Плоды, снимаемые с этих деревьев, ничем не уступают по вкусу и аромату культурным сортам.

Но четыре сотни тысяч деревьев — это лишь небольшая часть того, что ждет своего освоения. В старину у рачительных горцев был обычай с детства шефствовать над дикими плодовыми растениями. В Сванетии хорошим женихом считался тот, кто умел искусно прививать черенки на дикое дерево. Он и являлся владельцем его урожая, независимо от того, на чьей земле росло дикое дерево.

Есть в Грузии Рача-Лечхумское ущелье реки Риони. Горы здесь поднимаются непосредственно от самой реки. Горная Рача славится своими садами, которые образовались из диких лесных окультуренных растений. Такие сорта яблок, как кинула, рачули-китра, эрбовашли, лечхумури, запхулис тетри, хечесури; груши — рачули гвердцители и другие не уступают по своим качествам самым лучшим карталинским сортам.

Горячий энтузиаст лесной целины, садовод из села Цахи в Раче Гигла Сохадзе посадил нас за стол, на котором горками громоздились яблоки — ярко-красные кинула, зеленоватые-светлые рачули-китра, румяные абилаури и темно-коричневые хечучури. — Угощайтесь, — сказал он нам, — и скажите, чем наши дикие сородичи хуже благородных сортов. Мы ничем не могли отличить эти сахаристые, ароматные плоды от тех, которыми славится наша республика. 35 гектаров лесосадов благородила уже артели села Цахи. Высокоурожайные, лежкие, устойчивые против болезней и вредителей лесосады стали важной статьей доходов артели. Но не все дикие плодовые и ягодные культуры, произрастающие в

лесах Грузии, нужно облагораживать. Взять хотя бы плоды дикой сливы ткемали. Из них делают очень острую приправу к мясным блюдам. А кто не слышал про знаменитые грузинские сиропы и чудесные безалкогольные напитки — они делаются из диких плодов и ягод. Ущелье реки Арагви дает крупную, сочную и сладкую ягоду — кизил. Боржомское ущелье — ежевику. Высоко ценятся лесные гранаты кутаисских лесов.

Более ста лет назад выдающийся грузинский общественный деятель и публицист Нико Николадзе писал в герценовском «Колоколе»:

«Имеретинские, гурийские, мингрельские и рачинские крестьяне бегут в Тифлис. Отречение от семьи и родины спасает крестьянина от помещичьей власти, но зато ставит его в зависимость от буржуазии и чиновничества, в рабство из-за куска хлеба». После Великой Октябрьской социалистической революции у грузинского крестьянина отпала нужда бежать от земли. Только за время после 1940 года доходы колхозов Грузии возросли в 14 раз. И важной статьей этих доходов является все растущее садоводство.

В последние годы в садах Грузии стали применять новшество, резко поднимающее их производительность и доходность. Сады с сильнорослыми деревьями стали уплотнять путем посадки карликовых саженцев семечковых и некоторых косточковых пород, таких, как персики, слива и другие. В уплотненных таким образом садах ежегодный прирост урожая достигает не менее чем 40—50 центнеров на гектар. О выгодности уплотненных садов свидетельствует опыт Горийской экспериментальной базы. Здесь в 1958 году посадили яблоневый сад площадью в пять гектаров на сильнорослом подвое, а к нему посадили персики, которые начали плодоносить уже в 1962 году. До плодоношения яблок было еще далеко, а сад уже давал доход в 17 500 рублей ежегодно.

Садоводы республики овладели методами направленного воспитания фруктовых деревьев. Для консервных заводов выращиваются специальные консервные сорта персиков, для зимней продажи сорта яблок, отличающиеся высокой лежкостью. Направленное воспитание позволяет загружать консервные заводы работой чуть ли не в течение всего года.

Есть и еще одна область пловодства, приносящая большие доходы крестьянству Грузии, — это культура грецкого ореха, занимающего большие площади в республике. В Зугдидском, Горийском, Махарадзевском районах ореховые деревья достигают высоты 30 и более метров. С каждого такого дерева собирают по 65—100 килограммов плодов.

Консервные заводы республики выпускают пользующееся большой популярностью ореховое варенье. Незрелые орехи исключительно богаты витамином С. Зрелые широко используются в кондитерском производстве, ореховое масло идет на изготовление лучших сортов мыла, лаков, туши. Густые аллеи грецкого ореха тянутся вдоль магистральных и проселочных дорог нашей республики.

Есть в ущелье реки Малой Лиахви село Мерети, а в нем прославленный в республике плодородческий колхоз имени Мичурина, где члены артели получают одну из самых крупных выплат на трудодень — около 5 рублей деньгами и

свыше трех с половиной килограммов продуктами.

Осенью долина реки Лиахви вся заполняется нежным ароматом зреющих яблок, персиков, груш, айвы. Отягощенные плодами ветви пригибаются к земле. И доходы старых колхозников этой артели Захария Елиашвили, Михаила Джавахи, да и многих других в 1964 году куда больше доходов всех последних и прошлых лет. Зимой семья Джавахи увозит из колхозных закромов на свой двор целый обоз более чем в две тонны зерна и полторы тонны овощей, а денег за год набирается около 6 тысяч рублей.

ЛУЧШАЯ В МИРЕ

На фанерных ящиках адреса:

«Республика Франция. Шампань. г. Куаз».

«Дания. Г-же Бенте Хенриксен».

«Германская Демократическая Республика. Фирма «Дианаруно».

Прислушайтесь. В ящиках слышно жужжание. Это со всеми удобствами и с запасом питания переезжает на новое местожительство знаменитая серая горная грузинская пчела. Ежегодно в зарубежные страны — Францию, Швейцарию, Италию, Англию, Японию, Египет, Польшу, Чехословакию, Болгарию и т. д., во все уголки Советского Союза из Грузии отправляется более десяти тысяч посылок с пчеломатками.

Издревле Грузия считалась классической страной пчеловодства, а мед еще древние люди не случайно называли «диетой долголетия». Выдающийся грузинский географ XVII столетия Вахушти писал, что в Храмском ущелье много пещер и в них «обитает множество пчел, и течет из пещер этих мед». Греческий историк и полководец Ксенофонт рассказывает, что когда в IV веке до нашей эры его армия проходила через Абхазию, то все воины опьянели, наевшись меда. По словам Ксенофонта, «пчелиных семей там (т. е. в Грузии) было необычайно много, и все воины, поевшие меда, не смогли стоять на ногах».

Обилие медоносной растительности — фруктовых деревьев, лесной акации, липы, клена, цветущих альпийских лугов — создало в Грузии особенно благоприятные условия для распространения пчел. А горный рельеф, суровая зима в горах, альпийские растения с глубоко залегающими нектарниками способствовали образованию породы серой горной грузинской пчелы, очень неприхотливой, имеющей самый длинный в мире хобот и летающей за взятком даже в туман и небольшой дождь, в ветреную погоду.

Горняку отличаются и другие важные свойства. Такие, например, как крайне

малая склонность к роению, что способствует увеличению сбора меда. Кроме того, она незлобива. У нее прекрасный «характер», позволяющий пчеловодам без опаски работать на пасеке. И еще у нее очень хороший мед: чистый, как слеза, и густой одновременно. Ученые установили, что мед грузинской пчелы обладает и более ценными лечебными свойствами. Как правило, рабочий день горняк начинается раньше и прекращается позже, чем у пчел других пород. Она очень вынослива и очень трудолюбива, полностью оправдывая свое название «рабочей пчелы».

Еще в 1928 году экспедиция Государственного института опытной агрономии, исследовавшая горные районы Западной Грузии, установила, что в ущелье реки Хобисцхали обитают пчелы с длиной хоботка до 7,23 миллиметра, тогда как предельная длина американизированной итальянской пчелы, которая считалась лучшей в мире, не превышает 6,74 миллиметра.

В 1906 году в Грузии побывал американский пчеловод-исследователь Бэнтон. Он посетил многие страны и пришел к выводу, что грузинская пчела не имеет себе равных в мире. Бэнтон вывез в Америку несколько пчеломаток и положил начало разведению грузинской породы в Америке и вообще экспорту их за границу.

В американском городе Лораме, на университетской опытной станции научные работники Коркине и Джильберт в течение пяти лет проводили опыты по сравнению продуктивности итальянских и горных грузинских пчел. Результаты этих опытов показали, что грузинские пчелы значительно превосходят итальянских по выходу меда, особенно в неблагоприятные годы. Так, в один из лучших годов для медосбора каждая итальянская пчелосемья на станции дала 85 килограммов меда, а грузинская — 145—171 процент «итальянской нормы». А в са-

мый неблагоприятный год — грузинские пчелосемьи дали по 21 килограмму меда, итальянские же не собрали почти ничего.

Сейчас в Грузии насчитывается около 300 тысяч пчелиных семей. Многие колхозы за год получают по 10—15 тонн товарного меда. Для получения больших урожаев широко практикуется организация кочевых пасек. Так, в артели села Квемо Кеда пчел после отцветания ранних медоносов в ночное время перевозят на участки эспарцета. Собирая высококачественный нектар с цветков эспарцета, пчелы одновременно опыляют их и повышают урожайность этой культуры. После отцветания эспарцета и других полевых медоносов пчел перевозят к крупным массивам подсолнечника. Еще известный русский агроном И. Н. Клиген отмечал, что грузинские пчелы делают чудеса. Они «оплодотворили, — писал он, — клевер на 21 десятине и дали прибавку клеверных семян в 15 пудов на десятине». Ученые Грузии отмечают, что с ростом пчелосемей в республике отмечается устойчивый рост урожайности фруктовых садов. Академик Тарас Кварацхелия провел такой опыт: когда зацвели яблоневые сады, он часть веток окутал марлей и ни одна пчела не могла коснуться их цветков. И что же, когда поспел урожай, эти ветки по сравнению с оплодотворенными пчелами выглядели бедными родственниками. Хочешь иметь богатый урожай фруктов, — учат ученые, — разводи пчел. Пчела верный друг и помощник садовода.

Маленькие серые грузинские летуны привлекают к себе все больше внимания. В адрес Министерства производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов Грузинской ССР приходят многочисленные письма со всех концов Советского Союза. На многих конвертах марки иностранных государств. Отправители этих писем просят — шлите нам вашу знаменитую серую горную пчелу. Пять питомников грузинской пчелы, созданных в республике, не в состоянии удовлетворить все запросы. Не справляются с ними и соседние братские автономные республики — Дагестанская и Кабардино-Балкарская АССР, создавшие у себя племенные хозяйства грузинской пчелы.

В 1961 году на Эрфуртской международной выставке серая пчелка, обитательница Кавказских гор, была удостоена золотой медали. Сейчас грузинскую

труженицу уже выводят более чем в 50 странах мира. Прекрасно прижилась золотая медальстка и в Сибири, и вот недавно она появилась на севере Урала в Пермской области.

— Серую горянку, — рассказывает председатель соликамского колхоза «Октябрь» Александр Дмитриевич Малыгин, — к нам, на север Урала привезли самолетом, 40 пчелосемей. Они быстро обжились и уже в первый медоносный сезон показали свои замечательные качества. Колхоз сразу же возместил все расходы на покупку пчел, командировку пчеловода. Как показал опыт, она у нас быстро освоилась, акклиматизировалась и чувствует себя превосходно.

Научный сотрудник опытной станции пчеловодства Казахской ССР К. В. Моисеев сообщает: — Горные грузинские пчелы оказались на 57 процентов продуктивнее местных.

Пчеловод из колхоза имени Ворошилова Грачевского сельсовета Калужской области А. И. Ратников сообщает: — На одну семью от местных пчел мы получили 19,5 килограмма меда, а от горных серых пчел — 49 килограммов.

Сейчас на пчеловодческих опытных станциях РСФСР ведется работа по качественному улучшению среднерусских пчел путем использования межпородных помесей. На основе скрещивания серых горных грузинских пчел с местными среднерусскими пчелами, научными работниками создается новая высокопродуктивная породная группа пчел.

До двадцати миллиграммов меда приносит в улей пчела за один полет. Чтобы накопить один килограмм меда, тридцать-сорок тысяч пчел одной пчелиной семьи должны налетать за лето много тысяч километров, посетить двести пятьдесят миллионов цветков, собрать взятки, доставить его в улей, т. е. пройти путь, равный расстоянию от Земли до Луны. Такой мужественной и работающей пчелки, как наша серая, не сыскать во всем мире.

По Кудорскому ущелью на автомашинах, на лошадях перекочевывают пасеки все выше и выше, чтобы на лесных опушках собрать взятки с поздноцветущих медоносных растений, перезимовать и ранней весной начать облет цветущих альпийских лугов.

Триста тысяч чудесных грузинских горянок трудятся, добывая для трудящихся тонны замечательного нектара жизни — меда.

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ЧАЙ?

Недавно в Москве один из друзей, побывавший в Грузии, сказал мне за чашкой чая:

— У нас в России по заслугам сла-

вят грузинский чай. Охотно пьют его, любят. А у вас?..

Эти слова заставили меня задуматься. И я вынужден был признать, что в на-

шей республике чая, пожалуй, не особенно увлекаются чаепитием. Постарался было найти этому объяснение.

— Чаеводство в Грузии, — сказал я, — в широких масштабах стало развиваться у нас всего каких-нибудь сорок лет назад, а вот, скажем, вино — грузины знают уже много тысячелетий...

Это было, конечно, правильное, но не очень убедительное объяснение...

В самом деле — какой удивительный парадокс! В краю высокоразвитого чаеводства нет настоящей культуры чаепития! Мы выращиваем рекордные урожаи чайного листа, выводим его наилучшие сорта, первыми в мире механизуем сбор урожая. Скоро Грузия будет полностью удовлетворять потребности всего Советского Союза в чае собственного производства. В Грузии много чаеводов — Героев Социалистического Труда. Грузины умеют и любят производить чай!

Но не секрет, что во многих грузинских семьях на чай смотрят как на «несерьезный» напиток, пренебрежительно. Отсюда и отсутствие культуры приготовления чайного напитка. В иных семьях взрослые заботятся, чтобы ребенок перед школой наполнил чаю, но сами, уходя на работу, его не пьют.

А между тем, какое это сокровище — хороший чай!

Почему бы не украсить ароматным чаем грузинский стол, известный на весь мир своими вкусными блюдами, замечательными напитками?

Еще в древних своих манускриптах китайцы писали: «Чай усиливает дух, смягчает сердце, удаляет усталость, пробуждает мысль и не позволяет поселиться лени, облегчает и освежает тело и проясняет восприимчивость... Сладкий покой, который ты обретишь от употребления этого напитка, можно только ощутить, но описать его невозможно... Пей медленно этот чудесный напиток, и ты почувствуешь себя в силах бороться с теми заботами, которые обыкновенно удручают нашу жизнь».

Не так пышно, зато более деловито и конкретно писал известный русский ученый и путешественник Ковалевский: «Стоит только выпить 2—3 чашки чая, чтобы снова ожить и быть способным продолжать путь».

«Чай возбуждает, но не угнетает», — говорит видный американский ученый Дженкинс.

Горячий чай согревает человека в зимнюю стужу и освежает его в летнюю жару: испаряясь с разгоряченной поверхности тела, он рассеивает в пятьдесят раз больше тепла, чем содержит. Об этом свойстве чая хорошо знают народы жарких стран.

Медики доказывают, что чай тонизи-

рует и возбуждает деятельность сердца и нервной системы; он содержит витамины, которые усиливают сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям. Чайные дубильные вещества укрепляют стенки кровеносных сосудов, способствуют накоплению в организме необходимой для нормальной жизнедеятельности аскорбиновой кислоты.

В Японии, например, о вялом, грустном человеке говорят: «В нем мало чая», а о бодром и радостном: «Он хорошо наполнился чаю...»

К нам в Тбилиси, в адрес треста «Чай-Грузия», часто приходят телеграммы такого содержания: «Для успеха хлопкоуборочной кампании просим отгрузить чай в счет следующего квартала».

А председатель колхоза Ангульского производственного управления в Узбекистане трижды Герой Социалистического Труда Хамракул Турсункулов прислал телеграмму, в которой писал: «Грузинский чай в солнечном Узбекистане поистине эликсир жизни. Шлите нам этого эликсира побольше».

Но если чай — животворный эликсир для хлопкоробов Средней Азии, любимый напиток трудящихся всех наших республик, то почему, спрашивается, мы не используем этот чудесный напиток, чтобы с его помощью лучше собирать чай, образно говоря, не берем чай на полное вооружение, не стараемся в жаркий, знойный день сделать чай своим добрым помощником, как это делают хлопкоробы? Почему мы держим чай на положении нелюбимого пасынка?

В самом деле, попробуйте в городах Грузии, даже в таком большом городе, как Тбилиси, потребовать чашку чая в столовой, кафе или в закусочной. Скорее всего вам откажут. А если и подадут, то в таком виде, что каждый любитель чая сочтет себя оскорбленным за этот замечательный продукт, являющийся гордостью нашей республики. Пьешь этот с позволения сказать «чай» и с отвращением думаешь: нет, это не эликсир жизни, а состряпанная равнодушными руками безвкусная бурда.

Попросите на вокзале или в ресторане поезда стакан чая — и вам, как правило, предложат вместо него водку или вино.

Невероятно и непростительно! Так дальше не может продолжаться. Свой чудесный чай, выращиваемый трудолюбивыми, умелыми, проворными руками, грузины должны взять и на личное вооружение! В каждом доме, на каждой плантации, на заводе, на стройке, в забое для труженика должна быть всегда готова чашка ароматного чая!

Хорошо приготовленный чай — это забота о человеке, о бодрости его духа. Окончился рабочий день, вы остались на совещание в колхозе или на заводе. Раз-

ве плохо было бы выпить при этом чашку чая? Разве это так уж недостижимо?

В последние годы в наших городах и селах открылось множество кофеен. Мы не против кофе, но мы вправе спросить руководящих работников Министерства торговли республики и Цекавшири: почему в стране чая иностранный продукт вдруг получил такой приоритет? Для кофеен заказывается специальное оборудование, множество людей обучается приготовлению разных напитков из кофе. А сколько в Грузии чайных? Раз-два — и обчелся. Многие ли работники общественного питания обучены искусству готовить ароматный чай? Нет, никто никого этому не обучал и не пробовал обучать.

А ведь приготовить хороший чай — это большое искусство!

Мастера-дегустаторы говорят, что чай различных сортов имеет множество вкусовых и ароматических оттенков, переливов. Есть черный байховый чай, есть зеленый байховый, есть чай зеленый кирпичный; чай пьют с молоком, с лимоном, с ромом, с вареньем. Все эти виды чая надо уметь приготовить не как-нибудь, а самым наилучшим образом, по всем заветным правилам кулинарной науки!

Производство чая у нас расширяется, усложняется. Сотрудники Грузинского научно-исследовательского института гигиены труда и профзаболеваний изготовили недавно настой зеленого байхового чая с добавлением витаминов А, С и группы В как новый напиток для работников горячих цехов фабрик и заводов, обеспечивающий наилучшую терморегуляцию организма, повышающий работоспособность. Другой подарок советскому потребителю приготовили ученые Всесоюзного научно-исследовательского института чайной промышленности в Ананасули. Это — чай в кристаллах. Достаточно опустить таблетку в кипяток, чтобы концентрат превратился в готовый чай с са-

харом и лимоном. Эти кристаллы ученые назвали чаем для космонавтов. Пропагандируя грузинский чай, слава его замечательные качества, мы не должны забывать и о том, что мой московский друг назвал культурой чаепития. Нельзя по-настоящему бороться за повышение качества чая, если не любишь его пить!

С чего же начать поход за высокую культуру чаепития? По-моему, надо повсеместно организовывать хорошие чайные, где посетители могли бы посидеть, побеседовать, попивая настоящий грузинский чай, приготовленный мастерами своего дела, чай высшего класса.

Разве нормально, что в столице советского чаеводства — Тбилиси нет хорошего фирменного чайного магазина с показательной чашкой чая при нем? Чайные следовало бы иметь не только в городах, но и на полевых станах, на плантациях, на фермах.

Народная пословица гласит: только бы садовник грушу дал, а место для нее ворту найдется. Будут чайные — будут и любители чая!

Знаменитый русский самовар устарел, но — только по форме, а не в принципе. Вероятно, нужно сконструировать специальные чайные приборы для альпинистов, геологов, туристов, для чайных и для дома. Нужны брошюры с подробным описанием того, как готовить чай разных сортов.

Итак, чай — напиток здоровья, символ радушного гостеприимства. Помните, что сказал Владимиру Маяковскому солнце, этот воображаемый лучезарный гость поэта, вступая на его порог?

Ты звал меня?
Чай гони,
Гони, поэт, варенье!

Пусть же дорогого гостя и друга в каждой нашей семье всегда встречают не только вином, но и чашкой животворного, освежающего, проясняющего дух грузинского чая!

О Москве и москвичах

Люди, время, расстояния

Всякий раз, приезжая в столицу, я не перестаю удивляться спешке, в которой живут москвичи. Она начинает проявляться еще в поезде, едва за окнами вагона промелькнут пригородные дома. Небольшая пауза наступает на перроне: первые радостные минуты встречи, обмен первыми впечатлениями... И вот уже чемоданы в руках, и пока гости Москвы, то и дело оглядываясь по сторонам, медленно шагают по площадке перрона, привычные к своему городу москвичи уже мчатся по привокзальному тоннелю, летят к метро, бегут по движущейся и без того лестнице эскалатора.

Москвичи торопятся. Они привыкли торопиться. Позднее, поразмыслив, я понял, что не торопиться им нельзя: таков темп столичной жизни, и истинный москвич не позволит себе отстать от него.

Этот темп продиктован многими обстоятельствами. И, прежде всего, тем, что Москва огромна. Как сообщает путеводитель, только в ее зримой границе — Московской кольцевой автомобильной дороге протяженностью 109 километров — почти 90 тысяч гектаров. Москва уступает по численности населения лишь Нью-Йорку, Шанхаю, Токио и Лондону с пригородами. В ней проживает больше шести миллионов человек. Одних только Ивановых в столице 90 тысяч. Между прочим, тысячами насчитываются не только Ивановы. В центральном адресном бюро могут назвать прелюбопытнейшие цифры. Оказывается, в Москве проживает 78 тысяч Кузнецовых, 58 тысяч Смирновых, по 30 тысяч Волковых, Поповых, Пегуховых, Соколовых, Гусевых и Дмитриевых. В том же адресном бюро могут назвать и другие примечательные цифры, и хотя они не имеют отношения к масштабам столицы, я их все-таки приведу. В Москве живут и здравствуют 15 Александров Сергеевичей Пушкиных, 10 Евгениев Онегиных и 40 Борисов Годуновых. 18 москвичей — Николай Васильевичи Гоголи, 7 — Львы Толстые.

Чтобы хорошо изучить Москву, все ее семнадцать районов, все ее четыре с лишком тысячи улиц, проспектов, площадей, набережных, переулков, ее 79

вузов и пять академий, ее театры и музеи — нужны годы. Так колоссальна Москва. Ее масштабы однажды сбили меня с толку. Мне нужно было найти одно учреждение и, стоя на перекрестке, я «подстерег» старожилку, который нес в своем внешнем облике неуловимые черты коренного москвича.

— Да это же рядом, батенька! — воскликнул старожил, выслушав адрес. — Зачем толкаться в автобусе? Поверните за угол и — прямо. Совсем рядом, рукой подать!..

Я шел не меньше получаса, а для москвича, это, действительно, «совсем рядом, рукой подать» — понятие о расстоянии, так сказать, диаметральное противоположное тбилисскому. Так что можно понять москвичей: их вечная спешка вполне объяснима.

Но как бы то ни было, я дал себе слово не поддаваться московской суете. Пусть бегут, торопятся, пусть обгоняют меня, пусть двери вагона метро захлопываются перед моим носом — я не ускорою шага.

В этот день мне предстояло осмотреть Дворец бракосочетания, побеседовать в исполкоме Моссовета о перспективах развития города, встретиться в Сокольниках с организаторами выставки польской мебели, побывать на ВДНХ. Не стану утомлять читателя, скажу лишь, что к вечеру я поймал себя на том, что вместе со всеми бегу по многочисленным переходам и не хуже других влетаю в последнюю секунду в вагон метро, мчусь по движущейся и без того лестнице эскалатора, расталкивая и обгоняя коренных москвичей. До ВДНХ я в тот день так и не добрался.

Ясно, что для Москвы проблема времени и расстояния — проблема номер один. Как ее решают в столице? На это мне Москва давала наглядный ответ.

Прежде всего — транспорт. Три тысячи шестьсот десять автобусов, около двух тысяч пятисот легковых такси бегут по городу. Ежегодно автобусный и троллейбусный парки Москвы пополняются в среднем на 200—225 машин, а легковых такси становится каждый год, примерно, на 1 000 — 1 200 больше. Но это, конечно, полностью не решает проблемы.

Затем метро. Его огромная линия проходит кольцом через весь город, соединив вокзалы; 8 линий расходятся от кольцевой во все стороны: они как бы сузили расстояния. Еще бы! Протяженность пути подземного города уже достигла без малого ста километров. Поезда метро развивают скорость до 90 километров в час, идут они один за другим, а когда наступают часы «пик», интервалы между поездами сокращаются до минимума: они не превышают 90 секунд!

Мудрено ли, что когда-то московские окраины — Фили, Измайлово, Сокол, Новые Черемушки — сейчас стали центральными районами Москвы, ибо здесь считают: центр там, где проходит метро. Подземный город насчитывает 69 станций и продолжает расти: сейчас идет интенсивное сооружение новых линий метрополитена.

Но и город под землей полностью не решает проблемы. Поэтому решено соорудить «город над землей» — построить подвесную монорельсовую дорогу. Через три года откроется движение на первой опытной трассе, и первыми ею воспользуются автомобилестроители: трасса пройдет от станции метро «Автозаводская» до Коломенского. Монорельсовая дорога сумеет пропускать 14 тысяч пассажиров в час. Вагоны помчат их со скоростью 120—150 километров. Позднее, вслед за опытной трассой воздушные дороги протянутся к аэропорту Домодедово, к пригородам Москвы, к местам отдыха жителей столицы.

Москвичу дорого время. У него все рассчитано по минутам. От дома до метро — столько-то минут, спуск на эскалаторе — столько-то, по переходу на пересадку — столько-то, поездка в метро, дорога пешком... Все выверено, все подсчитано. И, вероятно, от того, что жители столицы стараются предельно экономить время (многие из них даже в метро, троллейбусах и трамваях умудряются заниматься делом), девять из десяти москвичей точны, аккуратны и деловиты.

В этом можно убедиться, заглянув в любое учреждение. Например, в исполкоме Московского Совета, в райисполкомах Москвы, в управлении по распределению жилой площади, в собесах — словом, там, где обычно бывает наибольшее число посетителей, установлен порядок, при котором вам персонально назначают точные часы приема, и эти часы соблюдаются строжайше, и уж если вы записались на прием, то можете быть спокойны: никаких «неожиданных совещаний» не будет, вас обязательно примут и внимательно выслушают. Истинный москвич, назначив встречу на четверть тридцать, не заставит вас прождать лишней минуты. Пообещав выпол-

нить просьбу, он сдержит слово. Истинный москвич никогда не подведет.

Я рассказываю обо всем этом не для утоления любопытства наших читателей, а, так сказать, «со значением». Мне очень хочется, чтобы и у нас, в Тбилиси, транспорт, как и в Москве, работал настолько точно по графику, чтобы по времени движения автобуса или троллейбуса можно было сверять часы, и чтобы не было больших очередей в приемных учреждениях, и чтобы в часы приема никого не вызывали на заседания, и чтобы каждый относился с огромным уважением к чужому времени, и чтобы, если деловая встреча назначена, то обязательно состоялась, и чтобы каждый тбилисец был во всем точен, аккуратен и деловит.

И тогда средняя продолжительность жизни тбилисца (я имею в виду не бесполезно растраченное время — какая же это жизнь?) увеличится, по крайней мере, вдвое. Так, во всяком случае, утверждают экономисты и врачи...

Встречи с Грузией

Здесь, в Москве, встречи с Грузией происходят на каждом шагу.

На развернутой панораме Бородинской битвы — знаменитые Багратионовы флешы.

В древнем Донском монастыре, ставшем ныне музеем, ажурные надписи на тяжелых каменных плитах напоминают о том, что еще три века назад грузины были кровно связаны с Россией.

Донской монастырь знаменит. Его архитектурный ансамбль складывался столетиями. Как и во всех русских монастырях, часть его территории использована под кладбище. Оно невелико, но представляет немалый интерес: это некрополь многих выдающихся деятелей русской политической и военной истории, деятелей литературы, культуры, искусства. Увитые буйной зеленью, высаты на кладбище Донского монастыря могилы Чаадаева, Сумарокова, Хераскова. Здесь похоронены Василий Львович и Анна Львовна Пушкины. Здесь могилы матери Тургенева, историка Ключевского, отца русской литературы Дмитриева. Рядом с большим собором покоятся великий художник Перов и «отец русской авиации» Жуковский.

Древнейшие из сохранившихся надгробий находятся в подклетах Большого собора, в глубоком подземелье. Там — усыпальница грузинских царей. Белокаменные плиты вмонтированы в стену над могилами царевича Давида Арчиловича и Матвея Арчиловича, умерших еще в конце XVII века. Надгробия эти сохраняются государством как ценные памятники древнего зодчества.

Совсем нетрудно перешагнуть через три столетия: для этого нужно лишь под-

няться из подземелья на первый этаж. В зале Большого собора, над могилами грузинских царей, открыта выставка гравюры и обновляется экспозиция по развитию русской архитектуры...

Но в Донском монастыре я встретился с древней, давно ушедшей Грузией. А когда я шел по улице Багратиона, красивой магистрали, вдоль которой высятся многоэтажные дома; когда я увидел в районе бывшего Бутырского хутора знакомую надпись на угловом доме «Улица Руставели»; когда мне встретились Большая Грузинская улица и Малая Грузинская улица — это уже были встречи с сегодняшней Грузией, хотя я и нахожусь от нее в нескольких тысячах километров.

Неподалеку от Белорусского вокзала протянулся Грузинский вал — удивительная улица, на которой ужились старая и новая Москва, где бревенчатые одноэтажные и двухэтажные дома переплетаются с высокими блочными и панельными громадами. Сравнительно недавно исполком Московского горсовета переименовал Малую Ржевскую в улицу Захария Палиашвили. Она находится в самом центре города, в районе Арбата, на ней по соседству с многочисленными посольствами, с Союзом писателей, Домом журналиста помещается красивый и изящный особняк Постоянного представительства Грузии. Я уже не говорю о сердечных встречах, которые москвичи устраивают грузинским посланцам науки, культуры, искусства.

Их много, этих встреч, они происходят почти ежедневно. Не так давно в Парке культуры и отдыха имени Горького проводился день Союзных республик. Представители Грузии встретились с трудящимися столицы, и вы бы посмотрели, как сердечны, радостны были эти встречи.

В московских симпозиумах обязательно участвуют грузинские ученые. Выступления артистов Грузии на московских сценах всегда превращаются в демонстрацию дружбы двух народов, успеха национального искусства. Администраторы Кремлевского Дворца съездов, на сцене которого две недели гастролировал наш оперный театр, рассказали мне, что давно уже их так не одолевали просьбами о билетах, как в течение этих двух недель.

Я уже не говорю о других «точках соприкосновения» москвичей с нашей республикой. Например, о поездках рабочих, инженеров, ученых из Грузии на родственные предприятия, чтобы перенять у друзей самое лучшее и самое прогрессивное, на ВДНХ, где миллионы людей черпают передовой опыт.

Все это, так сказать, встречи Грузии с Москвой. А вот мои встречи с Грузией в Москве. В прославленном городе физиков Дубне меня познакомили с та-

лантливым ученым, доктором физико-математических наук Альбертом Никифоровичем Тавхелидзе. Работая под руководством академика Николая Николаевича Боголюбова, молодой ученый (А. Н. Тавхелидзе всего 34 года) вносит серьезный вклад в решение сложных проблем, связанных с дальнейшим развитием атомной физики.

На шоссе Энгузиастов, в Научно-исследовательском институте пластмасс, коллеги доктора химических наук Кирилла Максимовича Саладзе, внесшего большой вклад в науку и практику, с удовольствием расскажут вам о его трудах и пылковой мысли аспиранта в отделе стеклопластиков Жана Дмитриевича Сакварелидзе, работающего под научным руководством академика В. А. Каргина, заведующего лабораторией Отар Константиновича Манагадзе и других товарищей из Грузии.

Москвичам хорошо знакомы и известный в столице директор Института медицинской радиологии Академии медицинских наук СССР Георгий Артемьевич Зедгинидзе, и молодой математик Реваз Гамкрелидзе, удостоенный Ленинской премии, и десятки других ученых, свыше трехсот студентов, обучающихся в московских вузах, сотни деятелей культуры, искусства, простых тружеников, дорожащих честью своего народа и честью советского человека.

К вашим услугам

...Я брожу по Москве. И всемирная столица с каждым новым днем оборачивается ко мне все новыми сверкающими гранями. Одна из них — забота об удобствах человека.

Однажды вечером я был в театре имени Маяковского. И там прочитал всящее в фойе объявление:

«Уважаемые зрители! — гласило оно. — Здесь вы можете через бюро услуг: а) Заказать такси; б) Поручить позвонить по телефону; в) Заказать билет в наш театр на любой спектакль».

И я наблюдал, как зрители заказывали такси, просили позвонить и брали билеты.

Другое объявление, вывешенное возле Киевского вокзала, было адресовано дачникам. Следует заметить, что Подмосковье утопает в зелени садов и славится обилием дач. Там дач не меньше, чем у нас в Грузии. И точно так же, как в субботний вечер или в воскресное утро тбилисцы спешат в Цхнети, Коджори, Манглиси, на озеро Лиси или Тбилиское море, москвичи торопятся в Звенигород, Орехово, Переделкино, Кокоскинский, на Клязьминское водохранилище, в Химки, Серебряный бор и десятки других превосходных для отдыха зеленых, живописных мест. Так вот к ним, дачникам, спешащим отдохнуть после

трудоу недели, и было обращено объявление перед входом на пригородные поезда:

«Вниманию дачников! Закажите здесь заранее продукты, которые вам понадобятся, когда вы возвратитесь в город. Их вам приготовят и они будут ожидать вас».

Рядом — другое объявление, оно адресовано тем, кто каждый вечер приезжает после работы к семье на дачу:

«В этом магазине вы можете до работы заказать продовольствие, а после работы его получить».

И тысячи людей широко пользуются услугами этого магазина.

Забота об удобствах человека проявляется во многом. В «Гастрономе» у вас примут заказ по телефону и, можете быть уверены, — не подведут. Прачечная привезет вам накрахмаленное белье на квартиру и за эту услугу взьмет сущие пустяки — 2 копейки с килограмма белья. А если вам нужна няня, или уборщица, или плотник, грузчик, полотор — пожалуйста, к вашим услугам бюро добрых услуг. Даже аптеки находят новые формы обслуживания населения. На московской окраине, в Очаково, работники аптеки решили пожилым, одиноким и тяжело больным доставлять лекарства на дом. Открылись аптечные филиалы при поликлиниках. Это означает, что больной, выйдя от врача, тут же может заказать лекарство и быстро его получить.

Я знаю, кое-что из того, о чем я написал, делается и в Тбилиси. Например, в районах города работают «Бюро добрых услуг». Не стану анализировать их деятельность. Скажу лишь, что нужно, чтобы добрые услуги проявлялись к населению на любом участке. И чтобы о примере москвичей подумали и театральные работники, и работники торговли, и профсоюзные руководители, и руководители республиканского аптекоуправления — словом, все, кто призван заботиться об удобствах людей.

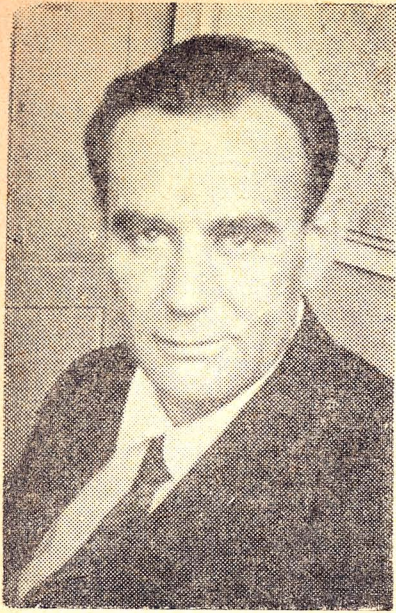
Я долго брожу по Москве, и все же не устаю от ее сутолоки. Мне хочется по-лучше узнать этот город и побольше увидеть в нем, мне хочется все впитывать и впитывать, как губка, то хорошее, чем он богат.

Разве смогу я рассказать обо всем? О том, как трудятся миллионы рабочих, служащих, ученых, выполняющих великую Программу партии. Об исторических площадях и знаменитых улицах столицы, несущих на себе следы героического прошлого. О гордости Москвы — Третьяковской картинной галереи. О Выставке Достижений Народного Хозяйства и десятках других выставок. О Дворце бракосочетания и магазинах для молодоженов. О музеях, концертных залах, театрах. О гранитных набережных столицы, протянувшихся за годы Советской власти на 60 километров. О 32 этажах университета, поднявшихся в небо на триста метров, его 45 тысячах помещений и 24 тысячах студентов. О новых районах Москвы, ставших лабораторией передовых методов строительства. О стадионе в Лужниках. О подземных улицах столицы. Об «институте» рабочего-строителя А. Мухина, к которому приезжают со всех концов страны, чтобы поучиться передовым методам труда... Наконец, о Кремле, его Спасской башне, зубчатых стенах, Оружейной палате. И о длинной очереди к мраморному Мавзолею, на котором выведено: «Ленин». И о том, как медленно движется эта очередь, выстроившаяся вдоль Кремлевской стены, и как все прибывают и прибывают люди, пришедшие сюда, чтобы поклониться родному Ильичу... Разве возможно рассказать обо всем?

..Я долго брожу по Москве, великий город дарит мне все новые и новые впечатления. Никогда не забудутся они и никогда не погаснет во мне добрая память о неповторимой столице мира, над которой светят человечеству рубиновые звезды.

Москва.

Записи на память

Приводимые здесь автографы, записи на память, листки из редакционных блокнотов и письма — только небольшая часть литературного архива Бориса Ивановича Корнеева (1896—1958), журналиста и переводчика, одного из старейших работников издательств и редакций газет Грузии. Б. И. Корнеев не был коллекционером в прямом смысле этого слова, и тем большее значение имеют собранные им на протяжении многих лет материалы. И каждый из этих материалов, а их более тысячи, возник не случайно, он вызван тем или иным конкретным моментом литературно-общественной жизни.

Журналистская работа Б. И. Корнеева началась в 1915 году, в сотрудничестве с Михаилом Кольцовым в выходившем в Петрограде журнале «Студенческая жизнь». Его деятельность в Грузии с первых дней установления Советской власти в республике протекала в тесном контакте с писателями, с литературной средой. Б. И. Корнееву принадлежат переводы на русский язык многих произведений грузинских советских писателей: М. Джавахишвили, С. Клдиашвили, К. Лордкипанидзе, Р. Гветадзе, А. Кутатели, Б. Чхеидзе и других.

Материалы литературного архива Б. И. Корнеева — это прежде всего записи на память, оставленные писателями в альбоме после длительного знакомства, обмена мыслями, бесед или деловых встреч. Затем — листки редакционного блокнота, на которых писателями записаны мысли и суждения по тому или иному поводу. За этим следуют дарственные надписи на книгах, портреты, редкие фотоснимки, рукописи отдельных произведений.

В большинстве материалов архива затрагиваются темы и вопросы, связанные с Грузией, с ее культурой, общественной жизнью и литературой.

Был в Кахетии 18—19 октября (мне исполнилось 39), прошел пласты истории — Черную Бурку Ага-Мохамеда, замок Гургаслана; потом XIX век был на могиле Алекс. Чавчавадзе (Шуамта)... В Цинандали не смотрел на дома удельного ведомства, а видел горы, деревья, стенку часовенки, где обручился Грибоедов, — часовенка скоро пропадет. А горы менялись каждые 5 минут — и те же. Зелень на склонах гор — не зелен, а все краски. Одного красного цвета — 10 родов... Вероятно, когда писалась Библия, таким сперва и представляли рай. А потом уже в XIX веке это кончилось Грибоедовым.

ЮР. ТЫНЯНОВ

1933, 20 окт.

Ю. Н. Тынянов приехал в Грузию в октябре 1933 года как член одной из бригад Оргкомитета Союза писателей СССР по подготовке Первого Всесоюзного съезда писателей. Остальные члены этой бригады приехали в ноябре.

Человеку нужно мало,
Чтоб душа была ясна,
Небо, звезды — Цинандали,
Голос друга и вина.
И в долине небывалой
Виноградного труда,
Небо, звезды, Цинандали —
Их запомнишь навсегда.

Н. ТИХОНОВ

1934
Тифлис

Эти строки написаны экспромтом за год до создания Н. С. Тихоновым известного цикла «Стихи о Кахетии» (1935), в котором есть стихотворение «Цинандали».

Борису Ивановичу Корнееву, первому человеку, внесшему соблазн писательства в мои мысли — с крепкой дружбой.

П. ПАВЛЕНКО

10.2.33
Тифлис

Я хочу научиться писать о других так сочувственно и трогательно, как о себе. Тогда «не вовсе я умру».

В. ШКЛОВСКИЙ

26 апреля 1933 года
(Приехал из Багдада)

В дневниковых записях Б. И. Корнеева от 26 апреля 1933 года есть строки: «Вечером жду Шкловского. Сегодня утром он вернулся из Багдада и обещал поделиться впечатлениями о поездке на родину Маяковского».

ПОСЛАНИЕ В МОСКВУ

Нет предела нашим силам!
Всех врагов преодолев,
Большевистским Автаңидом
Будь всегда мой храбрый Лев.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ОТВЕТ ИЗ МОСКВЫ

Папа! Строки телеграммы
Прижимаю я к устам,
Как посланье Тариэля
Несравненная Нестан.

30—31 декабря 1937 г.

Эти шуточные стихи написаны А. Безыменским в дни его пребывания в Тбилиси на юбилейном пленуме Правления Союза писателей СССР.

Собираюсь так много писать про Тбилиси, что несколько слов, притом альбомных, мне трудней всего.

Радуюсь горам, его стерегущим. Солнцу — Мзе и серой бурной Куре. Охваченная сентиментализмом почти колыбельных воспоминаний (с 8 лет обучалась в древнем французском пансионе Серпина, какой продуктовый магазин на его месте — не знаю), стала охотиться в уцелевших «темных рядах» за чурчелой, кэвой и гозинаками.

ОЛЬГА ФОРШ

Эти строки написаны в конце 1933 года, когда Ольга Форш приехала как член бригады писателей в Тбилиси — город своего детства, и уже тогда задумала написать очерк о писательницах Грузии (напечатан в журнале «Звезда») и художественные произведения из жизни старого Тбилиси.

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Никому недоступно в мире,
Хоть и каждому близок он,
Вызвать тайну этих шаири,
Их то грозный, то нежный звон.

Никакой не измерить меркой
В дебрях времени скрытый путь,
Как до шапки его островерхой
Слабых пальцев не дотянуть.

Собирайте поэты в соты
Светлый мед ваших лучших строк,
Чтоб они — как у нашего Шота —
Сохранились на долгий срок.

Ник. Асеев

1937
Тбилиси.

Хорошо бы устроить в аптеке пинг-понг и тир для того, чтобы ожидающие лекарства не скучали. Мне кажется, что это будет хорошо.

И. ИЛЬФ

Москва. 10.IV.929 г.

До поездки 30 минут. Меня грызут опасения: 1. Извозчик может упереть багаж. 2. Мы опоздаем на поезд. 3. «И какой же русский не любит быстрой ез-

ды» или — «какой же русский рискнет приехать позже чем за час до отъезда поезда...» А посему буду краток: «Лечитесь, лечитесь, лечитесь», — как сказал Мамонт Дальский поклонникам-гимназисткам.

Э. ПЕТРОВ

27. IX. 28 г.
Тифлис

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

Был в Грузии,
вернусь в Грузию.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Дорогой Б. И.

Очень рад, что познакомился с Вами. Давайте водиться.

1 апреля 1929 г.

ЧУКОВСКИЙ

Хочу жить в Тбилиси.

В. КАВЕРИН

В редакции в наличии есть Ильф и Петров — оба светлые личности.

ЮРИЙ ОЛЕША

Привет милой Грузии, где и в декабре — такое Солнце!

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

Да здравствует солнечный Новый год, встреченный мною в Грузии.

ВЕРА ИНБЕР

ИЗ РЕДАКЦИОННОГО БЛОКНОТА

Профсоюзы железнодорожников за пять лет героической борьбы за советскую власть неустанно организовывали железнодорожный пролетариат и вели его в первых рядах борцов за социальную революцию.

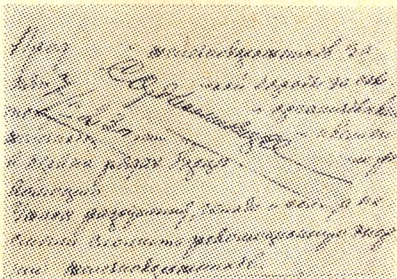
Ужасы разрушения, голода и холода не смогли сломить революционную энергию железнодорожников.

В дни строительства хозяйства наших республик выразим полную уверенность, что железнодорожный пролетариат под руководством закаленных в гражданской войне революционных профсоюзов по-прежнему будет в первых рядах великой армии труда — строителей нашего народного хозяйства.

С. ОРДЖОНИКИДЗЕ

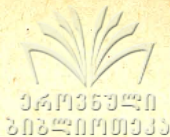
7. II. 23 г.

Это высказывание-приветствие, написанное Г. К. Орджоникидзе 7 февраля 1923 года на двух листках блокнота члена Ре-

волюционного Военного Совета Отдельной Кавказской армии, было предназначено для железнодорожной печати. Б. Корнеев, работавший в ней в те годы, бережно сохранил в своем литературном архиве рукопись Серго Орджоникидзе.

Пребывание на пленуме и главным образом в Грузии (а я еще намерен несколько дней пробыть в колхозе) дало возможность ярко познать величие нашего народа, его неизмеримую радость. Под этим впечатлением я пишу пьесу «В поисках радости».

Ф. ПАНФЕРОВ

Эта запись на листке блокнота относится к дням пребывания ее автора в Тбилиси, на Пленуме Союза писателей СССР, посвященном 750-летию поэмы Шота Руставели.

Грузия! Солнечная страна! Разве можно ее не любить, не стремиться к ней? Страна поэзии и великих ратных дел, родина Шота Руставели, она вдохновляла и Пушкина и Грибоедова, это драгоценнейшая жемчужина нашего необъятного Советского Союза. Всякий раз, когда я еду в Грузию, я испытываю чувство радости, будто мне предстоит познать что-то новое, прекрасное. И каждый раз я познаю это прекрасное, когда ступаю на грузинскую землю. Эти снежные вершины гор, эти цветущие сады и долины, эти горные реки и главное люди, гостеприимные хозяева чудесной страны.

С чувством большого волнения ехал я теперь в любимый мной город Тбилиси, чтобы от имени трудящихся Красной столицы передать горячее поздравление великому народу в дни празднования 20-летия Советской власти в Грузии.

И сейчас, покидая Тбилиси, последний раз взглянув на город с «птичьего полета», с высоты фуникулера, я не могу не повторить: «Как хорошо, что есть на Советской земле Грузия! Наша солнечная Советская Грузия!».

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Сейчас, после волнующих дней в Тбилиси, я испытываю хорошо знакомое и все усиливающееся ощущение близости к писателям братских народов, служащих единому великому делу создания социалистической культуры, и я рад, что принадлежу к большой семье советских литераторов.

В наступающем году я хотел бы выпустить книгу повестей, над одной из которых сейчас работаю. Кроме того, я приступаю к новому роману и, возможно, что части его опубликую уже в конце 1938 года. Я работаю так же над воспоминаниями о встречах с М. Горьким, может быть, это будет книга, куда я включу и замечательные горьковские письма ко мне, полученные от него на протяжении почти полутора десятилетий.

КОНСТ. ФЕДИН

1937, 31 декабря

Я всегда любил портовые города, и это естественно: меня, старого моряка, всегда тянуло к морю, к соленому океану. Но, побывав в солнечной Грузии, я изменил своим чувствам. Я полюбил «сухопутный» город — веселый и жизне-радостный Тбилиси, столицу потомков Руставели, прославившихся своей верностью в дружбе и сердечным гостеприимством.

А. НОВИКОВ-ПРИБОИ

Василию Каменскому

Дорогой поэт и боец! Я хочу приветствовать тебя сегодня, вспомнить твое участие в Октябрьских днях. Надо было иметь много мужества, чтобы выступить в литературе в ночь на 25 октября на стороне большевиков. Ты выступил вместе с Маяковским, схватился со всеми врагами Революции, отдав себя и свой талант подымаемому народу. Я, как и мои товарищи в Красной Армии, помню твою

работу в 1918, 1919, 20 и 21 годах, — преследования и опасности, которые ты пережил. Ты шел с нами. Ты нам помог. Спасибо тебе, товарищ. Прими крепкое рукопожатие!

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

24.V.33.

Тифлис

Эти приветственные строки написаны В. Вишневым на листке редакционного блокнота в связи с юбилеем поэта, отмечавшимся как в Москве, так и в Тбилиси, в котором он был частым гостем.

ИЗ ПИСЕМ

В. Маяковский — издательству «Закнига»

Телеграмма

Тифлис Закнига

Желаю чтоб еще десятки пятилетий читали Закнигу взрослые и дети

МАЯКОВСКИЙ

Директором этого издательства в те годы был Б. И. Корнеев. Издательством было заключено с Маяковским четыре договора, один из них на книжку для детей «Что ни страница, то слон, то львица». Телеграмма была послана в связи с пятилетием издательства.

Всероссийский Союз писателей — Издательству «Закнига»

Уважаемый товарищ!

Всероссийский Союз советских писателей ведет в своем музее советской литературы собрание художественной продукции издательств отдельных республик.

Музей Союза является таким образом единственным из литературных музеев, всецело посвященным собранию и изучению литературы нашей эпохи. Ваше издательство богато художественной продукцией и тем более важно, что оно издает переводы на русский язык со всех языков Закавказья.

Устраивая в будущем году большую выставку «Обложка советской книги», ВССП просит Вас не отказать в помощи этому начинанию. Она могла бы выразиться в принятии Вами решения о посылке одного экземпляра всех выходящих у Вас по отделу художественной литературы изданий, которые составили бы, по использованию на выставке, и ценный вклад в библиотеку ВССП.

В случае Вашего согласия на нашу просьбу просим все отправки адресовать: Москва 1, Тверской бульвар, 25, кв. 6. Пред. Муз. Библ. комиссии ВССП т. Павленко П. А.

Председатель ВССП ЛЕОНИД ЛЕОНОВ
Пред. Муз. библ. комиссии П. ПАВЛЕНКО

ИЗ ПИСЕМ П. А. ПАВЛЕНКО

Сегодня вернулся с гор. На высоте 2300 м. солнце и жара, каких не знает Тифлис, воздух гениальный. Я просто влюбился в горы. А люди здесь — не люди, ходячие легенды. Одно страшно — горные вислячие мосты через ущелье. На одном мосту меня закачало до рвоты, перебрался на четвереньках, а ветер дул в мост с силой шторма, раскачивал его, как качели. Сегодня вернулся с гор и опять дрожу и скулю от холода. На берегу Каспия холодно, ветрено, зимне. Завтра собираюсь выехать в Москву. Сейчас надел на себя половину своего чемодана и с завистью вспоминаю Ваш чудесный кабинет. Его температура кажется мне температурой ванной комнаты или бани. Крепко жму все руки дома Корнеевых.

П. ПАВЛЕНКО

Дорогой Борис Иванович!

Вот я и в Москве. Идет десятый день, как я лежу, благодушествую, бездельничаю и хозяйствую в своем коттедже¹, и уже чувство переиспытанных бытовых невзгод постепенно сменяется сожалением, что поездка так быстро закончена.

Самое страшное — Дагестан — оказалось в действительности самым интересным, и будь у меня еще деньги — остался бы и на неделю и на другую.

В Геташте — с высоты 2 300 метров — как коршун оглядывал, лежа у края скалы — ущелья и долины подошв гор. Вся классическая литература от Пушкина до Л. Толстого так, лежа у обрыва, описывала Кавказ... Мне хотелось переиначить традицию, и я качался на подвесном мосту над ущельем Хартикуну, над Гергебилстроем, как канатоходец, но это не умалило Кавказа. Он классичен, как бы его ни разглядывать. (...)

25. 3. 33

Вы думаете — я все забыл? Я очень хорошо помню, что должен Вам статью о переводчиках, и я вам пошлю ее после того, как проведу московское общегородское собрание переводчиков. Пошлю и свое выступление на Всесоюзном тематическом совещании Союзкино.

...Доехали мы хорошо, только Тихонов неизвестно где потерял книги. Пастернак вспоминает тифлиссские дни, как молодость.

(25.12.33)

...Если Вы переводите что-нибудь с грузинского, шлите мне в «30 дней»² маленькие рассказы. Ищу!

...Еще просьба: попросите кого-нибудь позвонить Левану Асатиани, чтобы он выслал мне «Мнатоби» и грузинскую литературную газету — надо составить информацию о Грузии. (20.II.34).

...Завтра качу на Д. Восток! Если бы проект этой поездки отпал бы, то двинул бы в Грузию, тихо, молчком сел у моря и отдыхал бы. Но судьба — ехать. Когда вернусь, не знаю...

Ваш съездовский № газеты показал я Горькому. Он так понравился ему, что он тут же забрал мой экземпляр и потом — я видел — показывал его т. Жданову. Газету хвалил.

П. Павленко пишет о поездке на Дальний Восток после Первого Всесоюзного съезда писателей (1934 г.). Упоминаемая газета — «На рубеже Востока».

...Пишу с Д. Востока. Зима похожа на грузинскую, без снега, в солнце, но зато с тайфунами, с ветрами, пронзительная, тяжелая.

Я здесь сразу после съезда и до Н. Года, по-видимому, пробуду здесь. Езжу, смотрю.

...Что бы Вам послать на Д. Восток бригаду грузинских писателей!

Кстати, увидите кого-нибудь из них — кланяйтесь.

В частях ОКДВА большой любовью пользуется книга Джавахишвили «Арсен из Марабды». Увидите старика — скажите ему. Я выступал с сообщением об авторе, рассказывал о нем.

(13.XII.34)

ИЗ ПИСЬМА Н. С. ТИХОНОВА

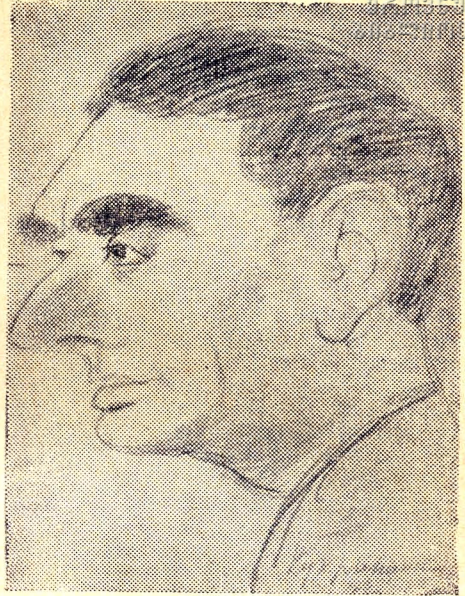
Дорогой Борис Иванович.

Давненько я Вам не писал. Совсем не потому, что я забыл друзей. Забывать друзей, да еще таких хороших — не в моих правилах. Но, милый Борис Ивано-

¹ Коттеджем в шутку названа квартира во дворе Дома Герцена. По инициативе А. И. Свирского бывшие каретники во дворе были переоборудованы в квартиры. Одну из них занимал П. Павленко.

² П. Павленко редактировал журнал «30 дней».

Борис Корнеев. Дружеский шарж Кукрыниксы.

вич, с 14 января по начало февраля я провел в Москве на съездах, потом я привез в Ленинград грузинскую группу поэтов. Об их пребывании в Ленинграде Вы, вероятно, уже слышали.

...Ленинград — город пограничный, война как будто стала ближе — и выводы отсюда делаются на месте. Все это вместе, властно вламываясь в быт, склонный к относительной тишине, нарушило мой порядок письменных разговоров.

Теперь чувствуя уже носом ленинградскую весну, т. е. холодную вату тумана и какие-то остатки снежных сугробов, падающих напоследок с мозглого неба, я невольно обратился к Тифлису, и цветенье ваших садов вызывает такое ощущение необходимости двигаться к югу, что я подпрыгиваю на месте, но увьи! — в этом году я сам наложу на себя эталон неподвижности для того, чтобы сидеть под Ленинградом и писать, писать и работать (а то все нагрузки и дела, а книги где новые).

Приступили мы целым коллективом к переводу книжки грузинских романтиков: Орбелиани, Чавчавадзе, Бараташвили, еще раз Орбелиани, — и всею стараются ленинградцы.

...Алик играет в Чапаева? Прекрасно! Скажите ему, что новый Чапаев — Бабочкин играет в «Борисе Годунове» Самозванца, и когда он в битве под Кромами садится на коня, зал шумно аплодирует и кричит: браво, Чапаев! (факт). Героическая лестница или, вернее, лестница героев начата...

Передайте от меня привет его отличившимся бойцам и поцелуйте от меня самого товарища командира, он обязательно должен приехать в Ленинград, город, который в будущей войне будет пролетарским Верденом.

...Я страшно хочу писать, просто неистовое желание у меня, и я злось сейчас, что писать не удастся. Одна надежда на лето. А потом я приеду к Вам или осенью глубокой погреть кости у Вашего очага или уже в феврале 1936 г. к 15-летию Грузии, когда мы будем вместе пировать с рогами в руках.

Пишите.
Крепко жму руку.

Н. ТИХОНОВ

Если будет желание и время, когда будете писать мне, — напишите про тифлисских поэтов, как они живут, что с ними, меня интересуют Шаншиашвили, Тициан, Паоло, Чиковани, Кутатели, Мицишвили.
(25.III.35)

«САБЧОТА САКАРТВЕ- ЛО» В 1965

О планах редакций грузинской художественной и переводной литературы издательства «Сабчота Сакартвело» рассказал нам директор издательства Э. Маградзе. В будущем году издательство выпустит более 100 названий книг. Сюда войдут произведения грузинских классиков, современных грузинских писателей и поэтов, а также литература братских народов и произведения зарубежных писателей.

В серийных изданиях «Мастера художественного слова» и «Новеллы мира» выйдут произведения Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервилль», Ф. Достоевского «Идиот», Б. Келлермана «Тоннель», М. Сервантеса «Новеллы» и первая книга «Американских новелл».

Будут изданы очередные тома собрания сочинений К. Гамсахурдиа, Г. Леонидзе, С. Чиковани, И. Гришавили, П. Ингороква, С. Квдиашвили, А. Белиа-

швили, Г. Кикодзе, избранное Д. Шенгелая, А. Мирцхулава, Э. Зедгинидзе. Подписчики получат и очередные тома М. Горького, А. Куприна, Ф. Шиллера.

Грузинская современная поэзия представлена поэтами Н. Гурешидзе, Т. Джаягулашвили, М. Квливидзе, Л. Сулаберидзе, О. Челидзе. Выйдут в свет произведения Г. Чиковани, М. Мрвлишвили, Л. Готуа, М. Гвасалия, О. Иоселиани, В. Урджумелашвили.

Готовятся к печати произведения М. Шолохова «Тихий Дон», А. Твардовского «За далью даль», А. Коптяевой «Товарищ Анна», Г. Николаевой «Битва в пути», Б. Кербабая «Небит-Даг», А. Антоновской «Диди Моурави», В. Тендрякова «Чудотворная», В. Ардаматского «Сатурн почти не виден», сборник стихов курдских поэтов, живущих в Тбилиси, и другие произведения грузинских писателей и писателей братских народов.

Запланированы отдель-

ные произведения писателей зарубежных стран: «Король Лир» В. Шекспира, «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси, «Финансист» Т. Драйзера, «Туча» М. Мопса, «Фантастическая ночь» С. Цвейга, «Тысяча один день на Востоке» Фр. Боденштадта. Будет издан сборник «Поэзия друзей». Сюда войдут стихи А. Мицкевича, Ш. Петефи, М. Эминеску, П. Неруды, И. Вазова, Х. Ботвеа, переведенные поэтом Гр. Абашидзе.

В разделе «Критика и литературоведение» выйдут очередные тома «Истории грузинской литературы» под редакцией Г. Леонидзе, «Важа Пшавела в грузинской литературной критике» — И. Боцвадзе, «Грузинская народная новелла» — А. Глonti, «Очерки по истории грузинской журналистики» — А. Каландадзе, «Современный грузинский роман» — Г. Мерквиладзе, «Литературные портреты грузинских советских писателей» — Ш. Радиани и другие критические работы и монографии.

Хроника

ЧИТАТЕЛИ — О ПОВЕСТИ «ТРЕВОГА»

Русская секция Союза писателей Грузии и Тбилисский окружной Дом офицеров Советской Армии провели первое совместное начинание — встречу читателей с писателем.

Встреча состоялась в читальном зале Дома офицеров. Здесь собрались солда-

ты, офицеры Закавказского военного округа, педагоги, работники библиотек, писатели и критики. Обсуждали новое произведение А. Кузьмичева — повесть «Тревога».

Выступившие — офицеры С. Яшин, С. Незнамов, солдат Ю. Савченко, критик М. Заверин и другие говорили о повести «Тревога» как о положительном явлении советской литературы.

А. Кузьмичев один из тех наших писателей, который взялся за отображение сегодняшнего дня в жизни советских воинов, да еще столь современного и интересного рода войск, как ракетчики. Это, конечно, придает книге особый интерес.

Выступавшие отметили как удачу автора, так и ряд недостатков, указали на некоторые фактические неточ-

ности в отображении специфических военных ситуаций, высказали предложения, интересовались дальнейшей судьбой героев книги.

Было указано также, что автору в этом произведении порой не хватает глубины психологического анализа.

А. Кузьмичев в своем ответном выступлении сердечно поблагодарил всех, принявших участие в обсуждении его книги, за честно и откровенно высказанные и ценные для него критические замечания.

КВАИССКИЕ ГОРНЯКИ ОБСУЖДАЮТ ОЧЕРК

Осетинский писатель В. Голоев долгое время жил и работал среди геологов и горняков Квайсского горнообогатительного комбината. С жизнью кваисцев тесно связана и творческая деятельность редактора газеты «Советон Иростон» («Советская Осетия») журналиста А. Кумаритова.

Наблюдения над жизнью и бытом кваисцев, их трудом легли в основу большого очерка «Гора — клад», написанного В. Голоевым и А. Кумаритовым.

Во дворце культуры Квайсского свинцово-цинкового рудоуправления состоялось обсуждение очерка «Гора — клад», в котором горячее участие приняли геологи, горняки, рабочие и служащие, ставшие героями этого произведения.

Выступили бригадир передовой бригады горняков, депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КП Грузии Алихан Хугаев, члены его бригады Ч. Багаев, Х. Цховребов и многие другие, которые поделились своими впечатлениями об очерке, высказали замечания и пожелания, которые авторы очерка обещали учесть в дальнейшей работе.

У НОВЫХ РАБОТ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА

Р. Кент как-то сказал, что «полюбил Грузию по милости работ Ладо». И дейст-

вительно, яркие, светлые работы Ладо Гудиашвили, своеобразные, связанные с национальными традициями, как нельзя лучше отражают красочность, богатство, если можно так сказать, поэзию грузинской земли.

В этом нетрудно убедиться, побывав на выставке народного художника Грузии Ладо Гудиашвили, открытой в Музее искусств Грузии, в связи с представлением его последних работ на премию имени Руставели. Здесь собрано многое из созданного художником за последние два года (с 1962 по 1964 г.).

Восемь полотен экспозиции, выполненные маслом, поражают тончайшим художественным мастерством («Колхозницы», «Сборщицы чая», «Портрет Пиросмани», «Весна» и другие).

Интересны и графические работы художника. Они отличаются неожиданными композициями, пластичностью, эмоциональностью.

Не последнее место в творчестве художника занимает книжная графика. По словам члена-корреспондента АН СССР Ш. Амиранашвили, для иллюстраций художника характерна богатая фантазия, оригинальное решение темы, высокое мастерство исполнения (серия иллюстраций к «Мудрости Балавара», «Амиран Дареджаниани», «Лейла и Меджнун» и другие).

Выставка, красочная и интересная, привлекает все новых и новых посетителей.

НА ФОТОВЫСТАВКУ «СЕМИЛЕТКА В ДЕЙСТВИИ»

Министерство культуры Грузинской ССР с фотосекцией Союза журналистов Грузии в феврале организует в Тбилиси фотовыставку, в которой примут уча-

стие фотокорреспонденты и фотолюбители нашей республики.

Республиканская фотовыставка будет подготовительным этапом к предстоящей всесоюзной выставке «Семилетка в действии». Отобранные на республиканской выставке фотоэкспонаты будут демонстрироваться на 6-й всесоюзной выставке в Москве.

Тематика фотовыставки довольно широка. Здесь будут представлены пейзажи, жанровое фото, портреты передовиков в труде и искусстве, работы, отображающие труд советского человека, его творчество, отдых, достижения нашей республики, жизнь молодежи.

ФОЛЬКЛОР ГРУЗИИ

Отделом фольклора Института истории грузинской литературы имени Руставели Академии наук республики подготовлен том грузинского фольклора «Героическая поэзия» — первая книга из многотомного издания грузинской народной словесности.

В нее вошли старинные героические стихи — более тысячи основных образцов и двух тысяч вариантов народной поэзии.

Составлен этот том доктором филологических наук К. Сихарулидзе, которая за свою тридцатилетнюю деятельность записала несколько тысяч образцов устного народного творчества, опубликовала свыше ста исследований.

В первом томе, публикуя образцы героической поэзии, К. Сихарулидзе открыла и исследовала их аналогии в греческой мифологии, разыскала аналогии сказаний о легендарном основателе города Тбилиси царе Вахтанге Горгасале и царице Грузии Тамар в устном народном творчестве Германии, Англии, Египта.

ОБСУЖДАЮТСЯ ПРОБЛЕМЫ ЭКРАНИЗАЦИИ

В Союзе работников кинематографии Грузии за круглым столом собрались кинокритики, кинодраматурги, теоретики кино и другие деятели нашего киноискусства, чтобы обсудить проблемы экранизации произведений грузинской классики.

Грузинской советской кинематографией уже создано немало произведений, в основу которых положены образцы грузинской классической литературы, начиная с первой советской экранизации «Элисо» А. Казбеги, великолепно снятой режиссером Н. Шенгелая, и кончая многочисленными фильмами последних лет, соз-

данными по произведениям классиков: «Отарова вдова» И. Чавчавадзе, «Хевисбери Гоча» А. Казбеги, «Баши-Ачуки» А. Церетели и многих других.

Этот факт дает богатый материал для размышлений, для серьезного принципиального разговора. В данной области кинематографии выработались определенные тенденции, наметились различные пути, экранизации классических произведений. Можно точно следовать за сюжетом литературного первоисточника, за авторской мыслью, в основных деталях переносить на экран развитие образов; в другом случае, по мотивам литературного первоисточника создается совершенно новое произведение киноискусства.

Более ценный и оправданный метод экранизации классики, когда основную идею произведения постановщики адресуют нашим современникам, когда сегодня фильм звучит остро, волнует, будит лучшие чувства.

Эта мысль, как лейтмотив, звучала почти в каждом выступлении, посвящаясь ли оно разбору отдельных фильмов или общим проблемам экранизации классики.

Об этом говорили главный редактор сценарного отдела киностудии «Грузия-фильм» А. Бакрадзе, киновед Л. Рондели, редакторы сценарного отдела А. Махарадзе, Н. Амашукели, режиссеры Л. Эсакия, О. Андроникашвили, Т. Мелиава, Ш. Гедеванишвили и др.

Подписано к печати 12 февраля 1965 г. 6 печ. листов. Формат бумаги 70 X 108^{1/16}.

Заказ № 3662

Тираж 2300

УЭ 03623

Цена 40 коп.

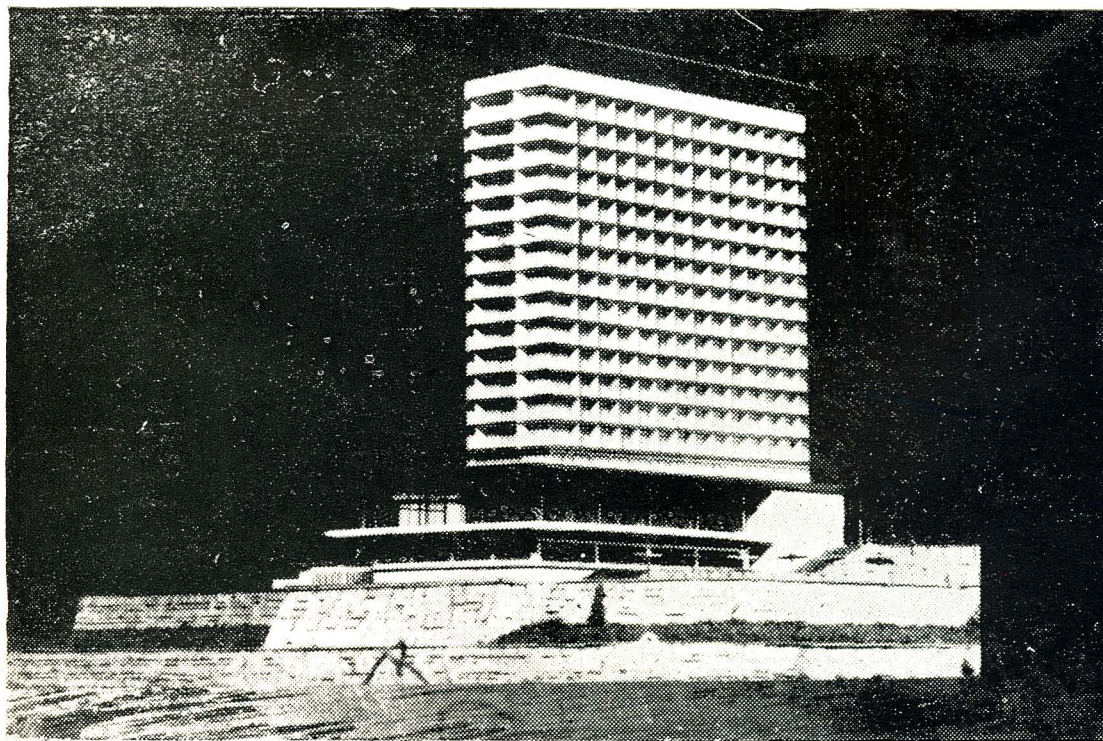
Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Полиграфкомбинат издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина 14.

Проект здания гостиницы «Интурист» в Тбилиси

6. 10/70

ИНДЕКС
76117

Цена 40 коп.